

ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА

КЛАССИЧЕСКИЙ РОМАН, СТАВШИЙ
НАСТОЛЬНОЙ КНИГОЙ У НЕКОЛЬКИХ
ПОКОЛЕНИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ.

PUBLISHERS WEEKLY

ДЭНИЕЛ

КИЗ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

821.111(73)-3

к 38

ДЭНИЕЛ КИЗ
ЦВЕТЫ
ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К38

Daniel Keyes

FLOWERS FOR ALGERNON
Copyright © 1966 by Daniel Keyes

Перевод с английского *Сергея Шарова*

Серия «Белая птица»

Художественное оформление *Луизы Бакировой*

Серии «100 главных книг» и «Культовая классика»

Оформление *Натальи Ярусовой*

Оформление серии «Pocket book» *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Виталия Еклериса*

Киз, Дэниел.

К38

Цветы для Эдджернона / Дэниел Киз ; [пер. с англ. С. Шарова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103600-3 (Белая птица)

ISBN 978-5-699-81500-5 (100 главных книг)

ISBN 978-5-699-41332-4 (Pocket book)

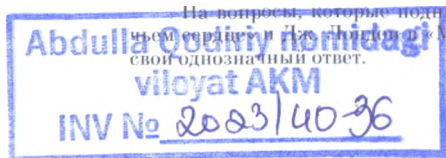
ISBN 978-5-699-96594-6 (Культовая классика)

«Цветы для Эдджернона» Дэниела Киза входят в программу обязательного чтения в американских школах. Это единственная история в жанре научной фантастики, автор которой был дважды награжден сначала за рассказ, а потом за роман с одним и тем же названием, героем, сюжетом.

Тридцатитрехлетний Чарли Гордон — умственно отсталый. При этом у него есть работа, друзья и непреодолимое желание учиться. Он соглашается принять участие в опасном научном эксперименте в надежде стать умным...

Эта фантастическая история обладает поразительной психологической силой и заставляет задуматься над общечеловеческими вопросами нравственности: имеем ли мы право ставить друг над другом эксперименты, к каким результатам это может привести и какую цену мы готовы заплатить за то, чтобы стать «самым умным». А одиноким?

На вопросы, которые поднимали еще М. Булгаков в «Собачьем сердце» и Лиз Филдинг в «Мартине Идене», Дэниел Киз дает свой однозначный ответ.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-103600-3

ISBN 978-5-699-81500-5

ISBN 978-5-699-41332-4

ISBN 978-5-699-96594-6

© Шаров С., перевод на русский язык, наследники, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1 атчет 3 марта

Док Штраус сказал што я должен писать все што я думаю и помню и все што случаетца со мной с севодня. Я не знаю пачему но он гаварит што это важно штобы они могли увидеть што я падхажу им. Я надеюсь што падхажу им потому што мис Кинниан сказала они могут сделать меня умным. Я хочю быть умным. Меня зовут Чярли Гордон я работаю в пикарне Доннера где мистер Доннер плотит мне 11 доларов в ниделю и дает хлеб или перожок когда я захочю. Мне 32 года и через месяц у меня день рождения. Я сказал доку Штраусу и профу Немуру што я не могу харашо писать но он сказал што это ничево и што я должен писать как гаварю и как пишу сачинения на уроках у мис Кинниан в колеже Бекмана для умствено атсталых куда я хажу 3 раза в ниделю по вечерам. Док Штраус гаварит пишы все што думаеш и што случаетца с тобой но я уже не могу думать и по этому мне нечево писать так што я закончу на севодня... Искрине ваш Чярли Гордон.

2 атчет 4 марта

Севодня меня правиряли. Мне кажеца я не падайду им. У меня был перерыв и как они сказали я пошел к профу Немуру и ево секретарша сказала здравстуй и привела меня где на двери было на писано отдел психологии и был большой зал и много маленьких комнаток с только столом и стульями. И очень приятный челавек был в одной ис комнаток и у него были белые листки на которых были пролиты чирнила. Он сказал садись Чярли устраивайся паудобней и успокойся. На нем был белый халат как у доктора но мне кажеца што он был не доктор потомушто он не сказал мне аткрой рот и скажы а. У него были только эти белые листки. Ево зовут Барт. Я не помню ево фамилии потомушто плохо запаминаю. Я не знал што он будет делать и я крепко держался за стул как у зубново врача только Барт и не зубной врач но он сказал мне штоб я успокоился и я испугался потомушто когда так гаварят всегда бывает больно.

Барт сказал Чярли што ты видиш на этом листке. Я видел пролитые чирнила и очень испугался хотя заечья лапка была у меня в кармане потомушто когда я был маленький я всегда плохо учился и проливал чирнила. Я сказал Барту я вижу чирнила пролитые на белый листок. Барт сказал да и улыбнулся и мне стало харашо. Он переварачевал все листки и я гаварил ему кто то разлил на них черные и красные чирнила. Я думал это лехко но когда я встал штобы идти Барт сказал садись Чярли мы ещо не кончили. Мы ещо не все сделали с листками. Я не понел но я помнил што док Штраус сказал делай все што тебе скажут даже если не понемаеш потомушто это тест.

Я не очень харашо помню што гаварил Барт но помню што он хотел штобы я сказал што было в чирнилах. Я там ничево не видел но Барт сказал там картинки. Я не видел ни каких картинок. Я очень старался. Я держал листок блиско а патом далеко. Патом я сказал если я надену очки я наверно увижу лутше я надеваю очки в кино и когда сматрю тиливизир но я сказал может быть они дадут мне увидить картинки в чирнилах. Я надел их и сказал дай пасматреть спорим я сичас их найду. Я очень старался но не нашол картинок а видел только чирнила. Я сказал Барту может мне нужны новые очки. Он штото

записал на бумаге и я испугался што не пройду тест. Я сказал ему это очень красивая картинка с прилесными точичками по краям но он пакачял галавой и я понел што это апять не то. Я спросил другие люди видют што-нибуть в чирнилах и он сказал они вображают картинки в чирнильном петне. Он сказал што чирнила на картинках называюца чирнильное петно.

Барт очень приятный и гаварит медлено как мис Кинниан на уроке в класе куда я хажу учица читать для медлительных взрослых. Он обьеснил мне што это за тест. Он сказал люди видют разные штуки в чирнилах. Я сказал пакажы мне. Он не паказал а сказал **ВОБРАЖАЙ** што тут штото есть. Што это напаменает тебе и придумай штонибуть. Я закрыл глаза и придумал и сказал как пузырек с чирнилами выливаеца на белый лист. Тут у него сломался карандаш он встал и вышел.

Мне кажеца я не прошол этот тест.

3 атчет 5 марта

Док Штраус и проф Немур гаварят это ничево нащот чирнил на листках. Я сказал им это не я разлил чирнила и от куда я могу знать што там под ними. Они сказали можетбыть я им падайду. Я сказал доку Штраусу мис Кинниан ни когда не давала мне тестов а только чтение и письмо. Он сказал мис Кинниан сказала ему што я был ее лутший ученик в колеже Бекмана для умствено атсталых и я старался больше всех потомушто я хотел научица даже больше тех кто умнее меня.

Док Штраус спросил как случилось што ты сам пришол в школу Бекмана Чярли. Как ты узнал про нее. Я сказал я не помню. Проф Немур спросил пачему ты хотел учица читать и писать. Я сказал ему потомушто всю жизнь я хотел быть умным а не глупым и моя мама всегда гаварила старайся и учись и мис Кинниан гаварит это но очень тяжело быть умным и даже когда я штонибудь выучю в класе я много забываю.

Док Штраус штото записал на бумаге а проф Немур гаварил со мной очень сирьезно. Он сказал ты знаеш Чярли мы не уверены как этот кспиримент падействует на людей потомушто мы делали ево только на животных. Я сказал мис Кинниан сказала мне но мне все равно если будет больно потомушто я сильный и буду стараца.

Я хочю быть умным если они разрешат мне. Они сказали им нужно взять разрешение у моей семьи но мой дядя Герман каторый заботился об мене помер и я не помню про свою семью. Я не видел мою маму и моево папу и мою маленькую сестру Норму очень очень давно. Может они тоже померли. Док Штраус спросил где они жыли. Мне кажеца в бурклине. Он сказал может они найдут их.

Харашобы писать паменьше этих атчетов потомушто это занимает много времени и я ложусь спать позно и утром усталый. Джимпи наарал на меня потомушто я уронил полный поднос булочек каторый я нес к печи. Они испачкались и ему пришлось вытирать их а патом ставить в печ. Джимпи арет на меня все время но я ему панастающему нравлюсь потому што он мой друг. Если я стану умным вот будет ему серприс.

атчет 4

Севодня у меня был другой дурацкий тест на случай если я им падайдуду. Этоже самое место но другая маленькая комнатка. Леди каторая там была сказала мне ево название и я спросил как оно пищеца штобы записать в атчет. Тематический апперцептический тест. Я не знаю двух первых слов но я знаю што такое тест. Ево нужно сделать ато палучиш плохую атметку.

С начала я думал этот тест лехкий потомушто я видел картинки. Только на этот рас она не хотела штобы я гаварил што вижу я со всем запутался. Я сказал ей вчера Барт сказал што я должен сказать што я вижу в чирнилах. Она сказала этот тест другой. Ты должен придумать истории про людей в картинках.

Я сказал как я могу рассказывать про людей каторых не знаю. Она сказала а ты претворись а я сказал это будет вранье. Я ни когда больше не вру потомушто когда я был маленький я врал и меня за это били. У меня в бумажнике есть картинка меня и Нормы и дяди Германа каторый устроил меня в пикарню прежде чем помер.

Я сказал што могу рассказать истории про них потомушто долго жыл с ними но леди и слышать про них не хотела. Она сказала што этот тест и другой для тово штобы палучить мою личность. Я смиялся. Я сказал как можно палучить эту штуку из листов на каторые пролили чирнила и фатографий людей каторых я не знаю. Она расердилась и забрала картинки. Мне напливать.

Мне кажеца я и этот тест не сделал.

Патом я рисовал ей картинки но я плохо рисую. Патом пришол Барт в белом халате ево зовут Барт Селдон. Он атвел меня в другое место на томже 4 итаже уневерсетета Бекмана каторое называеца лабалатория психалогии. Барт сказал психалогия азначает мозги а лабалатория азначает где они делают кспирименты. Я думал это жвачка но теперь мне кажеца это игры и загатки потомушто мы это делали.

Я не мог сделать галаваломку патамушто она была вся сломана и кусочки не лезли в дырки. Одна игра была бумага с разными линиими на одной старане было СТАРТ а на другой ФИНИШ. Барт сказал што

эта игра называется ЛАБЕРИНТ и я должен взять карандаш и идти от туда где СТАРТ туда где ФИНИШ и не пересекать линий.

Я не понел и мы испортили кучю бумаги. Тогда Барт сказал я покажу тебе коешто идем в кспириментальную лабалаторию может ты поймеш. Мы паднялись на 5 итаж в другую комнату где было много клеток и животных. Там были абизьяны и мыши. Там был чюдной запах как на старой памойке и много людей в белых халатах каторые играли с ними и я падумал што это магазин но они не были пахожы на пакупатилей. Барт вынул из клетки белую мыш и показал мне. Барт сказал это Эдджернон и он здорово разбираеца в лаберинте. Я сказал покажы мне как.

Он пустил Эдджернона в большой ящик со стенками где было много изгибов и паваротов и СТАРТ и ФИНИШ как на бумаге и закрыл ево стеклом. Барт вынул часы и поднял дверь и сказал ну пашли Эдджернон и мыш нюхнула 2 или 3 раза и пабежала. С начала она бежала прямо а когда увидила што не может бежать дальше вернулась от куда начала пасидела там шевилали усами а патом пабежала в другую сторону. Это было пахоже на то што Барт хотел штобы я сделал с линиеми на бумаге. Я засмиялся потомушто я думал мыш не сделает этово. Но Эдджернон бежал как надо потомушто прибежал где написано ФИНИШ и запищял. Барт сказал што это он радуеца што сделал все как надо.

Ну и хитрущяя мыш сказал я.

Барт сказал хочеш пабегать на перегонки с Эдджерноном. Я сказал конешно и он сказал што у нево есть другой лаберинт нарисованый на доске и с иликтрической палочкой как карандаш а лаберинт Эдджернона он переделает и он будет как мой и мы будем делать одно и тоже.

Он переставил все стенки на столе у Эдджернона они были разборные и приделал их подругому. Патом он поклял обратно стекло штобы он не мог прыгать через стенки прямо к ФИНИШУ. Патом он дал мне иликтрическую палочку и показал как водить ей между линиеми и мне нельзя поднимать ее от доски пока мне не куда будет ее двигать или меня чютьчють не трехнет. Я старался не гледеть на нево и очень валнавался.

Когда он сказал пошел я не пошел патамушто не знал куда итти. Патом я услышел как Эдджернон запищял из ящика и затопал как

бутто уже бежал. Я двинул палочку но пошел не так потомушто застрял и меня трехнуло и я вернулся к СТАРТУ но каждый раз когда я шол другим путем я застревал и меня тресло. Это не больно я только чютьчють подпрыгивал а Барт сказал это паказывает што я пошел не верно. Я прошел половину доски и услышел как Эджернон пищит как бутто радуца што выграл у меня.

Он выграл у меня еще 10 раз потомушто я не мог найти правельный путь к ФИНИШУ. Я не чувствовал себя плохо патамушто смотрел на Эджернона и понел как притти к ФИНИШУ даже если это очень долго.

Не знал я што мышы такие умные.

атчет 6. март 8

Я боюсь. Много народу кто работает в колеже и в медшколе пришли пажелать мне щастья, Барт принес мне цветы он сказал што это от психическаво отдела. Он пажелал мне удачи. Надеюсь мне павезет. У меня есть заечья лапка щасливое пенни и подкова. Док Штраус сказал не быть таким суеверным Чярли. Это наука. Я не знаю што такое наука но они все гаварят это. Так што может она принесет мне удачу. Но я всеравно держу заечью лапку в одной руке и щасливое пенни в другой с дыркой в нем. В пенни. Я хотел взять с собой подкову но она очень тежолая и я аставил ее в куртке.

Джо Карп из пикарни принес мне шакаладный пирог от мистера Доннера и они надеюца што я скоро паправлюсь. В пикарне думают што я болею потомушто проф Немур сказал штобы я так гаварил и ничево про апирацыю. Это секрет на случай если апирацыя не получица. Потом ко мне пришла мис Кинниан и принесла мне журналы и она была нервная и испуганая. Она поправила цветы на столе и положила все ровно и акуратно. И она поправила мне подушку под головой. Я нравлюсь ей потомушто я очень стараюсь научица всему не как астальные в центре для взрослых которым на все плевать. Она хочет штобы я стал умным. Я знаю.

Потом проф Немур сказал што посетителей больше не будет и мне надо адахнуть. Я спросил я побью Эджернона после апирации и он сказал можетбыть. Если апирацыя пройдет как надо я пакажу этой мышы што я могу быть такимже умным и даже умнее. Тогда я буду лутше читать и выгаваривать правельно слова и буду знать много много и буду пахожим на астальных. Вот все удивяца. Если апирацыя пройдет как надо и я стану умным можетбыть я найду своих папу маму и сестру и пакажу им. Как они удивяца когда увидят што я такойже умный как они и моя сестра.

Проф Немур гаварит што если все будет харашо то они будут делать умными и других людей. Может и во всем мире. И он сказал значит я сделаю штото великое для науки и буду знаменитым и мое имя напишут в книгах. Мне всеравно буду я знаменитым или нет. Я только хочю быть умным как другие и штобы у меня было много

друзей которые будут меня любить. Севодня мне не дали ничево поесть. Я не знаю нужноли это што бы стать умным и я хочю есть. Проф Немур отнял мой шакаладный пирог. Это не харашо. Док Штраус сказал он отдаст ево после апирацыи. Перед апирацьеи ничево нельзя есть. Даже сыра.

атчет 7. Март 11

На апирацьи совсем не было больно. Док Штраус сделал ее пока я спал. Я не знаю как потомушто я не видел на моих глазах и галаве 3 дня была павяска и до севодня я не мог писать атчетов. Тошяя сестра каторая следила как я пишу сказала што я пишу ОТЧЕТ не правельно и показала мне как он пишеца. Нужно запомнить это. Я очень плохо помню как надо писать. Севодня с глаз сняли павяску и я смог написать отчет. Но на галаве ещо астались павяски.

Я очень испугался когда они пришли и сказали што пора итти на апирацью. Меня заставили вылести из кровати и леч на другую кровать каторая на калесах и выкатили меня ис комнаты и по коридору до двери на каторой написано апирацьюная. Я был удевлен это была агромная комната с зелеными стенками и вокруг сидело много других докторов они слидили за апирацьей. Не думал я што это будет как цырк.

Человек подошел к столу весь в белом и с белой тряпкой на лице как в картинах по телику и в ризиновых перчатках и сказал спакойно Чярли это я док Штраус. Я сказал привет док я боюсь. Он сказал не надо бояца Чярли ты сичас уснеш. Я сказал што этово я и боюсь. Он пагладил меня по галаве и потом 2 человека в белых масках подошли и привезали мне руки и ноги так што я не мог двигаца и тут я совсем испугался и хотел заплакать но они надели мне на лицо ризиновую штуку дышать и она страно пахла. Все время я слышал как док Штраус гаварит всем про апирацью и што он собираеца делать. Но я ничево не понел и думал можетбыть потом я стану умным и пойму о чом он гаварит. Я всдохнул и очень устал и с разу уснул.

Когда я проснулся я был с нова в своей кровати и было темно. Я ничево не видел но слышал как гаварят. Это были сестра и Барт и я сказал в чом дело включите свет и когда они собираюца апирировать. Они засмиялись и Барт сказал Чярли все уже сделано. А темно потомушто у тебя павяска на глазах.

Чюдно. Они сделали это пока я спал.

Барт приходит каждый день записать мою тимпиратуру и другие штуки про меня. Он сказал это научный метод. Нужно записать все все

штобы потом сделать это с нова когда захатят. Не мне а другим каторые то же не умные.

По этому я должен писать эти отчеты. Барт сказал это часть кспиримента и они сделают фотографии с отчетов и будут их изучать и узнают што праисходит у меня в мозгу. Не знаю как они узнают это патамушто я читал их миллион рас и не знаю што у меня в мозгу и как они узнают.

Ну штош это наука и я пастараюсь стать умным как другие. Тогда они будут разговаривать со мной и я смогу сидеть с ними и слушать как Джо Карп и Фрэнк и Джимпи когда они апсуждают всякие важные дела. Когда они работают они начинают гаварить про бога или про деньги каторые тратит призидент или про республиканцев и димакратов. Они шумят бутто хотят подраца тогда приходит мистер Доннер и кричит хватит чесать языки и давай работать. Я тоже хачю разговаривать про это.

Если ты умный то у тебя много друзей с ними можно разговаривать и ты ни когда не будеш один.

Проф Немур сказал штобы я больше писал в отчетах што случаеца со мной но ещо сказал нужно писать што я чувствую и про свое прошлое. Я сказал я не умею вспомянать и думать а он сказал ты папробуй.

Все время пока у меня были завязаны глаза я думал и вспомянал но ничево не случилось. Я не знаю про што думать. Можетбыть я спрашу ево и он скажет мне как думать когда я стал умным. Про што думают умные и што помнут. Интиресно.

12 марта

Оказываеца я не должен писать слово ОТЧЕТ на каждом новом листе после тово как проф Немур забирает старый. Нужно писать только число. Это атличная идея и эканомит время. Я могу вставать в кровати и сматреть в окно на траву и деревья. Тощюю сестру зовут Хильда и она очень добрая. Она приносит мне еду паправляет постель и гаварит што я очень храбрый што разрешыл им делать апирацью на галаве. Она сказала што не разрешила бы это за весь чай в китае. Я сказал што это не за чай а штобы стать умным. А она сказала может они не имели права делать тебя умным потомушто если бы господь хотел штобы я был умным он бы сделал так штобы я радился умным.

А што гаварить про Адама и Еву про грех с деревом познания и про яблоко и про их изгнание. И может проф Немур и док Штраус играют с вещами которые лутше аставить в пакое.

Она очень тощая и когда разгаваривает ее лицо все краснеет. Она сказала мне нужно молица богу и просить у него прощения за то што со мной сделали. Но я не ел яблоков и не грешил а теперь я боюсь. Может я зря разришил им апириравать мои мозги если она гаварит што это против бога. Не хочу гневать господа.

13 марта

Севодня у меня другая сестра. Она очень красивая ее зовут Люсиль и она показала мне как писать ее имя в отчетах и у нее желтые волосы и голубые глаза. Я спросил где Хильда и она сказала в радильном атделении где она может трепать езыком сколько угодно. Когда я спросил ее што такое радильное атделение она сказала што там раждаюца маленькие детки а когда я спросил ее как они палучяюца она покраснела как Хильда и сказала мне нужно померить у когото тимпиратуру. Никто не рассказывал мне про маленьких деток. Может если я стану умным то узнаю. Севодня приходила мис Кинниан и сказала Чярли ты чюдесно выглядиш. Я сказал што чувствую себя здорово но ещо не стал умным. Я думал мне после апирацьи снимут пазяску с глаз и я стану умным и буду знать много всево и смогу читать и разгаваривать про разные вещи как другие.

Она сказала это не так Чярли. Это приходит не с разу и нужно потрудица штобы стать умным. Я не знал этово. Если нужно трудица то зачем тогда апирацья. Она сказала она не уверена но апирацья должна сделать мне так што если я буду трудица штобы стать умным я буду все помнить а раньше я ничево не помнил.

Я сказал ей што это не очень харашо потомушто я думал я стану умным с разу и смогу вернуца и показать парням какой я умный и пагаварить с ними и может я стану памошником пекаря. Патом я хочю найти маму и папу. Они удивяца какой я умный мама всегда хотела штобы я был умный. Может они не прагонят меня если увидют какой я умный. Я сказал мис Кинниан я очень очень пастаруюсь. Она пагладила меня по галаве и сказала я верю в тебя Чярли.

Отчет 8

15 марта

Меня выписали из госпиталя но на работу я еще не хожу. Ничего не случается. Я прошел кучу тестов и миллион гонок с Эдджерноном. Не навижу этого мыша он всегда выигрывает. Проф Немур сказал я должен правиряца и саривнаваца с нова и с нова. Эти лаберинты дурацкие. И картинки тоже дурацкие. Мне нравица смотреть на картинки на каторых муцины и женщины но я не буду выдумывать не правду про людей.

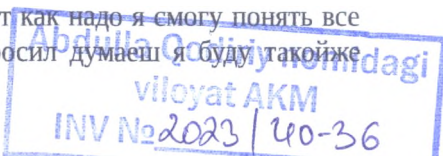
У меня болит галава потомушто я стараюся много думать и запаминать. Док Штраус обещал помоч но не помогает. Он не гаварит про што мне думать и когда я стану умным. Он только заставляет меня ложыца на кушетку и гаварить.

Мис Кинниан то же приходит навестить меня в колеже. Я сказал ей што ничего не случается. Когда я стану умным. Она сказала Чярли ты должен быть тирпиливым для этово нужно время. Это случица так медлено ты и не заметиш. Она сказала мне што Барт сказал ей што мои дела идут харашо. Я все равно думаю эти тесты и гонки дурацкие и думаю отчеты то же дурацкие.

16 марта

Я съел ленч в месте с Бартом в сталовой колежа. У них есть всякая харошая еда и я не плачу за нее ни цента. Мне нравица сидеть и смотреть на студентов и студенток. Иногда они смеюца но в аснавном разгаваривают о том о чем и в пикарне Доннера. Барт сказал это про искусство политику и религию. Я не знаю што это такое но знаю што религия это бог. Мама рассказала мне про нево и про то как он сделал мир. Она гаварила я должен всегда любить бога и молица ему. Я не помню молитв но думаю когда я был маленьким мама чясто заставляла меня молица ему штобы он сделал меня здоровым а небольшим. Я думаю што это какраз што я не был умный.

Барт сказал если кспиримент пройдет как надо я смогу понять все про што разгаваривают студенты я спросил думаеш я буду такойже

умный он засмехался и сказал што эти ребята не такие уж умники ты абайдеш их как бутто они стоят на месте.

Он пазнакомил меня с некоторыми из них и они гледели на меня как то страно бутто я чужой. Я почти забыл и стал рассказывать им што я буду скоро такой же умный как они но Барт прервал меня и сказал им што я уборщик в лабалатории. Потом он обьеснил што моя апирацьа секрет. Я не савсем панимаю почему это секрет. Барт сказал это на случай если ничево не получица то проф Немур не хочет штобы над ним смиялись особено люди из фонда Уэлберга которые дали ему деньги для праекта. Я сказал мне все равно если люди будут смияца надо мной. Много людей смиеца надо мной но они мои друзья и нам весело. Барт палажил мне руку на плечо и сказал Немур не о тебе беспокоица.

Мне кажеца што люди не будут смияца над профом Немуром потомушто он учоный в колеже но Барт сказал што для других учоных и депломников учоные тоже люди. Барт сам депломник и ево спициальность ПСИХОЛОГИЯ как на двери в лабалаторию.

Скарее бы стать умным потомушто я хочю узнать все што есть в мире как эти ребята из колежа. Про искусство палитику и бога.

17 марта

Утром когда я проснулся мне паказалось што я уже умный но я ашибся. Каждое утро я так думаю и все время ашибаюсь. Может кспиримент не палучился. Может я савсем не стану умным и буду жыть в доме Уоррена. Ненавижу тесты ненавижу лабиринты и ненавижу Эджернона. Ни когда не знал што я глупее мыша. Я не хочю больше писать отчеты. Я все забываю и даже когда я записываю штото в книшку то потом не всегда могу прочитатъ и мне очень плохо. Мис Кинниан сказала Чарли будь тирпиливым но я устал и мне плохо. У меня все время болит галава. Я хочю абратно в пикарнию и не хочю писать ни каких отчетов.

20 марта

Я вазвращаюсь работать в пикарнию. Док Штраус сказал профу Немуру так будет лутше но все равно мне ни кому нельзя гаварить про апирацьу за чем она была и я должен приходиться каждый вечер после работы на 2 часа в лабалаторию делать тесты и писать дурацкие

отчеты. Они будут каждую неделю платить мне как за работу потомушто так сказали люди из фонда Уэлберга когда давали им деньги. Я досих пор не знаю што такое Уэлберг. Мис Кинниан объясняла мне но я не понел. Если я не стал умным то почиму мне плотют деньги. Но если они будут платить то я буду ходить. Очень трудно писать.

Я рад што вазвращаюсь на зад потомушто я люблю свою работу в пикарне и своих друзей и как нам бывает весело. Док Штраус сказал я должен носить в кармане записную книшку на случай если я штонибудь вспомню. И я не должен песать отчеты каждый день а только когда я думаю про штонибудь или случяеца штото не обычное. Я сказал со мной не случяеца ничево не обычного и кспиримент то же не случился. Он сказал не падай духом Чярли для этово нужно время и ты сам не сразу заметиш. Он обьеснил как это занело много времени у Элджернона пока он стал в 3 раза умнее.

Значит Элджернон все время абганяет меня в лаберинте потомушто ему сделали такуюже апирацыю. Он спицыальная мыш и первое животное которое так долго астаеца умным после апирацыи. Не знал што он спицыальный мыш. Это другое дело. На верно я смогу абагнать в лаберинте простого мыша. Может потом я абганю и Элджернона. Вот это будет да. Док Штраус сказал пахоже Элджернон астанеца умным на всегда и это хороший признак потомушто нам обоим сделали одну и туже апирацыю.

21 марта

Севодня нам в пикарне было очень весело. Джо Карп сказал эй пасматрите где Чярли делали апирацыю што они сделали Чярли влажили тебе мозги в заднее место. Я хотел сказать што буду умным но вспомнил што проф Немур сказал што не надо. Потом Фрэнк Рэйли сказал Чярли ты открыл дверь не тем местом. Я засмехался. Они все мои друзья и любят меня по настоящиму.

Работы много. Без меня не кому было убираца в пикарне потомушто это моя работа но у них новый парень Эрни который разносит хлеб а я это всегда делал. Мистер Доннер сказал он решыл пока невыганять ево штобы дать мне агдахнуть и не работать слишком много. Я сказал ему со мной все в порядке и я могу и разносить и убирать как всегда но мистер Доннер сказал парень остаеца.

Я сказал а што мне делать. А мистер Доннер пахлопал меня по плечю и спросил Чярли сколько тебе лет. Я сказал 32 а в день рождения будет 33. А давно ты здесь спросил он. Я сказал не знаю. Он сказал ты пришел сюда 17 лет на зад. Твой дядя Герман боже упакой ево душу был мой лутший друг. Он привел тебя сюда и папрасил меня разрешить тебе работать здесь и присмотреть за тобой. А когда он через 2 года помер и твоя мать атдала тебя в дом Уоррена я заставил их разрешить тебе работать у меня. 17 лет Чярли и я хочю штобы ты знал што хотя пикарное дело и не приносит большого дахода я всегда гаварил у тебя будет здесь работа до конца твоей жызни. Такшто не беспакойся што ктото займет твое место. Тебе ни когда не придеца вазвращаца в дом Уоррена.

Я и не беспакуюсь только за чем ему нужен Эрни если я могу и разнасить и убирать. Я всегда делал это харашо. Он сказал парню нужны деньги Чярли и он будет учеником а потом станет пекарем. Ты будеш ево памошником и памагать ему когда надо.

Ни когда я не был памошником. Эрни умный но другие почему то не очень любят ево. Они любят меня они мои друзья и мы шутим и смеиемся в месте.

Иногда ктото гаварит эй сматри Фрэнк или Джо или даже Джимпи он пахож на Чярли Гордона. Я не знаю почему они так гаварят но они всегда смиюца и я тоже смиюсь. Утром Джимпи он старый и он храмой назвал мое имя когда он арал на Эрни потомушто Эрни потирял празничный пирог. Он сказал Эрни чортвозьми ты притваряешся Чярли Гордоном. Не знаю за чем он так сказал. Я ни когда не терял пасылок.

Я спрасил мистера Доннера могули я научица штобы быть учиником как Эрни. Я сказал што смогу научица если он даст мне шанс.

Мистер Доннер долго и чюдно сматрел на меня я думаю потомушто я всегда молчю. Фрэнк услышал это и хахатал пока мистер Доннер не сказал заткнись и ступай к печи. Патом он сказал для этово нужно много времени Чярли. Работа пекаря очень важная и трудная и не нужно пока думать про это Чярли.

Я очень хочю расказат ему и другим про настаящуюо апирацью. Я хочю штобы все палучилось и я стал умным как другие.

Проф Немур и Док Штраус прихадили ко мне в комнату штобы узнать почиму я не пришол в лабалаторию. Я сказал я не хочю бегать на перегонки с Элджерноном. Проф Немур сказал не хочеш не надо но притти нужно. Он принес мне подарок только это не подарок а на время. Он сказал это обучающяя машина и работает как телевизор. Она гаварит и паказывает картинки и я должен включать ее как ложусь спать. Я сказал ты шутиш за чем включать телевизор когда я ложусь спать. Но проф Немур сказал што если я хочю стать умным то нужно делать как он гаварит. А я сказал ему я думаю я ни когда не стану умным.

Тогда док Штраус подошел положил мне руку на плече и сказал Чярли ты сам этово не знаеш но ты становишя все умнее и умнее. Ты не замечаеш этово как не замечаеш как движеца часовая стрелка на часах. В тебе идут изминения. Они идут очень медлено. Но мы замечаем их по твоим тестам и как ты гавариш и по твоим отчетам. Мы не уверены на савсем ли это но мы уверены што скоро ты станеш в полне интигентным молодым челавеком.

Я сказал ладно и проф Немур паказал мне как включить этот не телевизор. Я спросил а што он делает он с нова нахмурился потомушто я прошу обьеснить. Но док Штраус сказал што нужно расказат мне потому што я уже перестал верить всему што мне скажут. У профа Немура был такой вид бутто он хочет аткусить себе язык. Потом он медлено обьеснил мне што эта машына изминяет мой мозг. Она будет учить меня когда я хочю спать и не много когда я почти усну. Я буду слышать реч но не буду видеть картинок. По ночям она будет снить мне сны и заставлять вспомянать как я был совсем маленьким.

Страшно.

Вот што я забыл. Я спросил профа Немура когда я смогу пойти к мис Кинниан в школу для взрослых и он сказал скоро мис Кинниан сама придет в колеж штобы учить меня спицыально. Это хорошо. Я ретко видел ее после апирацыи а она очень добрая.

Этот дурацкий телевизор всю ноч не давал мне спать. Как можно уснуть когда ктото арет всякие глупости прямо в ухо всю ноч. А эти сумашедшие картинки. Ох. Я не панимаю што он гаварит когда я не сплю так от куда я могу знать што он гаварит когда я сплю. Я спросил про это Барта а он сказал все идет нармально. Он сказал мои мозги

учяца когда я сплю и это поможет мне когда мис Кинниан начнет со мной занимаца в лабалатории. Это не больница для животных как я думал. Это лабалатория для науки. Я не знаю што такое наука но я знаю што памагаю ей этим кспириментом.

Всеравно мне кажеца этот теливизер дурацкий. Если можно стать умным когда спиш то за чем люди ходют в школу. В ряд ли эта штука мне паможет. Я чясто смотрел позние передачи по настоящему теливизеру и не стал от этово умным. Может не от всех передач умнееш.

26 марта

Как я буду работать днем если эта штука не давала мне спать всю ноч. Я проснулся по среди ночи и не мог уснуть потомушто он все время твердил вспаминай вспаминай вспаминай. Мне кажеца я штото вспомнил. Не помню точно но это нащот мис Кинниан и школы где я учился читать. И как я попал туда.

Давно давно я спросил Джо Карпа как он научился читать и нельзя ли мне тоже научица. Он захахатал как он всегда делает когда я скажу штонибудь виселое и сказал Чярли за чем зря терять время нельзя вставить мозги туда где их нет. Но Фанни Бирден услышыла меня и спросила своево брата каторый студент в коллеже и сказала мне про школу для атсталых взрослых при коллеже Бекмана. Она написала мне это на бумашке а Фрэнк смиялся и сказал смотри не стань таким абразованным што не захочеш видеть старых друзей. Я сказал не бойся я не брошу старых друзей даже если научюсь читать и писать. Он засмиялся и Джо Карп тоже но пришел Джимпи и сказал пора ставить булочки. Они все любят меня.

После работы я прошел 6 кварталов до школы и мне было не много страшно. Я очень хотел научица читать и купил газету штобы прочитат ее с разу как научюсь.

Когда я пришел туда это был большой зал и там было много народу. Я испугался што скажу кому ни быть што ни быть не то и хотел уйти но потом астался. Я ждал пока почти все ушли кроме не которых и я спросил у одной леди можно мне научица читать потомушто я хочю прочитат все в газете и показал ее ей. Это была мис Кинниан но тогда я этово не знал. Она сказала если ты придеш завтра и запишешся я начну учить тебя как читать. Но ты должен понять што на это нужно

много времени может годы научица читать. Я сказал я не знал этово но всеравно хочю потомушто я чясто притворяюсь што умею читать но это не правда и хочю научица. Она пожалала мне руку и сказала рада пазнакомица с вами мистер Гордон. Я буду вашей учительницей. Меня завут мис Кинниан. Вот так я пошол в школу и вот так я встретил мис Кинниан.

Думать и вспоминать очень трудно и я плохо сплю. Телевизер арет с лишком громко.

27 марта

Теперь когда мне сняца сны и я вспоминаю всякие случаи проф Немур сказал мне нужно ходить на тирапивтические сиансы с доком Штраусом. Он сказал тирапивтические сиансы это когда тебе плохо и ты разговариваеш и тебе становица лутше. Я сказал ему мне не плохо я и так болтаю целый день так за чем ходить на тирапию но он расирдился и сказал всеравно ходи. На тирапии я лег на кушетку док Штраус сел рядом и сказал Чярли гавари што хочеш. Я долго молчал потомушто ни чево не мог придумать. Потом я рассказал ему про пикарню и што там делают. Мне кажеца глупо ходить в ево кабинет и ложица ведь я пишу отчеты и он может их читать. Так што севодня я принес ему отчет и сказал может ты пачитаеш ево а я не много посплю на кушетке. Я был сильно уставшы этот праклятыи телевизер не давал мне спать но он сказал нет так не пойдет. Нужно гаварить. Я начал но всеравно уснул прям по середине.

28 марта

У меня болит галава. На этот раз не от телевизера. Док Штраус паказал как уменьшьть в нем звук штобы я мог спать. Не сколько раз я слушал все это утром штобы узнать чему я научился пока спал. Я даже не понял все слова. Может это другой язык или ещо што. Хотя больше это похоже на амириканский. Но он гаварит очень быстро.

Я спросил дока Штрауса чево харошево если я буду умным во сне ведь я хочю быть умным днем. Он сказал это одно и то же и у меня два мозга. Есть СОЗНАНИЕ и ПОДСОЗНАНИЕ так они пишуца и одно не гаварит другому што оно делает. Они не разговаривают друг с другом. Поэтому мне сняца сны. И боже какие же мне сняца сумашетшие сны. Ох. Все от этово телевизера.

Забыл спросить у дока Штрауса это только я или у всех два мозга. (Я только што посмотрел это слово в словаре который док Штраус дал мне. ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЙ — *относящийся к деятельности мозга, но не присутствующий в сознании, например, подсознательный конфликт стремлений.*) Там было еще но я не знаю што оно означает. Это не очень хороший словарь для глупых людей как я.

А галава болит от вечеринки. Джо Карп и Фрэнк Рейли пригласили меня после работы зайти в бар Халлоранса и выпить. Я не люблю пить виски но они сказали мы здорово повеселимся. Мне было хорошо. Мы играли в игру и я плесал на стойке бара на галаве у меня был абажур от лампы и все смиялись. Потом Джо Карп сказал покажь девочкам как ты моешь сортир в пикарне и дал мне тряпку. Я показал им и все хахатали когда я сказал што мистер Доннер сказал што я лутший уборщик который у него был потомушто я люблю свою работу и ни когда не апаздал и не прогуливал кроме апирации. Я сказал мис Кинниан сказала Чярли гордись потомушто ты работаеш хорошо. Все смиялись. А Фрэнк сказал эта мис Кинниан должно быть рехнулась если крутит с Чярли. А Джо сказал Чярли ты тискал ее. Я сказал не знаю про што он гаварит. Мне дали выпить еще а Джо сказал Чярли просто умора когда переберет. Мне кажеца это значит што я им нравлюсь. Когда я стану таким же умным как мои лутшие друзья Джо Карп и Фрэнк Рейли.

Я не помню как кончилась вечеринка но они папрасили меня сбегать за угол и посмотреть идетли дож. Когда я вернулся ни ково не было. На верно ушли искать меня. Я искал их пока не стемнело. Я заблудился и злился на себя за это потомушто спорю Элджернон прошел бы здесь сто раз и не заблудился как я.

Дальше я не помню но мис Флинн сказала меня привел вежливый полицейский. Ночью мне снились мама и папа только я не видел ее лица оно было белое и расплывчетое. Я плакал потомушто я был в большом магазине и не мог найти их и бегал в доль полок. Потом подошел челавек и привел меня в большую комнату со скамейками у стен дал мне леденец и сказал такому большому мальчику нельзя плакать потомушто мама и папа скоро придут и найдут меня. Такой был сон и у меня болела галава и на ней была шишка и везде синяки. Джо сказал может я кувырнулся или полицейский вложил мне но мне так не кажеца. Виски я больше пить не буду. Ни когда.

29 марта

Я победил Эджернона. Я не знал этово пока Барт не сказал мне. Потом второй раз я проиграл потомушто развалнавался. Потом я побил ево ещо 8 раз. На верно я умнею если выигрываю у такой умной мышы но я этово не чувствую. Я хотел ещо пасаривнаваца но Барт сказал хватит на севодня. Он дал мне поддержать Эджернона. Чюдесный мыш. Мягкий как вата. Он моргает и когда аткрывает глаза они у нево черные и розовые по краям. Я спросил можно мне покормить ево потомушто я чувствовал себя виноватым и хотел подружыца с ним. Барт сказал нет Эджернон очень спицыальный мыш с такойже апирацыей как моя. Он первый из всех животных остался умным так долго и он сказал Эджернон такой умный што должен каждый раз аткрывать новый замок штобы покушать такшто он должен каждый раз учица новому. Мне стало грусно потомушто если он не научица то не сможет поесть и астанеца голодный. По моему это не правильно заставлять проходить тест штобы просто покушать. Какбы это понрвилось Барту. Мне кажеца мы подружымся с Эджерноном.

Тут я вспомнил. Док Штраус сказал што я должен записывать все свои сны и все што я думаю. Я сказал што ещо не знаю как думать. Он сказал ты написал как пришел в школу к мис Кинниан про маму и папу и што случилось до апирацыи это и называеца думать и ты это уже написал в отчетах. Оказываеца я думаю и вспоминаю. Может это значит што штото происходит со мной. Я не чувствую себя другим но я так развалнавался што не мог спать.

Док Штраус дал мне розовые пилюли штобы я спал. Он сказал што я должен много спать потомушто в это время происходят изменения в моем мозгу. Может это правда потомушто дядя Герман спал на старой софе в гостиной все время когда не работал. Он был толстый и ему было трудно найти работу потомушто он красил дома и ему трудно было взбраца по леснице. Когда я сказал маме што хочю быть маляром как дядя Герман моя сестра Норма сказала ага Чярли будет в нашей семье художником. А папа ударил ее по лицу и сказал не будь такой стервой он твой брат. Я не знаю што такое художник но если Норме дали за это подщочину на верно это не очень хорошо. Мне всегда было плохо когда Норму били когда она шутила со мной. Вот стану умным и навещю ее.

30 марта

Севодня в лабалаторию после работы пришла мис Кинниан. Она была рада видеть меня но валнавалась. Кажеца она моложе чем я помню ее.

Я сказал ей я очень стараюсь стать умным. Она сказала я верю в тебя Чарли я помню как ты сражался зато штобы читать и писать как другие. Я знаю ты все сможеш. Этим ты делаеш великое дело для всех атсталых людей.

Мы начали читать ужасно трудную книгу. Я ещо ни когда не читал такой трудной книги. Она называеца Робинзон Крузо про человека который попал на не обитаемый остров. Он умный и много умеет и по этому у него есть дом и еда и он хорошо плавает. Только мне жаль ево потомушто он совсем один и у него нет друзей. Но мне кажеца на острове ктото есть потомушто в книге есть картинка где он с чюдным зонтиком смотрит на следы на песке. Надеюсь у него будет друг.

31 марта

Мисс Кинниан учит меня как правильно произносить и писать слова. Она говорит посмотри на слово закрой глаза и павтаряй ево много много раз пока не запомниш. Оказываеца я писал много слов не правильно. Это трудно но мисс Кинниан говорит не бойся ты научися.

Отчет № 9

1 апреля

Вся пекарня пришла сегодня посмотреть как я начал работать на тестосмесителе. Вот как это получилось. Оливер который работал на смесителе вчера уволился. Я помогал ему раньше когда приносил мешки с мукой и высыпал ее в нутрь. Но все равно я не знал что умею работать на нем. Это очень трудно и Оливер целый год ходил в школу для пекарей чтобы научица быть помощником пекаря.

Но Джо Карп он мой друг сказал Чарли почему бы тебе не заменить Оливера. Все собрались во круг и все улыбались и Фрэнк Рейли сказал Чарли ты уже давно работаеш. Давай Джимпи сечас нету и он ничево не узнает. Я испугался потомучто Джимпи старший пекарь и он сказал мне ни когда не подходи к смесителю если не хочеш лежать в больнице с переломанными костями. Все кричали давай начинай только Фанни Бирден сказала хватит оставте беднягу в покое.

Фрэнк Рейли сказал заткнись Фанни сегодня первое апреля и если Чарли как следует поработает у нас будет выходной. Я сказал что могу и поработать потомучто я видел как это делает Оливер но если смеситель сломаеца то починить ево я не смогу.

Я включил смеситель и все удивились особенно Фрэнк Рейли. Фанни Бирден совсем разволновалась и сказала Оливер 2 года учился замешивать тесто а он ходил в школу для пекарей. Берни Бэйт который был помощником Оливера сказал что я делаю это быстрее чем Оливер и лутше. Никто больше не смеялся а когда пришел Джимпи и Фанни рассказала ему он очень рассердился на меня.

Но тогда она сказала сам посмотри как у него получаеца. Они хотели надуть ево потомучто сегодня первое апреля а он сам всех одурачил. Джимпи стал смотреть и я знал что он злица на меня потомучто он не любит когда другие делают не то что он велит совсем как проф Немур. Он посмотрел как я работаю почесал в голове и сказал я вижу но не верю своим глазам. Потом он позвал мистера Доннера и сказал поработай ещо чтобы мистер Доннер тоже посмотрел. Я боялся что он разозлится и начнет орать на меня так что

когда я кончил я сказал у меня много дел. Нужно подмести перед входом и убраться за стойкой. Мистер Доннер все смотрел и смотрел на меня а потом сказал ребята это перво апрельская шутка. В чем соль. Джимми сказал я тоже с начала думал они дурачяца. Он прохромал во круг машины и сказал мистер Доннер я тоже ничево не понимаю но нужно признать что Чарли знает как работать на смесителе и делает это лутше Оливера. Все столпились во круг и заговорили. Я испугался потомучто они смотрели на меня и были какие то странные. Фрэнк сказал я говорил вам Чарли чудной в последнее время. А Джо Карп сказал ага я знаю что ты имееш в виду. Мистер Доннер сказал чтобы все шли работать и вышел со мной во двор.

Он сказал Чарли я не знаю в чем дело но кажеца ты на конец чему то научился. Мне хочеца чтобы ты был осторожным и усердно трудился. Теперь у тебя новая работа и плата за нее на 5 долларов больше.

Я сказал не нужна мне новая работа потомучто мне нравица мыть и подметать и разносить и делать что ни будь для моих друзей но мистер Доннер сказал плевать на друзей ты нужен мне именно для этой работы. Мне не нравица люди которые не хотят повышения. Я спросил что такое повышение. Он почесал за ухом и посмотрел на меня по верх очков. Не бойся Чарли с севоднешнево дня ты работаеш на смесителе. Это и есть повышение.

Так что теперь вместо разноски посылок мытья сортиров и уборки помоев я новый пекарь. Это повышение. Завтра я скажу мисс Кинниан. Я знаю что она обрадуеца но ни как не могу понять почему Фрэнк и Джо так зляца на меня. Я спросил Фанни и она сказала не обращай внимания на этих идиотов. Севодня первое апреля они хотели выставить тебя дураком а остались в дураках сами. Я спросил Джо какую они хотели сыграть шутку а он сказал иди утопись в пруду. Мне кажеца они зляца потомучто хоть я не поработал на смесителе но выходново дня не получилось. Значит ли это что я умнею.

3 апреля

Кончил Робинзона Крузо. Я хотел узнать что случилось с ним потом но мисс Кинниан сказала что книга на этом кончается.
ПОЧЕМУ.

Мисс Кинниан сказала я учусь быстро. Она прочитала мои отчеты и долго молча смотрела на меня. Она сказала я хороший человек и еще покажу им всем. Я спросил ее почему. Она сказала не обращай внимания и не расстраивайся когда вдруг заметишь что другие люди совсем не такие расчудесные как раньше казалось. Ты человек которому Господь дал так мало делаешь куда больше чем люди с мозгами которые не знают как ими пользоваться. Я сказал они все мои друзья умные и хорошие. Они любят меня и делают мне только приятное. Тут ей чтото попало в глаз и ей пришлось выбежать в дамскую комнату.

Я сидел в классе ждал ее и думал какая мисс Кинниан приятная леди совсем как моя мама. Мама всегда говорила мне чтобы я был хорошим и добрым мальчиком. Она говорила всегда будь осторожным а то люди не поймут тебя и подумают что ты хочешь сделать им чтото плохое.

Потом я вспомнил как мама должна была уйти и меня отдали на несколько дней в дом миссис Леруа нашей соседки. Мама была в больнице. Папа сказал она не заболела и ничего такого просто она принесет обратно маленького братика или сестричку. Я сказал я хочу братика чтобы играть с ним и не знаю за чем мне сестра но она была красивая как кукла. Только все время плакала.

Я ни разу не сделал ей больно.

Ее положили в кроватку в спальне и один раз я услышал как папа сказал не бойся Чарли не сделает ей ничего плохого. Она была похожа на комочек вся розовая и вопила так что я ни как не мог уснуть. Один раз когда они были на кухне а я лежал в кровати она заплакала. Я встал взял ее и стал качать чтобы успокоить как мама. Но тут вбежала мама отобрала ее и ударила меня так сильно что я упал на кровать.

Потом она начала кричать. Не смей прикасаться к ней. Ты сломал ее что нибудь. Она совсем маленькая. Не подходи к ней. Тогда я не знал но теперь мне кажется она боялась что я сделаю ей что ни будь плохое потомучто я был слишком глуп чтобы понимать что делаю. Сейчас мне очень грустно когда я вспоминаю об этом потомучто как я мог сделать плохо такой крошке.

Когда пойду к доку Штраусу обязательно расскажу ему про это.

5 апреля

Сегодня, я, узнал что, такое, запятая, это, точка, с, хвостиком (,) и мисс, Кинниан, говорит, очень, важная потому, что, улучшает, правописание, и можно, потерять, много денег, если, запятая, стоит, не, там, я сберег, чуть, чуть, денег от, работы, и, что, платит, фонд, и не, знаю, как, запятая, помогла, мне, сохранить, их,

Но, она, говорит, все, пользуются, запятыми, и, ты, тоже, пользуйся,

7 апреля

Я ставил запятые неправильно. Это *пунктуация*. Мисс Кинниан сказала чтобы я смотрел длинные слова в словаре и учился их правильно писать и произносить. Я сказал какая разница если слово все равно можно прочитать. Она ответила что это показывает твою образованность так что теперь я буду смотреть все слова которые не знаю как писать и произносить. Так на писание отчетов уходит больше времени но мне кажется я начинаю запоминать все больше и больше.

Слово *пунктуация* я тоже нашел в словаре. Мисс Кинниан сказала точка это тоже пунктуация но кроме нее есть еще много всяких знаков. Наверное она имеет в виду что все точки должны быть с хвостиками и называться запятыми.

Она; сказала, ты — должен? их! сочетать: Она показала) мне, как! их сочетать; и, теперь? я! могу — писать, все эти! знаки! Правил(очень? много; но я! их запомню'

Вот? что мне: нравится! в, дорогой? мисс Кинниан: она? всегда. отвечает, если я ее! спрашиваю — она, гений! Я« хочу, быть: умным? как она! Пунктуация, это? здорово!

8 апреля

Какой же я осел! Я даже не понял, о чем она говорит. Вчера вечером я прочитал книгу по грамматике, и в ней все объясняется. А ведь мисс Кинниан старалась внушить мне то же самое. Я проснулся посреди ночи и в голове у меня все прояснилось. Мисс Кинниан сказала, что я вышел на плато. Это вроде плоской вершины холма.

Когда я понял, зачем нужна пунктуация, я перечитал все свои отчеты с самого начала. Боже мой! Ну и стиль! Я сказал мисс Кинниан, что хочу исправить все ошибки, на что она ответила:

— Профессор Немур не хочет ничего в них менять. Поэтому он и разрешает тебе оставлять их у себя — чтобы ты видел свой прогресс. Чарли, ты просто молодец.

Это приятно. После урока я зашел к Элджернону и поиграл с ним. Мы больше не бегаем наперегонки.

10 апреля

Мне плохо. Это не та болезнь, которую может вылечить врач, она внутри, у меня в груди. Там все пусто, как будто мне вырвали сердце. Случившееся слишком важно, чтобы умолчать о нем. Сегодня мне в первый раз не захотелось идти на работу. И я не пошел.

Вчера Джо Карп и Фрэнк Рейли пригласили меня на вечеринку. Там было много девушек, и Джимпи, и Эрни тоже. Я еще не забыл, как мне стало плохо, когда я выпил виски, и сказал Джо, что ничего не буду пить. Тогда он дал мне стакан кока-колы с каким-то странным привкусом. Я не обратил на него внимания.

Мы немного повеселились.

— Потанцуй с Эллен, — сказал Джо, — она поучит тебя. — И подмигнул как будто ему что-то попало в глаз.

Эллен сказала:

— Отстань от него.

Джо хлопнул меня по спине.

— Это Чарли Гордон, мой приятель, мой лучший друг. Он головастый парень — его повысили и теперь он работает на сложной машине — тестосмесителе. Мне хочется, чтобы он немного развлекся. Что в этом плохого?

Он подтолкнул меня к ней. Заиграла музыка и мы начали танцевать. За одну минуту я упал три раза и никак не мог понять почему. Я все время спотыкался о чью-то выставленную вперед ногу.

Все гости хохоча смотрели на нас. Когда я падал, они начинали смеяться еще громче, и я вместе с ними. Но упав в четвертый раз, я не засмеялся. Я стал подниматься, но Джо толкнул меня, и я снова упал.

Я поднял взгляд и увидел на его лице такое выражение, что у меня внутри все сжалось.

— Потрясно, — сказала одна из девиц, задыхаясь от смеха.

— О, Фрэнк, ты прав, он неподражаем, — выдавила из себя Эллен. Потом она добавила: — Эй, Чарли, скушай фрукт, — и протянула мне

яблоко.

Я укусил его, но оно оказалось не настоящее.

Тогда Фрэнк сказал:

— Я же говорил, он сожрет его! Только такой кретин не может отличить пластмассовое яблоко от настоящего.

Джо добавил:

— Я не ржал так с тех пор, когда мы послали его за угол посмотреть, идет ли там дождь.

Мне вспомнилось, как давно, когда я был маленьким, соседские ребята разрешили мне поиграть с ними в прятки, и я водил. Сосчитав до десяти десять раз на пальцах, я отправился искать. Я искал их, пока не стало темно и холодно, и мне пришлось уйти домой.

Я никого не нашел.

После слов Фрэнка мне все стало ясно. И там, и у Халлорана произошло одно и то же. Так вот чем занимались Джо с компанией... Издевались надо мной. И те ребята — тоже.

Я лежал, а они глядели на меня сверху вниз и ржали, ржали...

— Глянь-ка, у него рожа красная.

— Он покраснел. Чарли покраснел!

— Эллен, что ты с ним сделала? Мы никогда не видели его таким!

— Да, Эллен, здорово ты его обработала!

Я не знал, что делать и куда смотреть. Внезапно я почувствовал себя голым. Мне захотелось спрятаться, и чтобы меня никто никогда не нашел. Я выбежал из квартиры. Это был большой дом с множеством коридоров. Я забыл про лифт и никак не мог найти лестницу. Потом я долго бродил по улицам. Мне и в голову раньше не приходило, что они таскали меня с собой только за тем, чтобы повеселиться за мой счет.

Теперь я знаю, что такое «строить из себя Чарли Гордона».

Мне стыдно.

Ночью мне снилась Эллен, как она танцует и прижимается ко мне, а когда я проснулся, простыня была мокрой и грязной.

13 апреля

Я так и не хожу в пекарню. Я попросил миссис Флинн, мою хозяйку, позвонить мистеру Доннеру и сказать, что я заболел. Миссис Флинн, кажется, начала бояться меня.

Я понял наконец почему надо мной смеются, и думаю, это открытие поможет мне. Я был настолько глуп, что даже не понимал, до чего я глуп. Людям становится очень весело, когда дурак делает что-нибудь не так, как они.

Зато теперь я знаю, что каждый день становлюсь чуточку умнее. Я знаю, что такое пунктуация и как правильно писать слова. Мне нравится выискивать трудные слова в словаре, и я легко запоминаю их. Я стараюсь писать отчеты как можно аккуратнее, но это отнимает уйму времени. Я много читаю, и мисс Кинниан говорит, что я читаю очень быстро. Я даже понимаю многое из того, что читаю. Бывает так, что я закрываю глаза и вижу перед собой целую страницу, словно картину.

Утром я проснулся и долго лежал в постели с открытыми глазами. В стене, отгородившей мой мозг от остального мира, появилась огромная дыра, и я вышел сквозь нее.

...Это было давно, очень давно, когда я только начинал работать у Доннера. Я вижу улицу, на которой стоит пекарня. Сначала все как в тумане. Потом начинают проявляться отдельные детали, они кажутся настолько реальными, что я как будто и в самом деле стою там...

Тщедушный старик с детской коляской, переделанной в тележку с угольной жаровней, запах жареных орешков, снег на тротуаре. Долговязый молодой человек с широко раскрытыми глазами и выражением испуга на лице уставился на вывеску. Что там написано? Теперь-то я знаю: «ПЕКАРНЯ ДОННЕРА», но, заглядывая в глубины памяти, я не могу прочитать вывеску его глазами. Он не умеет читать. Этот парень с испуганным лицом — я, Чарли Гордон.

Слепящие неоновые огни. Рождественские елки и прохожие. Люди в пальто с поднятыми воротниками. Их шеи укутаны теплыми шарфами. А у него нет перчаток. Его руки замерзли, и он опускает на землю тяжелые коричневые бумажные мешки. Он остановился, чтобы получше рассмотреть маленькие заводные игрушки на лотке уличного торговца — переваливающегося с ноги на ногу медвежонка, подпрыгивающую собачку, тюленя с крутящимся на носу мячом. Топают, прыгают, крутятся... Если бы эти игрушки были его, он стал бы счастливейшим человеком в мире.

Он хочет попросить краснолицего торговца, чьи пальцы торчат из рваных дешевых перчаток, минутку, всего одну минутку подержать медвежонка, но ему страшно. Он поднимает свой груз и взваливает его себе на плечо. Пусть он худ, но годы тяжелой работы закалили его.

— Чарли! Чарли! Наш Чарли!..

Вокруг собрались дети, они весело смеются и дразнят его — собачки, твякающие под ногами. Чарли улыбается им. Ему хочется положить пакеты на тротуар и поиграть с ними, но пока он раздумывает, что-то ударяет его в спину. Это ребята постарше швыряют в него куски льда.

В подворотне, недалеко от пекарни, расположилась компания парней.

— Смотри-ка, Чарли!

— Эй, Чарли! Что это там у тебя?

— Чарли, кинем кости?

— Двигай сюда, повеселимся!

Но в подворотне есть что-то пугающее — темнота, смех... По коже бегут мурашки. Он пробует понять, что же страшит его, но вспоминает только грязь и помои на одежде, дядю Германа, выскочившего на улицу с молотком в руке, когда он пришел домой весь заляпанный дерьмом... Чарли подальше обходит гогочущих парней, роняет мешок, поднимает его и что есть духу бежит к пекарне.

— Где тебя носило, Чарли? — орет Джимпи из глубины дома.

Чарли протискивается сквозь вращающиеся двери и сваливает кипу пакетов на один из желобов, спускающихся в подвал. Он прислоняется спиной к стене и засовывает руки в карманы.

Ему нравится здесь. Полы белые от муки, белее закопченных стен и потолка. Толстые подошвы его ботинок покрыты белым налетом, мука забила в швы и дырочки для шнурков, она у него под ногтями и в трещинах на коже мозолистых рук.

Присев на корточки, он расслабляется, бейсбольная шапочка с большой буквой Д сползает ему на глаза. Он любит запах муки, сладкого теста, хлеба и пирожков. Печь потрескивает и нагоняет на него сон.

Сладко... тепло... он спит...

Внезапно он изгибается, падает и со всего размаху врежется головой в пол. Кто-то, проходя мимо, ударил его, спящего, по ногам.

...Вот и все, что я вспомнил. Я представляю себе эту сцену совершенно отчетливо и не могу ничего понять. Так же было и с кино. Я начинал понимать, о чем фильм, только после того, как смотрел его три или четыре раза. Нужно спросить доктора Штрауса.

14 апреля

Доктор Штраус сказал, что такие воспоминания чрезвычайно интересны и их обязательно нужно записывать. А потом мы вместе будем их обсуждать.

Доктор Штраус — психиатр и нейрохирург. Я не знал этого. Мне казалось, он просто доктор. Когда я пришел к нему сегодня утром, он заговорил о том, как важно мне понять себя, чтобы решить свои проблемы. Я ответил, что нет у меня никаких проблем.

Он рассмеялся, встал и подошел к окну.

— Чем разумнее ты будешь становиться, Чарли, тем больше их будет возникать. Твое интеллектуальное развитие значительно опережает эмоциональное, мне кажется, что тебе все чаще и чаще придется обсуждать со мной многие вещи. Я просто хочу напомнить, что если тебе понадобится помощь, приходи сюда.

По его словам выходит, что когда-нибудь в недалеком будущем все мои сны и воспоминания свяжутся воедино, и я многое узнаю о себе. Он сказал, что очень важно вспомнить, что именно говорили обо мне люди.

Ничего этого я раньше не знал. Значит, если я стану достаточно умным, то пойму все слова, которые роятся у меня в голове, узнаю все про тех парней в подворотне, про дядю Германа, про маму и папу. И вот тогда мне станет совсем плохо, и мой мозг может повредиться.

Так что два раза в неделю я прихожу к нему в кабинет и говорю о том, что меня тревожит. Мы садимся, и доктор Штраус начинает слушать. Это называется терапия. После таких разговоров я должен чувствовать себя лучше. Я признался ему, что больше всего меня тревожит то, что я ничего не знаю о женщинах. Как я танцевал с Эллен и что случилось потом. Тут я почувствовал себя не в своей тарелке — мне стало холодно, я вспотел, в голове возникло непонятное жужжание, к горлу подступила тошнота. Я всегда считал неприличным говорить о таких вещах. Но доктор Штраус спокойно объяснил, что

случившееся со мной после вечеринки называется поллюция. Ничего страшного, с кем не бывало.

Оказывается, хоть я и умнею на глазах, в некоторых отношениях я еще совсем ребенок. Меня это смущает, но рано или поздно я обязательно узнаю о себе все.

15 апреля

Я очень много читаю и почти все запоминаю. Мисс Кинниан сказала, что кроме истории, географии и арифметики мне следовало бы заняться иностранными языками. Профессор Немур дал мне еще несколько кассет для ночной учебы. Я все еще не понимаю, как работают сознание и подсознание. Доктор Штраус говорит, чтобы я не ломал над этим голову. Он заставил меня пообещать, что когда я через пару недель начну изучать курс колледжа, то не буду читать книг по психологии без его разрешения. Он считает, что они собьют меня с толку и вместо того, чтобы поглубже разобраться в собственных мыслях и ощущениях, я начну копать в противоречивых психологических теориях. Но романы мне читать никто не запрещает. За прошлую неделю я одолел «Великий Гэтсби», «Американская трагедия» и «Взгляни на дом свой, ангел». Никогда не думал, что люди могут позволять себе такое.

16 апреля

Сегодня я чувствую себя значительно лучше, хотя еще злюсь при мысли о том, что всю жизнь люди смеялись и издевались надо мной. Когда я стану совсем умным и мой КИ удвоится по сравнению с нынешними семьюдесятью, то, может быть, я начну нравиться окружающим, и у меня появятся друзья.

Что такое КИ, или коэффициент интеллектуальности? Профессор Немур говорит, что это нечто, чем можно измерить, насколько человек разумен — как стрелка весов в аптеке. Доктор Штраус крупно поспорил с ним и заявил, что с помощью КИ нельзя *взвесить* разум. По его словам, КИ показывает, насколько умным человек *может* стать. Как деления на мерном стакане. Правда, стакан этот нужно еще чем-то наполнить.

Когда я спросил об этом Барта Селдона, он ответил, что есть ученые, которые не согласятся ни с тем, ни с другим определением. Он

вычитал где-то, что КИ измеряет множество разнообразнейших показателей, включая и знания, уже приобретенные человеком, и что на самом деле это далеко не лучшая оценка умственных способностей.

Так что я до сих пор не знаю, что такое КИ. У меня он сейчас около ста, а скоро будет больше ста пятидесяти, но ведь стакан еще нужно чем-то наполнить. Не хочу сказать ничего плохого, но если ученые не знают, что это такое, то как они могут определить, сколько его?

Профессор Немур сказал, что послезавтра меня ожидает тест Роршаха. Интересно, что это такое?

17 апреля

Ночью мне снился кошмар и утром, следуя советам доктора Штрауса, я снова испробовал метод свободной ассоциации. Вспоминаю сон и позволяю разуму свободно странствовать, надеясь при этом, что в нем родятся другие мысли. Чаще всего в результате у меня вообще никаких мыслей не остается. По словам доктора Штрауса, это значит, что я достиг такого положения, при котором подсознание блокирует сознание, оберегая его от неприятных воспоминаний. Своеобразная стена между настоящим и прошлым. Иногда она рушится, и я могу вспомнить случаи, скрытые за ней. Как сегодня утром.

Во сне мисс Кинниан читала мои отчеты.

Я уже приготовил ручку, но обнаружил, что больше не умею ни читать, ни писать. Все ушло. Я страшно перепугался и попросил Джимпи написать отчет вместо меня. Но когда мисс Кинниан стала читать его, она вдруг рассердилась и порвала все листы, потому что там были написаны неприличные слова. Когда я вернулся домой, профессор Немур и доктор Штраус были там и избили меня за то, что я пишу ругательства в отчетах. Они ушли и я стал подбирать разорванные листы, но они превратились в окровавленные обрывки кружев.

Это был ужасный сон, и когда я вылез из-под одеяла и записал его, то попробовал проанализировать свои мысли.

Пекарня... ночь... урна... кто-то бьет меня ногой... падаю... кровь... писать... большой карандаш... маленькое золотое сердечко... медальон... нитка... все в крови... они хохочут надо мной... нитка от медальона... она крутится... солнечные зайчики спят глаза... мне

нравится, смотреть, как она крутится... наматывается на палец... на меня смотрит девочка.

Ее зовут мисс Кин... — ее зовут Гарриет.

— Гарриет, Гарриет, все мы любим Гарриет...

И снова привычная пустота.

Мисс Кинниан читает отчет, заглядывая мне через плечо.

Потом мы в школе для умственно отсталых взрослых. Она смотрит, как я пишу сочинение.

Вместо моей школы вдруг появляется школа № 13. Мне одиннадцать лет, и мисс Кинниан тоже одиннадцать лет, но она уже не мисс Кинниан, она — девочка с ямочками на щеках и длинными белокурыми волосами. Ее зовут Гарриет. Все мы любим Гарриет. Сегодня 14 февраля, день святого Валентина. Я вспомнил...

Я вспомнил, что случилось в школе № 13 и почему меня пришлось перевести в школу № 222. Из-за Гарриет. Я вижу Чарли — одиннадцатилетнего. У него есть золотистый медальон, он нашел его на улице. Цепочка отсутствует, но он подвесил его на нитку и очень любит крутить его — нитка сначала наматывается на палец, потом раскручивается. Медальон красиво блестит на солнце.

...Когда Гарриет проходит мимо, ребята бросают любую игру и смотрят на нее. Все ребята влюблены в Гарриет. Она кивает головой, и ее локоны подпрыгивают, а на щеках у нее ямочки. Чарли не понимает, почему они так суетятся из-за какой-то девчонки и почему их так тянет поболтать с ней (сам он предпочитает поиграть в футбол), но все ребята без ума от Гарриет, и Чарли тоже без ума от нее.

Она никогда не дразнит его, и он готов сделать для нее что угодно. Он бегает по столам, когда учителя нет в классе, он швыряет ластики в окно, пишет мелом на стенах. Гарриет всегда при этом взвизгивает и хихикает:

— Ох, Чарли! Какой он смешной! Какой он глупенький!

Сегодня день святого Валентина. Ребята обсуждают, что подарить Гарриет, и Чарли говорит:

— Я тоже подарю ей кое-что.

Все смеются, а Барри спрашивает:

— А где ты возьмешь подарок?

— Я подарю ей красивую штуку. Вот увидите.

Но у него нет денег, и он решает подарить Гарриет свой медальон. Он в форме сердечка и так похож на те, что лежат в витринах шикарных магазинов. Вечером он берет из маминого стола лист оберточной бумаги, долго и тщательно заворачивает медальон и перевязывает красной ленточкой. На следующий день, во время перерыва на завтрак, он просит Хайми Рота написать на свертке записку. Он диктует:

— Дорогая Гарриет! Мне кажется, что ты самая красивая во всем мире. Ты мне очень нравишься и я люблю тебя. Будь моей возлюбленной. Твой друг Чарли Гордон.

Хайми аккуратными печатными буквами выводит послание на бумаге и, не переставая хохотать, говорит:

— Да у нее глаза вылезут на лоб! Пусть только прочитает!

Чарли страшно, но ему очень хочется подарить Гарриет медальон, и после школы он незаметно идет за ней. Подождав, пока она войдет в дом, он проскальзывает в прихожую, вешает подарок на дверную ручку, дважды звонит, перебегает улицу и прячется за деревом.

Выходит Гарриет, в недоумении осматривается, замечает сверток, берет его и уходит в дом. Чарли торопится домой и получает трепку за то, что взял бумагу и ленту без спроса. Но ему все равно. Завтра Гарриет придет в школу с медальоном и всем скажет, что это подарок Чарли.

Утром он чуть свет бежит в школу, но еще слишком рано. Гарриет еще не пришла, и он ужасно волнуется.

Вот появляется Гарриет, но она даже не смотрит на него. На ней нет медальона и вид у нее сердитый. Чего он только не вытворяет, когда мисс Джексон отворачивается! Он корчит рожи. Он громко хохочет. Он встает на стул и вертит задницей. Он даже швыряет кусок мела в Гаролда. Но Гарриет не смотрит на него. Может, она забыла. Может быть, она оденет медальон завтра. На перемене она молча обходит его стороной.

На школьном дворе Чарли поджидают два ее старших брата.

Гэс толкает его.

— Эй, убудок, это ты написал грязную записку нашей сестре?

Чарли отвечает, что он никогда не писал никаких грязных записок.

— Я только подарил ей медальон.

Оскар, который раньше играл в школьной футбольной команде, хватает Чарли за рубашку и отрывает две пуговицы.

— Держись подальше от нашей малышки, дегенерат. Тебе все равно нечего делать в этой школе. — Он толкает Чарли к Гэсу, и тот обхватывает его за шею.

Чарли становится страшно и он плачет.

Тогда они начинают делать ему больно. Оскар бьет его в нос, а Гэс сбивает с ног. И оба начинают пинать его — сначала один, потом другой. Дети — друзья Чарли — сбегаются со всего двора, хлопают в ладоши и вопят:

— Драка! Драка! Чарли колотят!

Вся его одежда порвана, из носа течет кровь, зуб сломан, и когда Оскар и Гэс уходят, он садится на тротуар и плачет. Ребята смеются и кричат:

— Чарли всыпали! Чарли всыпали!

Потом появляется мистер Вагнер и прогоняет их. Он отводит Чарли в туалет и заставляет вымыть лицо и руки...

Полагаю, я был весьма глуп, веря всему, что мне говорят. Нельзя было доверяться Хайми. Да и никому другому.

Я никогда раньше не думал об этом случае, но после того, как поразмыслил о кошмаре, вспомнил его. Есть в нем что-то общее с тем чувством, которое я испытываю, когда мисс Кинниан читает мои отчеты. Но я рад, что теперь мне никого не надо просить написать что-нибудь. Теперь я могу сделать это сам.

Гарриет так и не вернула мне медальон.

18 апреля

Наконец я понял, что такое «Роршах». Это тест с чернильными пятнами, тот самый, который я проходил перед операцией. Увидев знакомые листки, я здорово перепугался. Барт попросит меня найти в пятнах картинки, а я не смогу этого сделать. Если бы только можно было заранее узнать, что в них спрятано! Может оказаться, что там ничего нет. Может, вся эта затея только для того, чтобы посмотреть, достаточно ли я глуп, чтобы искать картинки в пятнах. От этой мысли я сразу разозлился на Барта.

— Чарли, — сказал он, — ты уже видел эти карточки раньше. Помнишь?

— Конечно, помню.

По моему тону он заметил, что я не в себе, и удивленно посмотрел на меня.

— В чем дело, Чарли?

— Ни в чем. Просто эти пятна злят меня.

Он улыбнулся и кивнул головой.

— Тут не на что злиться. Это всего лишь один из стандартных тестов. Посмотри на эту карточку. Что бы это могло быть? Чего только люди не видят в этих пятнах! А что тебе кажется? О чем ты думаешь, глядя на них?

Я не ожидал ничего подобного и был потрясен. Я посмотрел на карточку, потом на него.

— Ты хочешь сказать, что в пятнах не скрыто никаких изображений?

Барт нахмурился и снял очки.

— Что?

— Изображения! Скрытые в пятнах! В прошлый раз ты сказал, что они там есть и каждый может их увидеть!

— Нет, Чарли. Я просто не мог тебе этого сказать.

— Неправда! — закричал я на него. Испугаться такого пустяка! Это разозлило меня еще больше. — Ты сказал мне именно так! То, что ты умнее и учишься в колледже, не дает тебе права издеваться надо мной! Я по горло сыт тем, что каждый, кому не лень, потешается надо мной!

Никогда раньше я не испытывал таких чувств. Все во мне взорвалось. Я швырнул карточки Роршаха на стол и выскочил из комнаты. Профессор Немур как раз проходил мимо, и когда я молча промчался по коридору, сразу понял, что что-то неладно.

Они с Бартом догнали меня у самого лифта.

— Чарли, — сказал Немур, беря меня за руку, — погоди минутку. Что случилось?

Я вырвал руку и повернулся к Барту.

— Я устал от издевательств. Вот и все. Может, раньше я этого не замечал, зато замечаю теперь, мне это совсем не нравится.

— Но Чарли, нам и в голову не придет издеваться над тобой, — сказал Немур.

— А чернильные пятна? В прошлый раз Барт сказал мне, что там, в чернилах, спрятаны картинки, что каждому под силу разглядеть их, и

я...

— Вот что, Чарли. Хочешь послушать свой разговор с Бартом? У нас есть магнитофонная запись. Давай послушаем все вместе.

Когда Немур пошел за кассетами, Барт пояснил:

— В прошлый раз я говорил то же самое. Это стандартное требование к любому тесту — процедура его проведения не должна меняться.

В эту минуту вернулся Немур, и услышал, как я ответил:

— Послушаем, тогда, может быть, и поверю.

Они переглянулись. Кровь бросилась мне в лицо. Они опять смеются надо мной! Но тут до меня дошел смысл собственных слов, и значение этого взгляда стало понятным. Им было не до смеха. Я достиг нового уровня развития. Но гнев и подозрительность стали первыми чувствами, которые я испытал к окружающему меня миру.

Из динамика донесся голос Барта:

— А сейчас, Чарли, я хочу, чтобы ты взглядел на эту карточку. Что это такое? Что ты видишь на ней? Людям чудятся в этих пятнах самые разные вещи. Скажи мне, о чем ты думаешь...

Те же самые слова, тот же самый тон. А потом я услышал себя... Невероятно... Ноги мои подкосились, и я рухнул в кресло рядом со столом Немура.

— Это и в самом деле я?..

...Мы с Бартом вернулись в лабораторию и прошли весь тест. Медленно и со вкусом. На этот раз ответы мои были другими, я увидел изображения. Пару дерущихся летучих мышей. Фехтовальщиков с мечами. Я воображал себе что угодно. Но я уже не мог заставить себя безоговорочно доверять Барту.

Он записывал. Я попробовал подглядеть, но записи были похожи на шифр, вроде: ВФ+АДдФ-Ад ориг. ВФ-АСФ+об.

Этот тест так и остался для меня бессмыслицей. Каждый может выдумать что угодно о вещах, которых не видит. Откуда они знают, не поиздевался ли я сам над ними?

Попробую разобраться в этом, когда доктор Штраус разрешит мне читать книги по психологии. Мне становится все труднее записывать свои мысли и чувства, потому что я знаю, что все мои отчеты обязательно будут прочитаны. Почему это так беспокоит меня?

Отчет № 10

21 апреля

Я придумал, как заставить тестосмеситель работать производительнее. Мистер Доннер сказал, что это весьма прибыльно, можно сэкономить на рабочей силе. Он выдал мне премию в пятьдесят долларов и прибавил десять долларов в неделю.

Я хотел пригласить Джо Карпа и Фрэнка Рейли отпраздновать это событие, но Джо нужно было что-то купить для жены, а к Фрэнку внезапно приехал двоюродный брат. Да, наверно, потребуется немало времени, чтобы привыкнуть ко мне.

Все меня боятся. Когда я подошел к Джимпи, чтобы о чем-то спросить, и тронул его за плечо, он подпрыгнул, уронил чашку с кофе и облился с ног до головы.

Джимпи все время украдкой посматривает на меня. Никто больше не разговаривает со мной, как раньше. Работать стало одиноко и неудобно. Размышляя об этом, я вспомнил, как Фрэнк вышиб из-под меня ноги, когда я уснул стоя. Теплый сладкий запах, белые стены. Фрэнк открывает печь и оттуда доносится рев огня. Я падаю... выгибаюсь... пол вылетает из-под ног... вспышка боли...

Это я — и все же это кто-то другой лежит на полу, другой Чарли. Он растерян... он трет ушибленное место... смотрит на Фрэнка, долговязого и тощего, и на стоящего рядом Джимпи — огромного, заросшего волосами. Его голубых глаз почти не видно под нависшими бровями.

— Оставь парня в покое, — говорит Джимпи. — Боже, Фрэнк, ну почему ты все время цепляешься к нему?

— Пустяки, — смеется Фрэнк, — я же не убил его. Ему ведь все равно. Правда, Чарли?

Чарли съезживается. Он не понимает, чем заслужил такое наказание, но понимает, что это еще не конец.

— Но тебе-то не все равно, — говорит Джимпи, скрипя ортопедическим ботинком. — Как же ты можешь издеваться над ним?

Они садятся за длинный стол и начинают лепить тесто для булочек, заказанных к вечеру. Некоторое время они работают молча, потом Фрэнк останавливается и сдвигает на затылок свой белый колпак.

— Слышь-ка, Джимп, давай научим Чарли печь булочки.

Джимпи ставит локти на стол.

— Давай лучше оставим его в покое.

— Нет, Джимп, серьезно. Спорим, его можно научить чему-нибудь простому — например, делать булочки.

Кажется, мысль начинает нравиться Джимпи, и он, повернувшись, внимательно смотрит на Чарли.

— В этом что-то есть. Эй, Чарли, поди-ка сюда на минутку.

Чарли стоит, уставившись на шнурки своих ботинок — он всегда так делает, когда другие говорят о нем. Он знает, как шнуровать ботинки и завязывать шнурки. Он может делать булочки. Его можно научить, как взбить, раскатать, свернуть тесто и сделать из него маленькие круглые булочки.

Фрэнк с сомнением глядит на него.

— Может, не надо, Джимп? Чего ради нам возиться с этим придурком?

— Предоставь это мне, — говорит Джимпи, которого уже захватила идея Фрэнка. — Мне кажется, у него пойдет дело. Чарли, хочешь научиться делать булочки, как я и Фрэнк?

Чарли смотрит на него, и улыбка медленно исчезает с его лица. Он знает, чего хочет от него Джимпи, и чувствует, что его загнали в угол. Он хочет услужить Джимпи, но в словах *учить* и *учиться* есть что-то зловещее, за ними ему видится высоко поднятая тонкая белая рука, бьющая его, чтобы он выучил то, чего не может понять.

Чарли отступает на шаг, но Джимпи хватается за руку.

— Не бойся, парень, мы не сделаем тебе ничего плохого. Глянь-ка, ты весь трясешься, как будто собираешься развалиться на куски. Смотри, что у меня есть. — Он раскрывает ладонь, а на ней лежит медная цепочка, к которой прикреплен сияющий диск с надписью: «Стар-брайт полирует до звездного блеска». Джимпи поднимает цепочку, и золотистый кружок начинает медленно вращаться, отражая свет люминесцентной лампы. Такой блеск Чарли уже видел, хотя и не помнит, где и когда.

Чарли знает: возьмешь чужое — будешь наказан. Если вложат что-то прямо в руку — все в порядке. Только так. Но ведь Джимпи хочет отдать ему висюльку... Чарли кивает и улыбается.

— Это он понимает, — смеется Фрэнк и окончательно передает проведение эксперимента в руки Джимпи, — любит, чтоб ярко блестело. — Он взволнованно подается вперед. — Если эта безделушка так уж нужна ему, может, он и научится лепить булочки.

Два пекаря всерьез принимают за Чарли, и вся пекарня собирается вокруг. Фрэнк очищает участок стола, а Джимпи шмякает на него средних размеров кусок теста. Зрители заключают пари.

— Следи внимательно, — говорит Джимпи, и кладет цепочку с диском на стол. — Следи и повторяй за нами. Научишься делать булочки, и эта штука твоя. На счастье.

Чарли, сгорбившись на стуле, смотрит, как Джимпи берет нож и отрезает кусок теста. Ему видно каждое движение — вот он раскатывает тесто в длинную колбаску, отрывает от нее кусок и сворачивает в кольцо. Время от времени Джимпи посыпает тесто мукой.

— Теперь смотри сюда, — говорит Фрэнк, проделывая то же самое.

Чарли смущен — в их действиях есть разница. Катая тесто, Джимпи растопыривает локти, как птица крылья, а Фрэнк прижимает их к бокам. Джимпи держит все пальцы вместе, а у Фрэнка большие пальцы задраны вверх. Джимпи говорит:

— Давай, Чарли, попробуй.

Чарли отрицательно качает головой — неуверенность в мелочах пригвождает его к месту.

— Смотри, Чарли, я сейчас сделаю все медленно. Следи, и повторяй движения за мной. Договорились? Попробуй запомнить все как следует, чтобы потом сделать самому.

Чарли морщит лоб, наблюдая как Джимпи отрезает кусок теста и скатывает его в шар. Он медлит, потом берет нож, тоже отрезает кусок теста и кладет его на середину стола. Медленно, оставив локти как Джимпи, он скатывает шар. Смотрит то на свои руки, то на руки Джимпи и старается держать пальцы так же, как и он, — вместе. Нужно сделать все правильно, потому что Джимпи хочет этого. В голове что-то шепчет: сделай все правильно, и они полюбят тебя. Чарли очень хочется, чтобы Фрэнк и Джимпи полюбили его.

Джимпи выпрямляется, и то же самое делает Чарли.

— Вот это здорово. Смотри, Фрэнк, он сделал шар.

Фрэнк кивает и улыбается, Чарли вздыхает. Он весь дрожит от напряжения. Успех непривычен для него.

— Хорошо, — говорит Джимпи, — а теперь будем делать колбаски.

Неуклюже, но очень внимательно Чарли повторяет каждое его движение. Несколько раз дрожание рук сводит все его усилия на нет, но в конце концов он ухитряется скрутить кусок теста в кольцо. Он делает шесть колечек и кладет их на большой посыпанный мукой противень рядом с теми, что сделал Джимпи.

— Отлично, Чарли. — Лицо Джимпи серьезно. — А теперь сделай все сам, без меня. Давай.

Чарли смотрит на огромный ком теста и на нож, который сунули ему в руку. И сразу же им овладевает отчаяние. Что он делал сначала? Как держал руку? Пальцы? Как скатать тесто в шар? Тысячи вопросов роятся у него в голове, а он стоит и улыбается. Ему хочется, чтобы Фрэнк и Джимпи были рады и полюбили его, ему хочется получить обещанную цепочку на счастье. Он снова и снова переворачивает тесто, но никак не может заставить себя начать. Не может отрезать кусок, потому что знает, что ошибется. Ему страшно.

— Он уже забыл, — говорит Фрэнк. — Ничего в голове не держится.

Чарли сосредоточенно хмурится и пробует вспомнить: сначала отрезаешь кусок. Потом скатываешь из него шар. Но как он становится колечком как те, на противне? Дайте ему время и он вспомнит. Вот рассеется немного туман, и он сразу вспомнит. Он отчаянно борется с собой, чтобы удержать в голове хоть чуточку из того, чему его учили. Он так старается...

— Ну что ж, Чарли, — говорит Джимпи, отбирая у него нож, — не мучь себя понапрасну. Все равно это не твоя работа.

Еще минута, и он вспомнит. Если бы только они не торопили его. Куда все так спешат?

— Иди, Чарли. Иди посиди и посмотри комиксы. Нам надо работать.

Чарли улыбается и вытаскивает из заднего кармана журнал со смешными картинками. Он расправляет его и кладет себе на голову, как шляпу. Фрэнк хохочет, да и Джимпи наконец улыбается.

— Иди, бэби, — фыркает Джимпи. — Посиди, пока не позовет мистер Доннер.

Чарли улыбается ему и бредет в угол, где сложены мешки с мукой. Ему нравится сидеть на них, скрестив ноги, и разглядывать картинки в журнале. Он начинает переворачивать страницы, и им вдруг овладевает желание заплакать. Он не понимает, почему. О чем печалиться? Туман густеет, потом снова рассеивается. Он предвкушает удовольствие от ярких картинок, виденных им уже тридцать, сорок раз. Он знает, как кого зовут и что белые пузыри с буквами над головами фигурок означают, что они разговаривают. Сможет ли он когда-нибудь прочитать эти буквы? Дайте ему время, не торопите, не толкайте его — и он сможет. Но все куда-то спешат...

Чарли подтягивает к себе колени и открывает журнал на первой странице, где Батман и Робин раскачиваются на длинной веревке, свисающей с крыши какого-то здания. Когда-нибудь, решает Чарли, он обязательно научится читать и узнает, что тут написано. Он чувствует руку на своем плече и поднимает голову. Это Джимпи, он протягивает ему цепочку. Медный диск крутится, поблескивает...

— Возьми, — ворчит он, бросает цепочку Чарли на колени и хромая уходит.

Теперь я понимаю, что для него это был весьма необычный поступок. Почему он сделал это? С той поры, благодаря профессору Немуру, доктору Штраусу и другим людям, работающим в колледже, я проделал долгий путь. Но что думают обо мне Фрэнк и Джимпи? Ведь я стал совсем другим...

22 апреля

Народ в пекарне здорово изменился. Они не просто игнорируют меня, я чувствую настоящую враждебность. Доннер хочет, чтобы я вступил в профсоюз, и еще раз повысил мне зарплату. Самое паршивое, что я не получаю от всего этого никакого удовольствия, потому что люди обижены на меня. Что ж, не могу винить их — они не понимают, что произошло со мной, а я не могу объяснить им. Раньше мне казалось, что они будут гордиться мной. Но это не так.

Правда, мне есть с кем поговорить. Завтра вечером приглашу мисс Кинниан в кино, отпраздновать прибавку. Если отважусь.

24 апреля

Наконец-то профессор Немур согласился со мной и с доктором Штраусом, что мне совершенно невозможно записывать свои ощущения, зная, что их будут читать другие. В своих записях я всегда старался быть абсолютно честным, но есть такое, что мне не хотелось бы делать всеобщим достоянием. По крайней мере, сейчас.

Теперь я могу оставлять у себя записи о самых тайных переживаниях, но при условии, что перед тем как представить окончательный доклад в фонд Уэлберга, профессор Немур прочитает все и сам решит, что может быть опубликовано.

Сегодня произошло довольно неприятное событие. Я пришел в лабораторию пораньше, чтобы спросить доктора Штрауса или профессора Немура, можно ли мне пригласить Алису Кинниан в кино. Я уже собрался было постучать в дверь, но услышал, как они спорят друг с другом. Очень трудно справиться с привычкой подслушивать, ведь раньше люди всегда говорили и действовали так, словно я пустое место, словно им наплевать, что я о них подумаю.

Кто-то из них стукнул ладонью по столу, и профессор Немур закричал:

— Я уже информировал оргкомитет, что мы представим доклад в Чикаго!

Потом я услышал голос доктора Штрауса:

— Ты не прав, Гаролд. Шесть недель — слишком короткий срок. Он все еще меняется.

Потом опять Немур:

— До сих пор мы ни разу не ошиблись в своих предсказаниях, и тем самым получили право обнародовать наши результаты. Повторяю, Джей, бояться абсолютно нечего. Все идет по плану.

Штраус:

— Эта работа слишком важна для всех нас, чтобы трезвонить о ней прежде времени. Ты берешь на себя смелость...

Немур:

— А ты забываешь, что руковожу проектом я!

Штраус:

— А ты забываешь, что тут замешана не только твоя репутация! Если результаты не подтвердятся, под ударом окажется вся теория!

Немур:

— Я проверил и перепроверил все, что можно, и думаю, что регрессия нам больше не грозит. Небольшой доклад не повредит нам. Я просто уверен, что все будет в порядке!

Потом Штраус сказал, что Немур метит на пост заведующего кафедрой психологии в Гэлстоне. На это Немур ответил, что Штраус вцепился ему в фалды и тащится за ним к славе.

Штраус:

— Без моей техники нейрохирургии и инъекций энзимов твои теории ничего не стоят, и скоро тысячи хирургов во всем мире будут пользоваться *моей* методикой.

Немур:

— Эти новые методики родились только благодаря *моей* теории!

Они всячески обзывали друг друга: оппортунист, циник, пессимист, и я почему-то испугался. Внезапно мне пришло в голову, что я не имею никакого права стоять под дверью и подслушивать их. Раньше для них это не имело бы никакого значения, но теперь, когда они прекрасно осведомлены о моих умственных способностях, вряд ли им захочется, чтобы я узнал об этом споре. Не дождавшись конца разговора, я ушел.

На улице стемнело, и я долго бродил, пытаясь понять, что же так испугало меня. Впервые я увидел их такими, какие они есть на самом деле — не богов, даже не героев, а просто двух усталых мужчин, старающихся получить что-то от своей работы. А вдруг Немур прав, и эксперимент удался? О чем же тогда спорить?

Так приглашать мисс Кинниан в кино или нет? Спрошу завтра.

26 апреля

Наверно, не стоит мне болтаться по колледжу без дела. Вид юношей и девушек, спешащих куда-то с книгами под мышкой, звуки их голосов — все это волнует меня. Мне хочется посидеть и поговорить с ними за чашкой кофе, поспорить о романах, политике, новых идеях. Интересно послушать, как они спорят о поэзии, науке и философии — о Шекспире и Мильтоне, Ньютоне, Эйнштейне, Фрейде, Платоне, Гегеле и Канте, и о других, чьи имена отдаются у меня в голове, как звуки огромного колокола.

Слушая их разговоры, я притворяюсь, что тоже студент, хотя и много старше. Я ношу с собой учебники и даже начал курить трубку.

Глупо, конечно, но мне почему-то кажется, что я принадлежу к тому же миру, что и они. Ненавижу свой дом и свою такую одинокую комнатенку.

27 апреля

В кафе познакомился и подружился с несколькими студентами. Они спорили о том, сам ли Шекспир писал свои пьесы. Один из них — толстяк с потным носом — утверждал, что все пьесы Шекспира написал Марлоу. Но Ленни — коротышка в темных очках — сказал, что Марлоу — это чепуха и все прекрасно знают, что эти пьесы написал сэр Фрэнсис Бэкон, потому что Шекспир никогда не учился в колледже и не мог получить того образования, которое прослеживается в приписываемых ему произведениях. Тогда парень в шапочке первокурсника сказал, что слышал, как ребята в туалете говорили, будто пьесы Шекспира на самом деле написала какая-то леди.

Они говорили про политику, про искусство и про Бога. Никогда не предполагал, что Бога может и не быть. Мне становится немного страшновато, ведь я впервые задумался о том, что же такое Бог.

Теперь я понимаю, что одна из главных задач колледжа — объяснить людям, что то, во что они верили всю жизнь, на самом деле совсем не так и что ничто не является на самом деле тем, чем кажется.

Все время, пока они спорили, возбуждение так и бурлило во мне. Вот чего мне хочется больше всего на свете — ходить в колледж и слушать, как люди говорят о важных вещах.

Почти все свободное время я теперь провожу в библиотеке, глотая и впитывая в себя книги. Круг моих интересов достаточно широк: Достоевский, Флобер, Диккенс, Хемингуэй, Фолкнер — любые романы, которые попадают под руку. Мой голод из тех, что нельзя насытить.

28 апреля

Ночью мне приснилось как мама ругается с папой и с учительницей в школе № 13, где я учился, пока меня не перевели в 222-ю...

— ...Он нормальный! Он нормальный! Он вырастет и будет как все остальные! Лучше, чем все остальные! — Она пробует вцепиться

учительнице в лицо, но папа крепко держит ее. — Он будет ходить в колледж! Он станет знаменитым! — Она выкрикивает это снова и снова, вырываясь из папиных рук. — Он будет ходить в колледж!

Мы в директорском кабинете и кроме нас тут полно народу. У всех смущенный вид, и только заместитель директора слегка улыбается и отворачивается, чтобы никто этого не заметил. В моем сне у директора длинная борода, он плавает по комнате и показывает на меня пальцем:

— Его необходимо перевести в особую школу. Государственная специальная школа в Уоррене — вот, что вам нужно! Он не может оставаться здесь!

Папа выталкивает маму из кабинета, но она продолжает кричать и плакать. Я не вижу ее лица, но огромные красные слезы капаят и капаят на меня...

Утром я смог не только вспомнить сон, но и снова проникнуть памятью сквозь туман — туда, где мне шесть лет и где все это случилось. Норма еще не родилась. Мама — крохотная темноволосая женщина. Речь ее тороплива, а руки постоянно в движении. Помнится, она все время трепетала вокруг папы, как большая заботливая птица. Папа очень уставал на работе, и у него не было сил отмахиваться от нее.

Я вижу Чарли. Он стоит посреди кухни со своей любимой игрушкой — ниткой с нанизанными на нее бусинками и колечками. Он вращает нитку, она накручивается на палец, рассыпая вокруг яркие вспышки. Он может играть с ней часами. Я не помню, кто сделал ее и куда она потом делась, но помню, как он восхищенно смотрит на яркие мерцающие круги...

Она кричит на него... нет, она кричит на отца:

— Я не собираюсь забирать его из школы! С ним все в порядке!

— Роза, хватит обманывать себя, будто он нормальный ребенок. Посмотри на него. Роза! Ему уже шесть лет, а...

— Он не идиот! Он как все дети!

Папа печально глядит на сына, играющего со своей ниткой. Чарли улыбается и вытягивает руку, чтобы папа увидел, как здорово она крутится.

— Выбрось эту гадость! — вопит мама и бьет Чарли по руке. Нитка падает на пол. — Иди поиграй в кубики!

Чарли напуган этой внезапной вспышкой гнева. Он не знает, что будет дальше. Его начинает бить дрожь. Родители продолжают спорить, и голоса, перелетающие от одного к другому, туго охватывают его, сжимают внутренности. Паника.

— Чарли, марш в уборную! Только посмей надеть в штаны!

Конечно, он послушался бы ее, только ноги почему-то не двигаются. Его руки взлетают вверх, защищая голову от удара.

— Ради бога, Роза! Оставь его в покое! Посмотри, как ты напугала его. Всегда ты так, а бедный ребенок...

— А почему ты не помогаешь мне? Почему я все должна делать сама? Я каждый день занимаюсь с ним, чтобы он не отстал. Он просто медлительный, вот и все!

— Не обманывай себя, Роза, это нечестно. Ты дрессируешь его, как животное. Не приставай к нему.

— Мне хочется, чтобы он стал таким, как все!

Пока они спорят, живот Чарли болит все сильнее и сильнее, будто собирается взорваться. Он прекрасно понимает, что нужно идти в туалет. Он просто не может заставить себя. Куда удобнее сделать все прямо тут, на кухне, но это неправильно, и она ударит его. Он хочет свою нитку обратно. Если бы она была у него и крутилась, он смог бы удержаться и не надеть в штаны. Но игрушки нет — колечки и бусинки разлетелись по кухне, а нитка лежит около плиты.

Странно, хотя голоса доносятся до меня совершенно отчетливо, я по-прежнему не вижу их лиц, только размытые очертания. Папа — огромный и неторопливый, мама — маленькая и быстрая. Прислушиваясь к их спору, мне так и хочется заорать изо всех сил: «Да посмотрите же вы на него! Вниз, на него! На Чарли! Ему нужно в туалет!!!».

Они спорят, а Чарли стоит, вцепившись ручонками в свою красную клетчатую рубашку. В словах, проскакивающих между ними словно искры, слышны злорадство и сознание своей вины.

— В сентябре он снова пойдет в тринадцатую, и снова пройдет весь класс!

— Ну посмотри же правде в глаза! Учительница сказала, что он неспособен ни к какой серьезной работе.

— Эта стерва? О, я знаю, как назвать ее в следующий раз! Пусть только начнет, и я напишу не только в попечительский совет! Я

выцарапаю глаза этой грязной шлюхе! Чарли, что ты так извиваешься? Иди в туалет. Иди сам. Ты знаешь, куда идти.

— Разве ты не видишь — ему хочется, чтобы ты пошла с ним. Ему страшно!

— Отстань! Он прекрасно ходит и один. В книге написано, что это придаст ему уверенности и создаст чувство достижения цели.

Но ужас, который вызывает у Чарли холодная, облицованная белым кафелем комнатка, превозмогает все. Он боится идти туда один. Он протягивает к маме руки и всхлипывает:

— Ту... туа...

Она бьет его по рукам.

— Хватит, — говорит строго. — Ты уже большой мальчик. Иди прямо в туалет и сними штанишки, как я тебя учила. Предупреждаю — если обделаешься, накажу.

Я почти чувствую корежащие его спазмы, а эти двое стоят над ним и ждут, что же он будет делать. Всплипания становятся все тише и тише, и внезапно он теряет всякий контроль над своим телом. Он закрывает лицо руками и пачкает себя.

Облегчение и страх. Сейчас она будет бить его. Вот она уже наклоняется к нему, крича, что он плохой мальчик, и Чарли ищет спасения у отца.

...И вдруг я вспоминаю, что ее зовут Роза, а его — Матт. Странно, что я забыл, как зовут маму и папу. Ведь я помню, как звали сестру. Не помню, когда я в последний раз думал про них. Мне хочется увидеть Матта, понять, о чем он думает в этот момент. Когда она начала бить меня, он повернулся и ушел на улицу.

Если бы я только мог разглядеть их лица!

Отчет № 11

1 мая

Почему я до сих пор не замечал, как хороша Алиса Кинниан? У неё нежные карие глаза и волнистые каштановые волосы до плеч. Когда она улыбается, её полные губы складываются колючком.

Мы ходили в кино, а потом поужинали. В первом фильме я мало что понял, потому что все время думал о том, что вот наконец она сидит рядом. Дважды её обнаженная рука касалась моей, и оба раза я отдергивал её в страхе, что она рассердится. Потом я заметил, как впереди нас парень положил руку на плечо своей девушки, и мне тоже захотелось обнять мисс Кинниан. Подумать только, до чего я дошел...

Не надо торопиться... Подниму руку на спинку её кресла... Потом дюйм за дюймом... Вот рука рядом с её плечом... и как бы случайно...

Я не посмел.

Я ухитрился всего лишь разместить локоть на поручне её кресла, но руке тут же пришлось покинуть завоеванное место — мне срочно потребовалось вытереть пот с лица. А один раз она случайно коснулась меня ногой.

В конце концов это стало невыносимо, и я принудил себя не думать о ней. Первый фильм был про войну, но я застал только самый его конец: один солдат возвращается в Европу и женится на женщине, спасшей ему жизнь. Вторая картина заинтересовала меня. Психологический фильм про мужчину и женщину, которые вроде бы любят друг друга, а на самом деле подталкивают себя к гибели. Все идет к тому, что муж прикончит жену, но в последний момент ей снится кошмар, она что-то кричит во сне, и муж начинает вспоминать свое детство. Его озаряет, что всю свою ненависть он должен направить на злую гувернантку, которая постоянно пугала его жуткими историями, оставив тем самым трещину в его драгоценном «я». Взволнованный до глубины души своим открытием, муж вскрикивает от радости, да так, что жена просыпается. Он обнимает её и... все проблемы решены. Дешевка! Наверно, я как-нибудь проявил свой праведный гнев — Алиса вдруг спросила, что со мной.

— Бесстыдное вранье, — объяснил я, когда мы выходили в фойе. — Такого не бывает.

— Конечно не бывает, — сказала она и рассмеялась. — Кино — мир притворщиков.

— Это не ответ! — продолжал настаивать я. — Даже в выдуманном мире должны существовать свои правила. Отдельные части должны складываться в единое целое. Такие фильмы — ложь. Сценаристу или продюсеру захотелось вставить туда нечто такое, чему там не место, и сразу начинает казаться, что все идет вкривь и вкось.

Мы вышли на залитый яркими огнями Таймс-сквер. Алиса задумчиво посмотрела на меня.

— Как быстро ты меняешься...

— Я растерян. Я больше не знаю, что я знаю.

— Пусть это не тревожит тебя. Ты начинаешь видеть и понимать мир. — Она взмахнула рукой, включая в этот жест сверкающий вокруг нас неон. Мы свернули на Седьмую авеню. — Ты начинаешь догадываться, что скрыто за фасадом вещей... А отдельные части должны подходить друг к другу, тут я согласна с тобой.

— Ну что ты... У меня совсем нет чувства, что я совершил великое открытие. Я не понимаю себя самого и никак не могу разобраться в своем прошлом. Я не знаю даже, где мои родители, как они выглядят. Когда я вижу их во сне или вспоминаю, то их лица расплываются. А мне так хочется увидеть отраженные в них чувства! Я никогда не пойму, что происходит со мной, пока не увижу их лиц...

— Чарли, успокойся. — На нас оборачивались. Алиса взяла меня под руку и притянула к себе. — Потерпи. Не забывай, что за несколько недель ты сделал то, на что у других уходит вся жизнь. Скоро ты начнешь находить связи между отдельными явлениями и поймешь, что разные на первый взгляд области знания на самом деле составляют единое целое. Ты как бы взбираешься по огромной лестнице все выше, и видишь вокруг себя все больше.

Когда мы зашли в кафе на Пятьдесят четвертой улице и взяли подносы, она оживленно заговорила:

— Обычные люди могут увидеть совсем немного. Не в их власти изменить себя или подняться выше определенного уровня, но ты — гений. Каждый день будет открывать тебе новые миры, о существовании которых ты раньше и не подозревал.

Люди в очереди оборачивались поглазеть на новоявленного гения, и мне пришлось слегка подтолкнуть ее, чтобы заставить говорить потише.

— Я только надеюсь, — прошептала она, — что это не пойдет тебе во вред.

Я не сразу нашелся, что ответить на это. Мы взяли еду со стойки, расплатились и сели за столик. Ели мы молча, и в конце концов молчание начало действовать мне на нервы. Я понимал, чего она боится, и решил обратить все в шутку.

— А с чего ты взяла, что операция может повредить мне? Вряд ли я стану хуже, чем раньше. Посмотри на Эдджернона. Пока хорошо ему, будет хорошо и мне.

Она молча рисовала ножом круги на куске масла, и эти размеренные движения на какое-то мгновение загипнотизировали меня.

— А еще, — сказал я, — мне удалось кое-что подслушать. Профессор Немур и доктор Штраус поспорили, и Немур сказал, что он уверен в благополучном исходе.

— Будем надеяться, — сказала она. — Ты и представить себе не можешь, как я боялась за тебя.

Она заметила, что я уставился на ее нож, и осторожно положила его рядом с тарелкой.

Я собрался с духом и произнес:

— Я пошел на это только ради тебя.

Алиса улыбнулась, и я задрожал от счастья. Тогда-то я и заметил, что у нее нежные карие глаза. Внезапно она опустила взгляд и покраснела.

— Спасибо, Чарли, — сказала она и взяла меня за руку.

Такого я еще в своей жизни не слышал. Я наклонился к ней и, зажмурившись от страха, произнес:

— Ты мне очень нравишься. — Она кивнула головой и чуть-чуть улыбнулась, одними губами... — Больше чем нравишься. Я хочу сказать... Черт возьми, я не знаю, что хочу сказать!

Я сознавал, что сижу весь красный, не зная, куда смотреть и что делать с руками. Я уронил вилку, полез доставать ее и опрокинул стакан воды прямо ей на платье. Внезапно опять я стал тупым и

неуклюжим и, когда захотел извиниться, обнаружил, что язык у меня слишком большой и не помещается во рту.

— Ничего страшного, — попробовала Алиса успокоить меня. — Это всего лишь вода.

В такси по дороге домой мы долго молчали, а потом она положила сумочку, поправила мне галстук и выровняла платок в нагрудном кармане.

— Ты очень взволнован, Чарли.

— Я чувствую себя смешным.

— Я расстроила тебя своими разговорами, смутила тебя.

— Это не так. Меня тревожит, что я не всегда могу высказать то, что чувствую.

— Чувства — новость для тебя. Не все нужно... высказывать...

Я придвинулся ближе к ней я хотел взять ее за руку, но она отдернула ее.

— Не надо, Чарли. Мне кажется, это не то, что тебе сейчас требуется. Я виновата перед тобой, и неизвестно еще, чем все кончится.

И снова я почувствовал, что туп и смешон одновременно. Я разолился на себя, отодвинулся от Алисы и уставился в окно. Я ненавидел ее, как никого раньше, — за легкие ответы на трудные вопросы и материнское воркование. Мне захотелось вlepить ей пощечину, заставить ползать перед собой на коленях, а потом захотелось обнять ее и поцеловать.

— Чарли, прости меня.

— Забудем об этом.

— Но ты должен разобраться в том, что происходит.

— Конечно-конечно, но давай все-таки не будем говорить об этом.

Когда такси подъехало к ее дому, я уже чувствовал себя самым несчастным человеком на свете.

— Пойми, — сказала Алиса, — это моя ошибка. Мне никуда нельзя было ходить с тобой.

— Да, теперь я вижу.

— Я хочу сказать... Нам нельзя строить наши отношения на... эмоциональной основе. Тебе так много нужно сделать... У меня нет права врываться в твою жизнь.

— Это уж моя забота, не так ли?

— Это не только твое личное дело, Чарли. У тебя появились обязательства, не перед Немуром и Штраусом, а перед теми миллионами, которые пойдут по твоим следам.

Чем больше она говорила об этом, тем хуже мне становилось. Вечер, проведенный с нею, высветил всю мою неловкость, полное незнание того, как вести себя в подобных случаях. В ее глазах я был всего лишь неловким подростком, и она постаралась избавиться от меня как можно изящнее.

Мы остановились у дверей ее квартиры. Алиса улыбнулась, и мне показалось даже, что она хочет пригласить меня к себе. Но она только прошептала:

— Спокойной ночи, Чарли. Спасибо за чудесный вечер.

Мне захотелось поцеловать ее на прощанье. Я уже думал об этом раньше. Всегда ли женщина ждет, что ее поцелуют? В известных мне романах и фильмах инициатива всегда исходила от мужчины. Вчера я твердо решил, что поцелую ее. А вдруг она не позволит?

Я шагнул к ней, но Алиса оказалась проворнее меня.

— Давай лучше пожелаем друг другу спокойной ночи, Чарли. Нельзя так сразу... Пока нельзя.

Прежде чем я смог спросить, что означает это «пока», она переступила порог квартиры.

— Спокойной ночи. И спасибо еще раз. Спасибо.

Дверь захлопнулась.

В тот момент я был зол на себя, на нее, на весь мир, но когда добрался домой, то понял, что она права. Не знаю, нравлюсь ли я ей или она всего лишь старается быть доброй. Что может Алиса найти во мне?

Да, я неловок, но только оттого, что никогда прежде не оказывался в подобных обстоятельствах. Откуда человек узнает, как ему вести себя с другим человеком? Откуда мужчина узнает, как вести себя с женщиной?

От книг мало толку.

В следующий раз обязательно поцелую ее.

3 мая

Среди всего прочего меня тревожит то, что, вспоминая свое прошлое, я никогда не могу с уверенностью сказать, происходило ли

что-нибудь на самом деле или мне кажется, что происходило именно так, или я вообще все придумал. Я похож на человека, который проспал полжизни, а теперь пытается узнать, кем он был, пока спал.

Ночью мне снились кошмары, и я кое-что запомнил.

...Ослепленный клубами пыли, я бегу по длинному коридору. Я бегу вперед, потом поворачиваюсь и бегу назад. Мне страшно, потому что в моем кармане что-то спрятано. Я не знаю, что это такое и откуда оно взялось, но сознаю, что *это* хотят у меня отнять.

Вдруг падает стена, в проломе появляется рыжеволосая девушка и протягивает ко мне руки. Ее лицо — бледная маска. Она обнимает, целует и утешает меня, мне хочется крепко прижать ее к себе, но я боюсь. Она не отпускает меня и мне становится все страшнее, потому что я знаю, что никогда не должен прикасаться к женщине. Я начинаю ощущать, как что-то бурлит и дрожит во мне. Становится тепло. Я поднимаю глаза и вижу в ее руке окровавленный нож. Я убегаяю. В моих карманах пусто. Я обшариваю карманы, но не знаю, ни что именно я потерял, ни почему я вообще прятал *это*.

Когда я проснулся и вспомнил про Алису, меня охватила такая же паника, как и во сне. Чего же я боюсь? Наверно, это как-то связано с ножом.

Я сварил кофе и выкурил сигарету. Мне еще никогда не снилось ничего подобного, и я совершенно уверен, что сновидение уходит корнями во вчерашний вечер. Я начинаю думать об Алисе по-другому.

Свободные ассоциации — все еще слишком мучительный процесс. Очень трудно отучиться контролировать свои мысли. ...Распахни свой мозг и дай чему угодно вливаться в него... Образы булькают, как пузыри в стакане... в ванне... там купается женщина... девочка... Норма принимает ванну... Я подсматриваю в замочную скважину... Она встает, чтобы вытереться, и я вижу, что ее тело отличается от моего... Чего-то не хватает.

Бегу по коридору... Кто-то гонится за мной... не человек... всего лишь огромный сверкающий кухонный нож... Я в ужасе и хочу закричать, но голоса нет, горло мое перерезано и из него льется кровь.

— Мама, Чарли подглядывает за мной!

Почему она другая? Что случилось с ней?.. Кровь... реки крови...

Три слепых мышонка... три слепых мышонка,
Как они бегут! Как они бегут!
Они бегут за фермерской женой,
Отрезавшей им хвостики кухонным ножом.
Ты когда-нибудь видал такое?
Три... слепых... мышонка...

Чарли один рано утром на кухне. Все еще спят, и он развлекается со своей ниткой. Вот он неловко поворачивается, и от рубашки отлетает пуговица. Она катится по линолеуму с замысловатым рисунком, катится к ванной, и Чарли теряет ее из виду. Где пуговица? Поиски приводят Чарли в ванную. Там стоит ящик с грязным бельем, и ему нравится вынимать оттуда вещи и глядеть на них — одежда отца, матери... вещи Нормы. Однажды, когда он надел их и притворился Нормой, мама здорово отшлепала его. Ему попадается белье Нормы со следами крови. Он потрясен. Что с ней случилось? Наверно, тот, кто ранил ее, охотится сейчас за ним...

Почему это воспоминание не выветрилось из моей памяти, как большинство остальных? Почему оно приводит меня в ужас? Как оно связано с моими чувствами к Алисе?

Теперь-то я начинаю понимать, почему меня научили держаться подальше от женщин. Нельзя было так говорить с Алисой. У меня нет права думать о женщинах — пока нет.

Почему все твердят мне, что я становлюсь человеком? Я был человеком *всегда*, даже до того, как меня коснулся нож хирурга.

Я — человек... Я должен любить.

8 мая

Даже теперь, когда я разобрался в том, что творится за спиной мистера Доннера, мне трудно в это поверить. Первый раз я заметил неладное два дня назад. Джимпи за стойкой заворачивал праздничный пирог нашему постоянному клиенту. Такой пирог стоит 3 доллара 95 центов. Джимпи звякнул кассой, и в ее окошечке выскочили цифры 2,95. Я открыл было рот, чтобы поправить его, но вдруг в зеркале, висевшей за стойкой, увидел, как покупатель весело подмигнул, а Джимпи улыбнулся ему в ответ. Покупатель взял сдачу, и я заметил блеск большой серебряной монеты, оставшейся в ладони Джимпи, и быстрое движение, которым он опустил полдоллара себе в карман.

— Чарли, — спросила вошедшая женщина, — эклеры еще остались?

— Сейчас посмотрю.

Это позволило мне поразмыслить над тем, чему я стал невольным свидетелем. Конечно, Джимпи не ошибся. Он нарочно недобил клиенту доллар, и они прекрасно поняли друг друга. Каждый получил половину.

Не зная, что делать, я бессильно прислонился к стене. Джимпи работал у Доннера пятнадцать лет. Доннер всегда относился к своим служащим, как к близким друзьям, и не раз приглашал семью Джимпи к себе на ужин. Когда ему нужно было отлучиться, Доннер оставлял его вместо себя, а еще я слышал, что он давал Джимпи деньги на оплату больничных счетов жены.

Немыслимо красть у такого человека. Тут должно быть какое-то другое объяснение. Например, Джимпи случайно ошибся, а полдоллара — всего лишь чаевые. Или мистер Доннер разрешил делать скидку постоянным клиентам. Да пусть будет что угодно, только бы Джимпи не оказался вором. Ведь он всегда был так добр ко мне.

Я ничего не хотел знать. Я принес эклеры и принялся раскладывать по прилавку булочки. На окошечко кассы я больше не взглянул.

Но... вошла маленькая рыжеволосая женщина — она всегда щиплет меня за щеку и шутит, что скоро найдет мне подружку, — и я вспомнил, что она почти всегда приходит, когда Доннер завтракает, а Джимпи стоит за стойкой. Он частенько посылал меня относить заказы ей на дом. Я невольно подсчитал стоимость ее покупки: 4 доллара 53 цента, и отвернулся, чтобы не видеть, сколько пробьет ей Джимпи. Я горел желанием знать правду, но вместе с тем боялся ее.

— Два пятьдесят три, миссис Уилер, — донесся до меня голос Джимпи.

Звон кассы. Звон сдачи. Стук по прилавку.

— Благодарю вас, миссис Уилер.

Я обернулся как раз в тот момент, когда его рука была в кармане, и услышал приглушенный звон монет.

Сколько раз при передаче заказов он использовал *меня*, как посредника? С кем делил разницу? И неужели все эти годы я помогал ему красть?

Я не мог оторвать глаз от хлопочущего за стойкой Джимпи. Он был в прекрасном настроении, возбужден, из-под его белого колпака на лицо струился пот. Но вот он поймал мой взгляд, нахмурился и отвернулся. Мне захотелось ударить его. Зайти за стойку и врезать ему как следует. Не помню, чтобы раньше у меня возникало такое желание...

В тишине своей комнаты я выплеснул чувства на бумагу. Не помогло. Как вспомню, что Джимпи обкрадывает мистера Доннера, мною овладевает желание что-нибудь сломать, разбить, размозжить. Хорошо, что я не способен к насилию. За свою жизнь я ни разу никого не ударил.

Нужно на что-то решиться. Сказать мистеру Доннеру, что человек, которому он доверяет, как самому себе, — вор? Джимпи от всего откажется, а я ничего не смогу доказать. А как сам мистер Доннер воспримет такую новость? Не знаю, что делать.

9 мая

Ночью не сомкнул глаз. Слишком многим я обязан мистеру Доннеру, чтобы спокойно стоять в сторонке и смотреть, как его обкрадывают. Промолчав, я стану соучастником Джимпи. Но имею ли я право доносить на него? Больше всего меня беспокоит то, что это именно я помогал ему обдирать свои грязные делишки. Пока я ничего не понимал, с меня и спроса не было, но теперь молчание делает меня таким же преступником, как и Джимпи.

Да, Джимпи работает вместе со мной. Трое детей. А если Доннер выгонит его? Вряд ли со своей деревянной ногой он найдет другую работу.

Какое мне до этого дело?

Ирония в том, что никакие, пусть даже самые обширные знания не помогут мне решить эту маленькую задачку.

10 мая

Рассказал обо всем профессору Немуру. Он заявил, что меня это не касается, и совершенно ни к чему впутываться в дело, которое впоследствии может оказаться весьма неприятным. Тот факт, что меня использовали как посредника, не произвел на него никакого впечатления. Если в то время я не соображал, что происходит, сказал

он, значит, мое дело — сторона. Ты, мол, виноват не больше, чем нож, когда он ранит, или машина, когда сбивает человека.

— Не сравнивайте меня с бессловесной железяжкой! Я — человек.

На мгновение он смутился, потом рассмеялся.

— Естественно, Чарли. Но я говорю о том, что было до операции.

Довольный, напыщенный — мне захотелось дать по физиономии и ему.

— Я был личностью и до операции. Если вы забыли...

— Конечно-конечно, Чарли. Но пойми меня правильно... Все было по-другому... — Тут он вспомнил, что нужно проверить чьи-то истории болезни и сбежал.

Доктор Штраус. Обычно он во время наших психотерапевтических сеансов молчит, но, когда я упомянул о своих переживаниях, сказал, что мой долг рассказать все мистеру Доннеру.

Чем больше я думаю об этом, тем сложнее все кажется. Кто-то должен распутать этот узел, и единственный, на кого я могу положиться, — Алиса.

В половине одиннадцатого я наконец решился. Набирая ее номер, я трижды вешал трубку и только в четвертый раз заставил себя дождаться ответа.

Сначала она и слышать не хотела о новой встрече со мной. Но я не сдавался:

— Ты мне нужна, ты всегда давала хорошие советы. — И пока она еще колебалась, добавил: — Ты *должна* помочь мне! Ты сама сказала, что чувствуешь ответственность за меня. Если бы не ты, я никогда не влез бы в эту историю. Ты просто не можешь отмахнуться от меня!

Наверно, она что-то уловила в моем голосе, потому что согласилась встретиться со мной в том самом кафе, где мы ужинали. Я повесил трубку и уставился на телефон. Почему мне так важно знать, что *она* думает, что чувствует *она*? В течение года единственным моим желанием было порадовать ее. Не потому ли я и согласился на операцию?

У кафе я долго вышагивал взад и вперед, пока стоявший поодаль полицейский не начал подозрительно поглядывать на меня. Я зашел внутрь и взял чашку кофе. К счастью, столик, за которым мы сидели в прошлый раз, оказался свободным...

Алиса сразу заметила меня и помахала рукой, но, прежде чем подойти, задержалась у стойки и тоже взяла кофе. Она улыбнулась, и я сразу сообразил, что причина этого — знакомый столик. Романтическое совпадение.

— Конечно, уже поздно. — начал извиняться я, — но, клянусь, мне очень нужно поговорить с тобой. Я чуть не рехнулся...

Прихлебывая кофе, она молча выслушала мой рассказ о том, как я уличил Джимпи, о моих собственных чувствах и противоречивых советах, что я получил, а потом задумчиво сказала:

— Чарли, ты поражаешь меня. Ты так вырос в последнее время, а нерешителен как дитя. Я не могу решать за тебя. Если не хочешь остаться ребенком навеки, нельзя ждать подсказок от других. Ты должен найти решение в себе самом — почувствовать, что будет правильно. Научись доверять себе.

Мое раздражение достигло крайней точки и вдруг до меня дошло, что она имеет в виду.

— Так что же, по-твоему, я сам должен...

Она кивнула.

— Кое-что я уже понял. Кажется мне, что Штраус и Немур оба не правы.

Она внимательно смотрела на меня.

— С тобой что-то происходит, Чарли. Какое у тебя сейчас лицо!

— Ты права! Происходит! Передо мной висела дымовая завеса, а ты разок дунула — и ее не стало. Простейшая идея. Доверяй себе. Раньше мне ничего подобного и в голову прийти не могло.

— Чарли, ты просто молодец!

Я поймал ее руку и крепко вцепился в нее.

— Это ты. Ты коснулась моих глаз и подарила мне свет.

Алиса залилась краской и высвободила руку.

— В прошлый раз я сказал, что ты нравишься мне. Нужно было быть решительнее и сказать, что я люблю тебя.

— Не надо, Чарли. Подожди.

— Ждать!?! Тогда ты сказала то же самое. Чего ждать?

— Ш-ш-ш... И все-таки подожди. Заканчивай учебу и посмотри, куда она тебя приведет. Ты меняешься слишком быстро.

— Ну и что? Мои чувства к тебе никогда не изменятся. Если я и поумнею, то полюблю тебя еще больше

— Не в том дело... Случилось так, что я — первая женщина на твоём пути. Именно как женщина. Я была твоим учителем, то есть человеком, к которому обращаются за помощью и советом, и было бы странно, если бы ты не влюбился в меня. Посмотри на других женщин. Дай себе время.

— Ты хочешь сказать, что дети обязательно влюбляются в своих учителей, а эмоционально я ещё ребенок?

— Не играй словами. Для меня ты совсем не ребенок.

— Эмоционально отсталый взрослый?

— Нет!

— Так что же я такое?

— Не дави на меня, Чарли. Я не знаю. Через несколько месяцев, а может и недель ты станешь другим человеком. Может случиться, что тогда мы уже не сможем общаться на интеллектуальном уровне, а когда ты повзрослеешь эмоционально, просто не захочешь видеть меня. Чарли, мне нужно подумать и о себе. Поживем — увидим. Запасемся терпением.

Конечно, в её словах был определенный смысл, но я просто не мог позволить себе вникнуть в него.

— Прoshлый раз... — выдавил я. — Ты представить себе не можешь, как я ждал этого... Я чуть не сошел с ума, пытаюсь понять, как себя вести и что говорить, как произвести впечатление. Меня ужасала мысль, что я могу чем-нибудь рассердить тебя.

— Я совсем не сердилась. Наоборот.

— Когда я увижу тебя снова?

— У меня нет права привязывать тебя к себе.

— Разве ты не видишь, что я уже привязан?! — закричал я, но, заметив, что из-за соседних столиков на нас смотрят, понизил задрожавший от гнева голос. — Я — личность, человек, мужчина, я не могу ограничивать себя книгами, кассетами и электронными лабиринтами. Вот ты сказала: «Посмотри на других женщин». А как, если я не знаю никаких других женщин? Все вокруг кричит о тебе. Я смотрю на страницу в книге и вижу на ней твоё лицо — не размытое пятно из далекого прошлого, а настоящее, живое лицо. Я прикасаюсь к нему, и оно исчезает... Тогда мне хочется разорвать книгу в клочья и вышвырнуть в окно!

— Чарли, прошу тебя...

— Когда я увижу тебя снова?

— Завтра, в лаборатории.

— Ты же знаешь, что я не это имею в виду. К черту лабораторию. К черту университет. Наедине.

Я чувствовал, что ей хочется согласиться — моя настойчивость явно оказалась для нее сюрпризом. Я и сам был весьма удивлен, но знал, что не оставлю Алису в покое, пока не добьюсь своего. От страха у меня перехватило горло, ладони вспотели. Чего я больше боялся? Ее «да» или ее «нет»? Если бы она не ответила еще минуту, со мной случился бы обморок от напряжения.

— Хорошо, Чарли. Пусть не в лаборатории, но и не с глазу на глаз. Нам пока не следует оставаться наедине.

— Где угодно. — выдохнул я. — Мне хочется быть с тобой и не думать про тесты, статистику, вопросы, ответы...

Алиса на секунду задумалась.

— В Центральном парке дают бесплатные весенние концерты. На будущей неделе можешь пригласить меня туда.

Когда мы подошли к ее дому, она повернулась и быстро поцеловала меня.

— Спокойной ночи, Чарли. Я рада, что ты позвонил мне. Увидимся завтра, в лаборатории.

Она исчезла за дверью, а я стоял и смотрел на свет в ее окне, пока он не погас.

Никаких вопросов. Все ясно. Я ее люблю.

11 мая

Поразмышляв и помучавшись, я понял, что Алиса права — нужно больше доверять собственной интуиции. Сегодня я внимательно наблюдал за Джимпи и трижды заметил, как он кладет в карман часть выручки. Причем проделывал он это только с постоянными, проверенными клиентами, и мне пришло в голову, что их вина ничуть не меньше — без их согласия Джимпи не удалось бы воровать так легко. Но почему именно он должен стать козлом отпущения? Эта мысль и заставила меня пойти на компромисс с самим собой. Наверно, решение не было идеальным, но оно было моим собственным и при сложившихся обстоятельствах показалось мне наилучшим. Я предупрежу Джимпи, дам ему понять, что знаю все.

Я застал его в душевой. Увидев меня, он вздрогнул и отпрянул назад. Не мешкая, я приступил к делу.

— Мне нужно посоветоваться с тобой. У одного моего друга возникли трудности — он случайно узнал, что один из его знакомых обкрадывает своего хозяина, и не знает, что ему делать. Ему не хочется доносить и портить тому парню жизнь, но мой друг очень любит хозяина и не может молча смотреть на это безобразие.

Джимпи уставился на меня.

— Ну и что же этот твой друг собирается делать?

— Вот это как раз самое трудное... Ему ужасно не хочется ничего делать. Сам посуди, если воровство прекратится, то какой смысл болтать о нем? Он просто забудет об этом, как будто ничего не случилось.

— Твой друг слишком любит совать нос в чужие дела, — проворчал Джимпи, отстегивая деревянную ногу. — На такие вещи нужно закрывать глаза. Неужели он не знает, кто его настоящие друзья? Босс — это босс, а рабочие должны держаться вместе.

— Моему другу так не кажется.

— Это не его дело.

— Если он промолчит, часть вины ляжет и на него. А вот если обман прекратится сам собой, тогда и говорить будет не о чем. В противном случае он расскажет хозяину все. Как ты считаешь, согласится вор с такими условиями?

Я видел, что Джимпи стоит огромных трудов сдерживать себя. Ему ужасно хотелось врезать мне как следует, но он только бессильно сжимал кулаки.

— Скажи своему другу, что у того парня просто нет другого выхода.

— Вот и отлично. Мой друг очень обрадуется.

Джимпи отвернулся, помолчал, потом нерешительно посмотрел на меня.

— Этот друг... Он не захочет войти в долю?

— Нет. Его единственное желание — чтобы все это поскорее кончилось.

Глаза Джимпи злобно вспыхнули.

— Ты еще пожалеешь, что впутался в это дело. А я-то всегда стоял за тебя... Пора мне навестить психиатра... — И он упрыгал прочь.

Может быть, и стоило рассказать об этом Доннеру. Скорее всего, Джимпи пришлось бы расстаться с пекарней. Не знаю... Я свое дело сделал. Но сколько таких Джимпи процветают еще на белом свете!

15 мая

Учеба продвигается успешно. Университетская библиотека стала мне вторым домом. Для меня выделили отдельный кабинет. За секунду я успеваю прочесть целую страницу, и когда я пролистываю книги, вокруг обязательно собирается толпа любопытных студентов.

Сейчас меня больше всего интересуют этимология древних языков, новейшие работы по вариационному исчислению и история Индии. Просто удивительно — между несопоставимыми на первый взгляд понятиями существуют, оказывается, глубокие связи. Я вышел на следующий уровень, и потоки из разных областей знания сблизилась, словно текут из одного источника.

Споры студентов о религии и политике кажутся мне теперь детским лепетом. Я больше не получаю удовольствия от обмена идеями на таком примитивном уровне. Люди почему-то обижаются, если сказать, что они не понимают, например, всей сложности какой-либо либо проблемы, не могут постичь всей ее глубины. Жизнь наверху тоже не слишком сладка.

Барт познакомил меня в кафетерии с одним профессором экономики, известным своими работами по влиянию экономических факторов на банковские учетные ставки. Мне давно хотелось обсудить кое-что с серьезным экономистом. Например, меня весьма интересует нравственная сторона применения экономической блокады как оружия в мирное время. Я спросил, что он думает о предложении некоторых сенаторов перейти к политике эмбарго и военно-морской блокады отдельных малых стран по примеру первой и второй мировых войн.

Он молча выслушал меня, глядя в пространство. Мне показалось, что он обдумывает ответ, но через несколько минут он прочистил горло и отрицательно покачал головой. Такие вопросы, пояснил он, лежат вне его компетенции. Его интересуют учетные ставки, а не военная экономика. Мне следует побеседовать с доктором Весси, опубликовавшим однажды статью о мировых экономических связях в период второй мировой войны. Не успел я и рта раскрыть, как он схватил мою руку и с жаром потряс ее. Он был счастлив

познакомиться со мной, но ему некогда — нужно успеть подготовиться к лекции. Только я его и видел.

То же самое случилось, когда я попробовал поговорить о Чосере со специалистом по американской литературе, расспросить востоковеда об острове Тробриан и обсудить с психологом, экспертом по делам молодежи, связь автоматизации производства с безработицей. Все они просто-напросто боялись обнаружить узость своих знаний и всегда находили способ улизнуть от меня.

Окружающие кажутся мне теперь совсем другими. Каким же глупцом надо было быть, чтобы всех профессоров чохом причислять к гигантам мысли! Мало того, что все они лишь самые обычные люди, они еще и одержимы страхом, что остальной мир поймет это.

Алиса — тоже человек, а не богиня. Завтра вечером я веду ее на концерт.

17 мая

Почти утро, а я не могу уснуть... Пытаюсь разобраться в том, что произошло вчера.

Вечер начался довольно удачно. Когда мы пришли, вся лужайка оказалась занятой, и нам с Алисой пришлось пробираться среди растянувшихся на траве парочек, пока мы не отыскали свободное место под деревом. О человеческом присутствии вокруг свидетельствовали лишь протестующий женский смех и редкие огоньки сигарет.

— Останемся здесь, — решила Алиса. — Совсе необязательно сидеть посреди оркестра.

— Что они играют? — спросил я.

— «Море» Дебюсси. Нравится?

— Я еще плохо разбираюсь в такой музыке. Нужно поразмыслить о ней.

— Не надо, — прошептала она, — старайся почувствовать ее, пусть она захлестнет тебя.

Она легла на траву и повернула голову туда, откуда доносилась музыка. Не знаю, чего она ждала от меня. Как далеко все это было от чистых линий науки и процесса систематического накопления знаний! Я твердил себе, что вспотевшие ладони, тяжесть в груди, желание обнять ее — всего лишь биохимические реакции. Я даже проследил

всю цепь раздражитель — реакция, чтобы понять, что привело меня в столь нервное состояние. Однако дальнейшие действия представлялись мне расплывчатыми и неопределенными. Обнять ее или нет? Желает она этого или нет? Рассердится она или нет? Я сознавал, что веду себя как мальчишка, и это раздражало меня.

— Вот... — выдавил я из себя. — Устраивайся поудобнее. Положи голову мне на плечо. — Она позволила обнять себя, но даже не взглянула в мою сторону. Казалось, она настолько захвачена музыкой, что перестала воспринимать окружающее. Так хочется ей этого или она просто терпит меня? Я положил руку ей на талию. Алиса вздрогнула, но не оторвала глаз от оркестра. Она притворялась, что занята только музыкой. Это освобождало ее от решения вопроса: отвечать мне или не стоит? Слушая музыку, она могла делать вид, будто не замечает моей близости: пожалуйста пользуйся моим телом, только душу не трогай. Довольно грубо я взял ее за подбородок и повернул лицом к себе.

— Почему ты не смотришь на меня? Притворяешься, что я не существую?

— Нет, Чарли, — прошептала она, — я притворяюсь что не существует меня...

Я притянул ее к себе. Она вздрогнула и напряглась. Тут это и случилось — в ушах зашумело... электрическая пила... далеко-далеко... Потом холод: по рукам и ногам побежали мурашки... онемели пальцы... Вдруг я почувствовал на себе чей-то взгляд.

...Резкое переключение восприятия. Из какой-то точки в темноте, совсем рядом, я увидел нас самих в объятиях друг друга.

Я посмотрел по сторонам и заметил юнца лет пятнадцати, притаившегося за деревом.

— В чем дело? — выдохнула Алиса. — В чем дело? — повторила она.

Я вскочил, и он исчез в темноте.

— Ты видела?

— Нет, — ответила она, разглаживая юбку нервными движениями. — Я никого не заметила.

— Он стоял вот здесь. Подсматривал. Совсем близко.

— Чарли, куда ты?

— Он не мог убежать далеко.

— Успокойся, Чарли. Это ничего не значит.

Для нее, может, и не значит...

Спотыкаясь о чьи-то ноги, я бросился в темноту, но, конечно, никого не нашел.

Чем больше я думал о нем, тем сильнее становилось тошнотворное ощущение, за которым обычно следует обморок. Я постарался взять себя в руки и вернулся к Алисе.

— Догнал?

— Нет, но он был здесь. Я видел его!

Она как-то странно посмотрела на меня:

— Тебе плохо?

— Какое-то жужжание в голове... Скоро пройдет.

— Пойдем отсюда.

Пока мы добирались до ее дома, у меня не выходил из головы этот парень и то, что на секунду я увидел нас его глазами.

— Хочешь зайти ко мне? Я сварю кофе.

Конечно, я хотел, но что-то удержало меня.

— Лучше не надо. Мне нужно еще кое над чем поработать.

— Чарли, неужели я сказала или сделала что-нибудь не так?

— Не в этом дело. Тот парень... Он совсем выбил меня из колеи.

Алиса стояла вплотную ко мне и ждала поцелуя. Я обнял ее, но тут же все началось снова. Если я не убегу сию же минуту, то хлопнусь в обморок прямо на ступеньках.

— Чарли, ты совсем больной.

— Ты видела его, Алиса? Только не обманывай меня.

Она покачала головой.

— Нет. Было слишком темно. Но я уверена...

— Мне пора идти. Я позвоню тебе. — И не дав ей прийти в себя, я выскочил из подъезда.

Я почти уверен, что все случившееся было не чем иным, как галлюцинацией. Доктор Штраус полагает, что эмоционально я еще не вышел из того возраста, когда близость к женщине или мысли о сексе вызывают не только волнение и панику, но даже галлюцинации. Необычайно быстрое умственное развитие обмануло меня, заставило поверить, что я могу жить нормальной эмоциональной жизнью. Нельзя не признать, что последние события достаточно ясно показали мою

неподготовленность к полноценному общению с женщиной типа Алисы Кинниан.

20 мая

Меня выгнали из пекарни. Понимаю, что глупо цепляться за прошлое, но что-то родное было в ее стенах из белого кирпича, обожженных жаром печей... Она была мне домом.

За что они так ненавидят меня?

Мне не в чем винить Доннера. Он должен думать о своем предприятии, о других рабочих. И все же... Он был мне больше чем отцом.

Он вызвал меня к себе в кабинет, усадил в единственное кресло, стоявшее рядом с его древним столом, и, глядя в сторону, сказал:

— Мне нужно поговорить с тобой, Чарли. Ни к чему откладывать... Твой дядя Герман был моим лучшим другом, и я обещал ему, что как бы ни шли мои дела, у тебя всегда будет работа, доллар в кармане и крыша над головой...

— Это мой дом и...

— ...и я относился к тебе, как к собственному сыну, отдавшему жизнь за эту страну. А когда Герман умер — сколько тебе было? семнадцать? — я поклялся... Я сказал себе: Артур Доннер, пока ты владеешь этой пекарней, ты не бросишь Чарли на произвол судьбы. У него будет постель и кусок хлеба. Когда тебя хотели забрать в Уоррен, я объяснил, что ты будешь работать у меня и я сам присмотрю за тобой. Ты не провел в Уоррене ни дня. Я дал тебе комнату... Как, по-твоему, сдержал я свое слово?

Я кивнул, но по тому, как он теребил в руках какие-то бумажки, было видно, насколько тяжело ему говорить мне все это.

— Я старался... Я никогда не работал плохо...

— Знаю, Чарли. Но сейчас я говорю не о работе. Что-то произошло с тобой, и я не понимаю, что именно. И не только я... Все говорят только о тебе. Им страшно, Чарли... Я вынужден просить тебя уйти.

Я хотел перебить его, но он покачал головой.

— Вчера вечером ко мне пришла целая делегация... Чарли, пойми, я не могу допустить, чтобы моя пекарня прогорела!

Он смотрел на свои руки, на скомканный листок бумаги в них, словно надеясь найти там то, чего раньше не было.

— Прости меня, Чарли.

— Куда же мне идти?

Он посмотрел на меня, в первый раз за время разговора.

— Ты прекрасно знаешь, что *эта* работа тебе больше не нужна.

— Мистер Доннер, я не знаю никакой другой.

— Давай рассмотрим этот вопрос. Ты уже не тот Чарли, каким был семнадцать лет назад, и даже четыре месяца назад. Ты не объяснил мне, что случилось с тобой. Согласен, это твое дело. Может быть, случилось чудо. Ты стал блестящим молодым человеком, а работать на миксере и разносить заказы неподходящее занятие для блестящего молодого человека.

Несомненно, он был прав, но что-то во мне упорно сопротивлялось его решению.

— Позвольте мне остаться, мистер Доннер. Вы же обещали дяде Герману, что у меня будет работа. Она все еще нужна мне, мистер Доннер.

— Нет, Чарли, не нужна. Если бы это было так, я послал бы всех их к черту и стоял бы за тебя. Но они боятся тебя до полусмерти! Я не могу забывать и о своей семье.

— А если они передумают? Я поговорю с ними. — Разговор зашел совсем не туда, куда хотелось мистеру Доннеру, но я уже не мог остановиться. — Они поймут, — умолял я.

— Ну, ладно, — вздохнул он наконец. — Попробуй, но предупреждаю: ты услышишь мало приятного.

Когда я вышел из кабинета, Фрэнк Рэйли и Джо Карп как раз проходили мимо, и я сразу понял, что Доннер не преувеличивал. Видеть меня было для них слишком большим испытанием.

Фрэнк взял поднос с булочками, я когда я окликнул его, оба обернулись.

— Видишь, Чарли, я занят. Потом.

— Нет, сейчас. Вы избегаете меня. Почему?

Фрэнк, болтун, бабник и жулик, внимательно посмотрел на меня и поставил поднос на стол.

— Почему? Я скажу тебе, почему. Потому что ты стал большой шишкой, всезнайкой, умником! Ты теперь вундеркинд, яйцеголовый. Всегда с книжкой, и знаешь ответы на все вопросы. Ну и что? Думаешь, ты лучше нас? О'кей, проваливай.

— Что я тебе сделал?

— Что ты сделал? Слышишь, Джо? Я скажу тебе, что ты сделал, мистер Гордон. Ты выпендривался со своими предложениями, и теперь мы, все остальные, выглядим бездельниками. Но я скажу тебе еще кое-что. Для меня ты все тот же кретин, каким был всю жизнь. Может, я и не понимаю всяких мудреных слов и названий твоих книг, но это не значит, что я хуже тебя.

— Ага, — кивнул Джо, поворачиваясь, чтобы подчеркнуть этот вывод для появившегося откуда ни возьмись Джимпи.

— Я не прошу вас быть моими друзьями, — сказал я. — Не имейте со мной никаких дел. Только оставьте мне работу. Мистер Доннер сказал, что это зависит от вас.

Джимпи пронзил меня взглядом, с отвращением сплюнул и злобно прошипел:

— Однако крепкие же у тебя нервы! Убирайся к черту! — Он повернулся и тяжело захромал прочь.

Вот так. Все было прекрасно, пока они могли смеяться надо мной и чувствовать себя умниками за мой счет, но теперь они оказались ниже кретина, над которым вдоволь поиздевались в свое время. Удивительным ростом своих способностей я заставил их «я» сильно уменьшиться в размерах и вытащил на свет божий все их недостатки. Я предал их, и за это они возненавидели меня.

Фанни Бирден оказалась единственной, кто не желал моего увольнения, и, несмотря на сильное давление, так и не подписалась под их требованием.

— Но это совсем не означает, — сказала она мне, — что я не замечаю, как сильно ты изменился, Чарли. Ты стал совсем другим! Не знаю, не знаю... Ты был простым, хорошим, надежным человеком, не слишком головастым, зато честным. Что ты сделал с собой, чтобы вот так, сразу, поумнеть? Это неправильно.

— Что может быть плохого в том, что человек хочет стать разумнее, получить знания, понять мир и самого себя?

— Почитай повнимательнее Библию и поймешь, что человек не должен превосходить назначенного ему Господом. Чарли, если ты не сделал ничего такого с дьяволом, например, или еще чего... то, может, еще не поздно отказаться от всего этого? Оставайся таким, каким был раньше.

— Нет, Фанни, все пути уже отрезаны. Я не сделал ничего плохого. Я похож на слепого от рождения, которому позволили увидеть свет. Это не может быть грехом! Таких, как я, скоро будут миллионы. Такое чудо подвластно науке.

Она посмотрела на жениха и невесту, украшавших свадебный пирог, и едва шевеля губами, прошептала:

— Когда Адам и Ева отведали плод с древа познания, то увидели, что они наги, узнали похоть и стыд. Это был грех. После этого врата рая навсегда закрылись для них. Если бы они не поддались уговорам змея, нам не пришлось бы стареть, страдать и умирать.

Больше мне нечего было сказать ни ей, ни другим. Никто не смотрел мне в глаза. Раньше меня презирали за невежество и тупость, теперь ненавидят за ум и знания. Господи, да чего же им нужно от меня?

Разум вбил клин между мной и всеми, кого я знал и любил, выгнал меня из дома. Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким. Интересно, что случится, если Элджернона посадить в клетку с другими мышами? Возненавидят ли они его?

25 мая

Я открыл, как человек может начать презирать самого себя. Это происходит, когда он сознает, что поступает неправильно, но не может остановиться. Ноги сами привели меня к Алисе. Она удивилась, но впустила меня.

— Ты совсем промок. Даже с носа капает.

— Дождь. Хорошо для цветов.

— Заходи. Сейчас принесу полотенце, а то схватишь воспаление легких.

— Мне больше некуда идти. Можно побыть у тебя?

— Кофе закипает... Вытрись, а потом поговорим.

Пока она ходила на кухню, я огляделся. Что-то сразу же обеспокоило меня. Кругом чистота. Фарфоровые статуэтки на подоконнике стояли строго в ряд и все смотрели в одну сторону. Подушки аккуратно разложены на софе. Журналы поровну распределены по двум столикам так, чтобы видны были их названия: на одном «Репортер», «Сатердей ревью», «Нью-Йоркер», на другом — «Мадемуазель», «Хаус бьютифул» и «Ридерс дайджест».

На дальней от софы стене висела репродукция Пикассо «Мать и дитя», а напротив нее — изображение бравого придворного эпохи Возрождения, в маске и с мечом в руке, обороняющего от неведомой опасности перепуганную розовощекую деву... Словно Алиса никак не могла решить, кто она и в каком мире предпочитает жить.

— Что-то тебя давно не видно в лаборатории, — окликнула Алиса меня из кухни. — Профессор волнуется.

— Мне стыдно смотреть в глаза людям. Вроде бы стыдиться и нечего, но я уже несколько дней не работаю, и от этого внутри какая-то пустота — мне не хватает пекарни, печей, друзей... Две ночи подряд мне снилось, что я тону.

Она поставила поднос точно на середину кофейного столика — салфетки свернуты треугольничками, пирожные разложены идеальным кругом.

— Не принимай этого так близко к сердцу, Чарли. Ведь не ты же виноват, что так получилось.

— Пробовал, не помогает. Все эти люди... они были моей семьей. Меня будто вышвырнули из родного дома.

— А тебе не кажется, что это — символическое повторение детских впечатлений? Родители тоже отвергли тебя... отдали...

— Боже мой! Ну зачем вешать на все чистые аккуратные ярлычки? До этого проклятого эксперимента я считал их друзьями! А сейчас мне страшно...

— У тебя есть друзья.

— Это не одно и то же.

— Страх — совершенно естественная реакция.

— Не совсем. Страшно мне бывало и раньше. Я боялся послушаться Нормы, боялся переходить Хауэлл-стрит — там была одна компания, которая буквально терроризировала меня. Я боялся учительницу, миссис Либби, — она связывала мне руки, чтобы я не играл предметами на парте. Но все это было реально — я знал причину страха, знал, чего именно я боюсь. Теперь все по-другому...

— Возьми себя в руки.

— Ты не сможешь понять меня.

— Чарли, рано или поздно, но это должно было случиться. Ты словно прыгаешь первый раз с вышки, и мысль о том, что спасительная доска вот-вот уйдет из-под ног, ужасает тебя. Мистер

Доннер *хорошо* относился к тебе, и все эти годы у тебя *была* крыша над головой. Просто удар оказался для тебя слишком сильным.

— Я все прекрасно понимаю, но от этого не легче. У меня нет больше сил сидеть одному в своей комнате. Я бесцельно брожу по улицам, пока не заблужусь... и обнаруживаю, что вернулся к пекарне. А вчера вечером я прошагал от Вашингтон-сквер до Центрального парка и уснул там. Какого черта мне нужно? Чего я ищу?

Чем больше я говорил, тем грустнее становилась Алиса.

— Чарли, а я... могу я тебе чем-нибудь помочь?

— Не знаю... Я как зверь, которого выпустили из чудесной безопасной клетки.

Она села рядом со мной.

— Тебя толкают вперед слишком ревностно. Ты не знаешь, как жить дальше. Хочешь стать взрослым, а внутри остаешься маленьким мальчиком. Ты один, и тебе страшно.

Алиса положила мою голову себе на плечо, и в эту секунду я понял, что нужен ей. Как и она мне.

— Чарли, — прошептала она, — о чем бы ты не думал... не бойся меня.

...Однажды, разнося заказы, Чарли едва не хлопнулся в обморок, когда женщина средних лет, только что из ванной, решила развлечься тем, что распахнула перед ним халат. Ты видел раньше голую женщину? Знаешь, что нужно делать? Чарли так смешался и так жалобно застонал, что она перепугалась, туго запахнула халат, дала ему четвертак и приказала забыть все, что он видел.

— Я только проверяла тебя... чтобы посмотреть, хороший ли ты мальчик.

— Я стараюсь быть хорошим мальчиком, — ответил ей Чарли, — и никогда не смотрю на женщин, потому что мама всегда била меня за это...

Вот мать Чарли, зашедшая в крике, с ремнем в руке, и отец, пытающийся удержать ее.

— Хватит, Роза! Ты убьешь его! Уйди! — Мать рвется из его рук, чтобы еще раз ударить извивающегося на полу сына.

— Ты только посмотри на него! — кричит Роза. — Он не может научиться читать и писать, но умеет подглядывать за девочками! Я

выбью из него эту грязь!

— Он не виноват, что у него эрекция. Это нормально. Он же ничего не сделал.

— Ему даже думать нельзя о девочках! К сестре приходит подруга, а ему лезут в голову грязные мысли! Я проучу его на всю жизнь! Слышишь? Только прикоснись к какой-нибудь девочке, и я засажу тебя в клетку, как животное, навсегда! Ты слышишь меня?..

Да, я слышу тебя, мамочка. А может быть, я уже свободен? Может, страх и тошнота уже не море, в котором тонут, а всего лишь лужа, криво отражающая прошлое? Я свободен?

Наверно, я не поддался бы панике, если бы смог прикоснуться к Алисе чуть пораньше, прежде чем прошлое поглотило меня... прежде чем я *вспомнил* ... Я успел сказать:

— Ты сама... сама... Обними меня!..

Прежде чем я осознал, что происходит, Алиса уже целовала и прижимала меня к себе так крепко, как никто раньше. Но в это самое мгновение, единственное в моей жизни, все началось снова — шум в ушах, холод, тошнота. Я отвернулся.

Алиса стала успокаивать меня, говорить, что это не имеет значения, что мне не в чем винить себя. От стыда я заплакал. Так, плача, я и уснул в ее объятиях, а приснились мне бравый рыцарь и розовощекая дева. Только во сне не он, а она держала в руке поднятый меч.

Отчет № 12

5 июня

Немур сердится — вот уже две недели он не видел моих отчетов. В какой-то степени он прав, потому что фонд Уэлберга начал платить мне жалованье и его нужно отрабатывать. Это избавляет меня от поисков работы. До Международного симпозиума психологов в Чикаго осталась всего неделя, и, естественно, Немуру хочется, чтобы доклад прозвучал как можно внушительнее. Мы с Эджерноном — самые яркие экспонаты.

Отношения наши с каждым днем становятся все напряженнее. Надоели его постоянные разговоры обо мне, как некоем лабораторном образце. Его послушать, так до эксперимента меня вообще не существовало.

Я сказал Штраусу, что слишком занят осмыслением мира и своего места в нем и мне не хватает терпения водить ручкой по бумаге. Ужасно непроизводительный процесс. Он посоветовал мне научиться печатать на машинке, и теперь — при скорости семьдесят пять слов в минуту — жить стало проще. Он же напомнил, что следует выражать свои мысли как можно доступнее, чтобы люди могли понимать меня. Язык, выразился он, иногда вместо дороги превращается в барьер. Ведь теперь я живу по другую сторону интеллектуального забора.

Мы встречаемся с Алисой, но никогда не говорим о том, что произошло между нами.

Трудно поверить, что меня выперли из пекарни всего две недели назад.

По ночным улицам за мной гоняются призраки. Когда я оказываюсь у пекарни, дверь ее закрыта и люди внутри никогда не оборачиваются, чтобы посмотреть на меня. Жених и невеста на свадебном пироге хохочут и показывают на меня пальцами, а купидоны размахивают своими стрелами. Я кричу. Я стучу в дверь, но никто не открывает. Я вижу Чарли, он смотрит на меня из окна. Или это просто отражение в стекле? Кто-то хватается за ноги и тащит

прочь от пекарни в тени черных аллей, они обволакивают меня, и я просыпаюсь.

Иногда окно пекарни открывается, я заглядываю внутрь и вижу другую обстановку и других людей.

Удивительно, как прогрессирует моя способность вспоминать. Я еще не могу пользоваться ею в полной мере, но в те минуты, когда я поглощен чтением или решением какой-нибудь проблемы, мысли приобретают необыкновенную ясность. Мне кажется, это нечто вроде подсознательного предупреждения, и теперь, вместо того чтобы ждать воспоминаний, я вызываю их сам. Скоро я научусь контролировать их полностью и смогу исследовать не только сумму случаев из моей прошлой жизни, но и скрытые возможности мозга.

Я вижу окно пекарни... Я протягиваю руку и касаюсь его... холодное стекло... оно становится теплее... обжигает пальцы. Стекло превращается в зеркало, и я вижу юного Чарли Гордона, лет четырнадцати или пятнадцати. Он смотрит на меня из окна своего дома и, что вдвойне странно, совершенно не похож на меня...

Он ждет, когда сестра вернется из школы. Вот она появляется из-за угла, и он с криком «Норма! Норма!» выскакивает на крыльцо.

Норма размахивает тетрадкой.

— У меня пятерка за контрольную по истории! Миссис Баффин сказала, что это лучшая работа в классе! Я знала все ответы!

Норма — миловидная девочка, со светло-каштановыми волосами, аккуратно заплетенными в косички и уложенными вокруг головы наподобие короны. Она поднимает глаза на старшего брата, и улыбка превращается в гримасу. Она осторожно обходит его и вбегает в дом. Радостно смеясь, Чарли бежит за ней.

Родители на кухне, и Чарли, которого распирает гордость за сестру, выпаливает, прежде чем она успевает раскрыть рот:

— У нее пятерка! У нее пятерка!

— Нет!!! — вопит Норма. — Не ты! Молчи! Это моя отметка, и я сама скажу про нее!

— Минуточку, юная леди! — Мэтт откладывает газету и резко говорит Норме: — Не смей так разговаривать с братом!

— Он не имеет права говорить за меня!

— Не в этом дело! — Матт сердито смотрит на нее поверх грозящего пальца. — Он хочет тебе только добра, нельзя так кричать на него.

Норма ищет поддержки у матери.

— Моя пятерка — одна на весь класс. Теперь у меня будет собака? Ты обещала. Ты сказала, как только я получу пятерку за контрольную. У меня пятерка. Коричневую собаку с белыми пятнами. Я назову ее Наполеоном, потому что на этот вопрос я ответила лучше всего. Он проиграл битву при Ватерлоо.

Роза кивает:

— Иди на веранду и поиграй с Чарли. Он целый час ждал тебя из школы.

— Не хочу играть с ним.

— Иди на веранду! — произносит Матт.

Норма глядит на отца, потом на Чарли.

— Не пойду. Мама сказала, что я могу не играть с ним, если не хочу.

— Мне кажется, юная леди, — Матт встает и идет к ней, — что ты должна извиниться перед братом.

— Никогда! — вопит Норма, прячась за стулом, на котором сидит мать. — Он совсем глупый! Он не умеет играть в Монополию, и в шашки... ни во что... он все путает. Никогда больше не буду играть с ним.

— Тогда иди в свою комнату!

— Мама, ты купишь мне собаку?

Матт с треском бьет кулаком по столу.

— Пока ты так ведешь себя, в этом доме не будет собаки!

— Но я обещала ей, что если она будет хорошо учиться...

— Коричневую с белыми пятнами! — добавляет Норма.

Матт показывает на прижавшегося к стене Чарли.

— Ты уже говорила своему сыну, что мы не можем завести собаку. Мол у нас нет места и некому о ней заботиться. Забыла? Он ведь тоже просил собаку. Почему ты молчишь?

— Я буду заботиться о своей собаке, — настаивает Норма. — Я буду кормить ее, купать, гулять с ней...

Чарли, который до этого играл большой красной пуговицей, привязанной к нитке, неожиданно произносит:

— Я помогу Норме заботиться о собаке! Я тоже буду кормить ее, расчесывать и не дам другим собакам кусать ее!

Прежде чем Мэтт или Роза успевают вставить слово, Норма в отчаянии кричит:

— Нет!!! Это будет моя собака! Только моя!

— Вот видишь? — говорит Мэтт.

Роза садится рядом с дочерью и примирительно гладит ее по голове.

— Нужно же делиться, дорогая. Чарли поможет тебе.

— Нет, только я! Это я получила пятерку, а не он! Он никогда не получал хороших отметок, так почему он будет помогать мне? А потом собака полюбит его и станет собакой Чарли, а не моей! Если так, то я вообще не хочу никакой собаки!

— Договорились, — произносит Мэтт, поднимает упавшую газету и усаживается на стул. — Собаки не будет.

Норма хватает тетрадку, которую она всего несколько минут назад с торжеством принесла домой, рвет ее и швыряет обрывки в лицо удивленного Чарли:

— Ненавижу! Ненавижу тебя!

— Норма, прекрати сейчас же! — Роза протягивает к ней руки, но та вырывается.

— И школу ненавижу! Ненавижу! Я брошу школу и стану таким же идиотом, как Чарли! Я забуду все, чему научилась, и мы с ним станем похожи друг на друга! — И с криком: — Я уже забываю, забываю... Я уже ничего не помню! — выбегает из комнаты.

Роза в ужасе бросается за ней. Мэтт молчит и смотрит в газету, лежащую у него на коленях. Чарли, напуганный всеми этими криками, вжимается в стену и тихо всхлипывает. Что он плохого сделал? По его ноге стекает что-то горячее, и он ждет неизбежной пощечины от матери, когда та вернется.

После этого случая Норма стала проводить все свое время или с подругами, или запершись одна в комнате. Дверь ее всегда была закрыта, и мне запрещалось входить без разрешения.

Помню, как однажды, играя с подругой, Норма сказала:

— Чарли мне не настоящий брат. Он просто мальчик, которого мы пожалели и взяли к себе жить. Это мне мама рассказала и разрешила

говорить всем, что он мне не брат!

Хорошо, если бы это воспоминание оказалось фотографией, чтобы я мог разорвать ее, а клочки в отместку швырнуть в физиономию Нормы. Мне хочется крикнуть ей: «Плевать мне на эту собаку! Она принадлежала бы только ей! Я никогда не допустил бы, чтобы она полюбила меня больше Нормы. Мне хотелось только, чтобы Норма играла со мной, как и раньше, и чтобы ей никогда не было плохо».

6 июня

Первая настоящая ссора с Алисой. Моя вина.

Мне захотелось увидеться с ней. В этом не было ничего необычного после пережитых воспоминаний или кошмаров один только ее вид успокаивает меня. Ошибкой было то, что я зашел за ней на работу.

После операции я еще не был в Центре обучения умственно отсталых взрослых, и возможность увидеть его снова показалась мне заманчивой. Он расположен на Двадцать третьей улице, восточнее Пятой авеню, в старом школьном здании, которое университет Бекмана вот уже пять лет арендует для экспериментального обучения — специальные классы для неполноценных.

Уроки кончались в восемь, но меня тянуло побывать в классе, где еще совсем недавно я с трудом учился разбирать буквы и отсчитывать сдачу с доллара.

Я поднялся по лестнице, подошел к знакомой двери и украдкой заглянул в маленькое окошко. Алиса была на своем месте за учительским столом, а рядом с ней сидела незнакомая мне женщина с изможденным лицом, на котором было написано нескрываемое удивление. Интересно, что именно втолковывала ей Алиса? У доски в инвалидном кресле сидел Майк Дорни, а первую парту украшал собой Лестер Браун, самый способный, по словам Алисы, ученик в классе. Над чем я корпел целыми днями, Лестер схватывал сразу, но появлялся он в школе, когда хотел, а иногда подрабатывал натиркой полов и пропадал неделями. Уверен, что если бы мы с Лестером относились к учебе одинаково, на операционный стол лег бы он, а не я. Многие из сидевших в классе были мне незнакомы.

Я набрался духу, открыл дверь и вошел.

— Да это же Чарли! — воскликнул Майк, разворачивая кресло.

Я помахал ему рукой.

Бернис, красивая блондинка с пустыми глазами, тупо посмотрела на меня и улыбнулась:

— Где тебя носило, Чарли? Какой у тебя шикарный костюм!

Еще несколько человек поздоровались со мной, и я помахал им в ответ рукой. Тут я заметил, что Алиса сердится.

— Уже почти восемь часов, — объявила она. — Пора собираться.

Дел было много — убрать мел, ластики, тетради, учебники, карандаши, краски и тому подобное. Каждый знал, что от него требуется, и работа закипела. Все засуетились, кроме Бернис, которая не сводила с меня глаз. Наконец она спросила:

— Почему Чарли не ходил в школу? Что с тобой стряслось, Чарли?

Все уставились на меня, а я на Алису — может, она ответит? Но она молчала. Что сказать и при этом никого не обидеть?

— Я... я просто так зашел...

Одна из девушек хихикнула — Франсина, о ней Алиса беспокоилась больше всех. К восемнадцати годам она ухитрилась родить троих, прежде чем ее родители настояли на гистерэктомии. Совсем не симпатичная — до Бернис ей было далеко, тем не менее она была легкой мишенью для десятков мужчин, покупавших ей какую-нибудь безделушку или билет в кино. Теперь она жила в общежитии, рекомендованном советом Уоррен-хауса, и вечерами ей разрешалось посещать школу. Но с тех пор, как ее дважды перехватывали по дороге, Франсина выходила на улицу только с провожатым.

— Наш Чарли стал большой шишкой, — хихикнула она.

— Хватит! — резко сказала Алиса. — Все свободны. Увидимся завтра в шесть.

Ученики вышли из класса. По тому, с какой яростью швыряла Алиса свои вещи в ящики стола, было видно, что она явно не в духе.

— Прости, — сказал я. — Сначала я ждал тебя внизу, а потом, думаю, дай-ка взгляну на свой класс, Альма-матер. Я хотел только посмотреть из-за двери и сам не понимаю, что толкнуло меня войти. Почему ты так рассердилась?

— Я совсем не рассердилась. Ни капли.

— Да что ты... Твоя обида непропорциональна случившемуся. Ты что-то скрываешь от меня.

— Ладно. Ты хочешь знать? Ты — другой. Ты изменился. Я говорю не о твоем коэффициенте интеллектуальности. Отношение к людям... ты просто другой человек...

— Ну, не надо так...

— Дай мне закончить! — Неприкрытая злоба в ее голосе заставила меня отшатнуться. — Да, да, именно так! Раньше в тебе было что-то... не знаю... тепло... доброта, ты всем нравился, и людям было хорошо с тобой. Теперь вместе с умом и знаниями в тебе появились другие черты, которые...

Я не вытерпел:

— А чего ты хотела? Неужели ты могла хоть на минуту представить, что я останусь ласковым щенком, который виляет хвостиком и лижет пнувший его ботинок? Конечно, я изменился, я начал узнавать себя. Я не обязан больше выслушивать ерунду, которую вбивали в меня всю жизнь.

— Многие люди относились к тебе достаточно хорошо.

— Интересно, откуда *ты* это знаешь? Послушай, даже лучшие из них жалели меня и этим возвышали себя в собственных глазах. Приходилось ли тебе замечать, что рядом с кретином кто угодно смотрится гением?

Сказав это, я тут же догадался, что Алиса поймет меня неправильно.

— Ты и меня причисляешь к этой категории?

— Не выворачивай мои слова наизнанку. Ты прекрасно знаешь...

— В некотором смысле ты прав. Рядом с тобой я выгляжу туповатой. После каждой нашей встречи у меня появляется чувство, что я — полная дура. Я вспоминаю свои слова, и вместо них в голову приходят замечательные, блестящие фразы, которые следовало бы произнести. Я просто убить себя готова!

— Так бывало с каждым.

— Понимаешь, мне хочется произвести на тебя *впечатление*. Совсем недавно я только посмеялась бы над такой мыслью, а сейчас потеряла всякую уверенность в себе. Прежде чем что-нибудь сказать или сделать, я ломаю голову — а стоит ли?

Я попробовал сменить тему разговора:

— Алиса, я пришел сюда вовсе не для того, чтобы спорить и пререкаться. Позволь проводить тебя. Мне обязательно нужно с кем-

нибудь поговорить.

— Мне тоже. Но в последнее время разговоры с тобой даются мне все труднее. Моя роль в них сводится к тому, чтобы слушать, согласно кивать и притворяться, будто я имею представление о культурных различиях, небулианской математике и постсимволической логике. У меня такое ощущение, что я глупею буквально на глазах, а когда ты уходишь, я подхожу к зеркалу и говорю себе: «Алиса, ты не теряешь разум! Ты не тупеешь! Ты не впадаешь в маразм! Это Чарли — он идет вперед так быстро, что тебе только кажется, будто ты катишься назад!..» Потом мы снова встречаемся, ты начинаешь что-нибудь нетерпеливо доказывать мне, и я уверена, что в душе ты смеешься надо мной. Тебе кажется, что мне неинтересно, что я просто ленива. Откуда тебе знать, как я казню себя, когда остаюсь одна? Ты не знаешь, над какими книгами я просиживаю ночами, на какие лекции хожу... но все равно, что бы я ни сказала, все кажется тебе детским лепетом. Я надеялась помочь тебе, порадоваться твоим успехам, а ты отгородился от меня.

Я слушал, и меня не оставляла мысль, что Алиса совершенно права. Я был слишком поглощен происходящим со мной и забыл о ней.

Но дороге домой она тихо плакала, а я молчал — мне нечего было сказать, и думал о том, как все повернулось на сто восемьдесят градусов. Она боится меня. Лед треснул, и полоса чистой воды между нами становится все шире. Поток разума уносит меня в открытое море. Общение со мной — пытка для Алисы. У нас не осталось ничего общего.

— У тебя серьезный вид, — сказала она, посмотрев наконец мне в глаза.

— Я задумался о нас с тобой.

— Не придавай моим словам слишком большого значения. Мне совсем не хотелось огорчать тебя, — она попробовала улыбнуться.

— Ты уже огорчила меня. Только я не знаю, что делать.

Когда мы подходили к дому Алисы, она вдруг сказала:

— Я не поеду с тобой на симпозиум. Сегодня утром я сказала об этом Немуру. Ты будешь занят — разговоры с важными людьми, всеобщее внимание... Я не хочу путаться под ногами...

— Алиса...

— ...и что бы ты сейчас ни сказал, я буду чувствовать, что мешаю тебе. Если не возражаешь, я побуду немного в обществе своего разбитого тщеславия, спасибо тебе.

— Ты преувеличиваешь. Я уверен, если ты только...

— Ты *знаешь*? Ты *уверен*? — Она повернулась и пристально посмотрела на меня со ступенек подъезда. — Подумать только, каким ты стал непогрешимым! Не слишком ли вольно ты обращаешься с желаниями других? Тебе не дано понять, как я чувствую, что я чувствую, и почему!

Она открыла дверь в свою квартиру и дрожащим голосом произнесла:

— Когда ты вернешься, я буду здесь. А пока мы далеко друг от друга, давай обдумаем все получше.

В первый раз за много недель она не пригласила меня зайти. Я стоял у закрытой квартиры и медленно закипал. Мне хотелось кричать, колотить в дверь, выломать ее, поджечь дом. Но потом, по дороге домой, я начал понемногу успокаиваться. И почувствовал свободу.

Теперь я понимаю, что одновременно с движением разума вперед мельчали мои чувства к Алисе — от преклонения — к любви, к признательности и, наконец, к простой благодарности. Я цеплялся за нее из боязни потерять последнюю нить, связывающую меня с прошлым.

С ощущением свободы пришла печаль. Я мечтал любить Алису, превозмочь эмоциональные и сексуальные страхи, завести детей, дом. Сейчас это уже невозможно. Я так же далек от Алисы со своим КИ 185, как и прежде с КИ 70. Разница в том, что теперь мы оба понимаем это.

8 июня

Что гонит меня из дома и заставляет в одиночестве бродить по городу? Это не легкая прогулка в летний вечер, а вечная спешка, чтобы попасть... куда? Я шагаю по бульварам, заглядываю в подворотни, в освещенные окна, ищу, с кем бы поговорить, и боюсь этого. По одной улице, по другой, сквозь бесконечный их лабиринт, всюду натываясь на слепящие неоновые прутья клетки, в которую превратился город.

Я ищу... что?

В Центральном парке я встретил женщину. Она сидела на скамейке у озера, и несмотря на жару, пальто ее было застегнуто на все пуговицы. Она улыбнулась и жестом пригласила меня сесть рядом. Мы смотрели на ярко освещенные громады зданий, выделяющиеся на фоне черного неба, и мне хотелось вобрать в себя все огни сразу.

Да, я из Нью-Йорка. Нет, я никогда не бывал в Ньюпорт-Ньюс, Вирджиния. Она оказалась оттуда родом, там она вышла замуж за моряка. Он сейчас в море, она не видела его два с половиной года. Она теребила в руках носовой платок, время от времени вытирая им со лба капельки пота. Даже в слабом, отраженном от поверхности озера свете было видно, сколько на ней косметики, но выглядела она привлекательно, если не считать припухшего лица, словно она только что проснулась. Ей хотелось поговорить о себе, а я был не прочь послушать.

Отец дал ей все, что богатый судовладелец мог дать единственной дочери — хороший дом, образование... все, кроме прощения. Он проклял ее, когда она завела роман с простым матросом.

Она взяла меня за руку и положила голову мне на плечо.

— В ту ночь, когда мы с Гарри поженились, — прошептала она, — я была пугливой девственницей. А он сошел с ума. Сначала избил меня, а потом изнасиловал безо всякой любви. Это был первый и последний раз, когда мы были вместе, больше я не позволяла ему прикасаться к себе.

Вероятно, по дрожанию моей руки она поняла, как я потрясен. Да, такие разговоры были для меня в новинку... Она вцепилась в меня еще сильнее, словно боясь, что я убегу прежде, чем она закончит рассказ. Казалось, это очень важно для нее, и я сидел тихо-тихо, как человек, кормящий с ладони птицу.

— Не то что я ненавижу мужчин, — успокоила она меня с подкупающим простодушием. — У меня были другие. Много, но он — ни разу. Обычно мужчины нежные, они сначала ласкают и целуют. — Она многозначительно посмотрела на меня.

Это было то, о чем я слышал, читал, мечтал. Я не знал, как ее зовут, а она не спросила моего имени. Она просто хотела побыть со мной наедине. Что подумала бы Алиса?

Я так неуклюже погладил ее плечо и так неумело поцеловал, что она с тревогой спросила:

— В чем дело? О чем ты думаешь?

— О тебе.

— У тебя есть место, куда можно пойти?

Осторожнее, осторожнее, Чарли... В какой именно момент земля развернется под ногами и свергнет тебя в пучину?

— Если нет, то в одном отеле на Пятьдесят третьей берут недорого. А если заплатить вперед, они не станут спрашивать, где багаж.

— У меня есть комната...

Она посмотрела на меня с новым уважением:

— Что ж, прекрасно.

Все еще ничего. Любопытно, как далеко могу я зайти, не впадая в панику? Когда начнутся неприятности? Когда мы окажемся одни в комнате? Когда я увижу ее тело?

Внезапно самым важным в жизни для меня стал вопрос, могу ли я быть похожим на других мужчин? Имею ли я право просить женщину разделить мою судьбу? Ума и знаний тут недостаточно... Вместе с чувством раскованности и свободы во мне росло убеждение, что на этот раз все получится как надо. Эта женщина — не Алиса. Она многое повидала.

Ее голос изменился, в нем появилась неуверенность:

— Пока мы не ушли... я хочу сказать... — Она встала, шагнула ко мне, расстегнула пальто, и я увидел, что очертания ее тела совсем не те, какими я представлял их, сидя рядом с ней на скамейке. — Только пятый месяц, — сказала она. — Но ведь это все равно, правда?

Стоя в раскрытом пальто, она почти точно наложила на картину женщины, распахнувшей для лучшего обозрения халат перед Чарли. А я ждал, как святотатец ждет удара молнии. Я отвернулся. *Этого* я ожидал меньше всего, хотя застегнутое в теплый летний вечер пальто должно было предупредить меня, что тут что-то неладно.

— Это не от мужа. Я не обманула тебя, мы не виделись с ним уже много лет. Восемь месяцев назад я встретила одного торгового агента и жила с ним. Его я больше не увижу, но ребенка хочу сохранить. Просто нам нужно быть поосторожнее, не толкаться и вообще... Тебе ни о чем не надо беспокоиться...

Она посмотрела мне в глаза, и то, что она в них увидела, заставило ее замолчать.

— Это непристойно! — крикнул я. — Как тебе не стыдно!

Она отступила и быстро запахла пальто, защищая то, что находилось внутри.

Этот жест... Опять двойной образ: мама, беременная сестрой, в те дни, когда она меньше прижимала меня к себе, меньше согревала, меньше защищала от тех, кто говорил, что я не совсем нормален.

Кажется, я схватил ее за плечо, я не уверен, но она закричала. Ее вопли быстро вернули меня к действительности. Мне захотелось сказать ей, что не надо бояться, я никогда никому не сделал ничего плохого.

Но она не умолкала, и я услышал, как по темной тропинке кто-то бежит к нам. Никто не сможет понять меня правильно. Я бросился в темноту, к выходу из парка, сначала по одной дорожке, потом по другой. Я не знал, куда бежать, внезапно врезался во что-то и отлетел назад. Проволочная сетка — тупик! Тут я разглядел какие-то качели и понял, что это детская площадка, закрытая на ночь. Спотыкаясь о корни, я побежал вдоль забора. У полукруглого озерца, окружавшего площадку, я повернул назад, нашел еще одну тропинку, миновал маленький мостик, потом другой. Выхода не было.

— Что случилось, леди?

— Маньяк?

— Что он с вами сделал?

— Куда он убежал?

Итак, я вернулся на старое место. Спрятавшись за огромный валун в кустах, я растянулся на земле.

— Зовите полицейского! Никогда их не бывает там, где надо!

— Что случилось?

— Какой-то дегенерат хотел изнасиловать ее.

— Там кто-то бежит! Вот он!

— Надо поймать его, пока он в парке!

— Осторожно! У него нож и пистолет!

Очевидно, шум заставил всех ночных пташек выползти из своих темных углов, потому что раздался еще один вопль «Вот он!» и, выглянув из своего укрытия, я увидел, как кто-то мчится по освещенной тропинке, а за ним гонятся. Секундой позже передо мной промелькнула еще одна тень, нырнувшая в темноту. Я представил, как толпа ловит меня, бьет, рвет на куски... Я заслужил это. Мне почти хотелось этого!

Я встал, стряхнул с себя прилипший мусор и не торопясь пошел по дорожке, ожидая, что в следующее мгновение меня схватят и швырнут на землю, в грязь. Но скоро впереди показали огни Пятьдесят девятой улицы и Пятой авеню, и я вышел из парка.

Обдумав случившееся в безопасности моей комнаты, я был потрясен его откровенной жестокостью. Воспоминания о том, как выглядела мама перед тем, как родила Норму, пугают меня. Но еще страшнее то, что мне хотелось быть пойманным и избитым. Тени прошлого цепляются за ноги и тянут меня вниз. Я открываю рот, чтобы закричать, но нет голоса. Руки дрожат, мне холодно. Шум в ушах.

Отчет № 13

10 июня

Мы в реактивном самолете. Скоро он взлетит и направится к Чикаго. Этот отчет обязан своим существованием Барту, которому пришло в голову, что я могу продиктовать его на магнитофон. В Чикаго его перепечатают. Немурю это понравилось. Он даже настаивает на том, чтобы я диктовал до последней возможности: такая запись только украсит его доклад.

Итак, я сижу в отдельной кабинке самолета, направляющегося в Чикаго, стараюсь научиться думать вслух и привыкаю к звуку собственного голоса. Надеюсь, машинистка не станет переносить на бумагу все эти «хм», «это самое» и «ах» и сделает отчет удобочитаемым. Мысль о том, что сотни людей будут слушать мои излияния, парализует меня.

Голова совсем пуста, но сейчас важнее чувства, а не мысли.

Идея полета в воздухе ужасна сама по себе. До терапии я не сознавал, что такое самолет, не мог связать виденное в кино и по телевизору с грохочущими серебристыми птицами, проносящимися над головой. Сейчас же меня мучает одно: а что, если мы разобьемся? От этого у меня мурашки по коже и мысли о том, что я не хочу умирать. Почему-то вспоминаются споры о Боге.

В последнее время я часто думал о смерти, но не о Боге. Мама иногда брала меня с собой в церковь, но я не видел никакой связи между церковью и богом. Она часто говорила о нем и заставляла меня молиться по вечерам, но все это мало меня трогало. Бог представлялся мне дальним родственником с длинной бородой, сидящим на троне (как Санта Клаус в универмаге, который сажает тебя к себе на колени и спрашивает, хороший ли ты мальчик и что тебе подарить). Мама, хоть и боялась его, все равно просила о милостях. Папа никогда не упоминал о нем, словно он был дядюшкой Розы, с которым он не желал иметь ничего общего.

— Скоро взлет, сэр. Позвольте помочь вам застегнуть ремни.

— Это обязательно? Я не хочу пристегиваться.

— Пока не наберем высоту, сэр.

— Я предпочел бы не делать этого. Знаете, я боюсь, когда меня привязывают. Мне станет плохо.

— Таковы правила, сэр. Я помогу вам.

— Не надо! Я сам...

— Не так... вот это надо сюда...

— Минутку... готово!

Любопытно. Ничего страшного. Ремень совсем не тугой. Чего я так испугался? Этого и того, как трясется самолет, отрываясь от земли. Степень волнения не соответствует серьезности ситуации... Что-то тут есть... что? Летим вверх в черные облака... Пристегните ремни... Ты привязан... напрягаешься... запах кожи... дрожь и рев в ушах.

Сквозь круглое окошко в облаках я вижу Чарли. Трудно сказать, сколько ему лет. Пять? Еще до Нормы...

— Ну что, готовы? — отец подходит к двери, громоздкий и тяжелый. У него усталый вид. — Я спрашиваю, готовы?

— Сейчас, — отвечает Роза. — Одеваю шляпку. Застегни ему рубашку и завяжи шнурки.

— Давай быстрее. Покончим с этим.

— Куда? — спрашивает Чарли. — Куда Чарли идет?

Отец хмурится. Матту Гордону всегда трудно было отвечать на вопросы сына. Поправляя вуаль на шляпке, из спальни выходит Роза. Она чем-то похожа на птицу, и ее порхающие над головой руки напоминают крылья.

— Мы пойдем к доктору, который поможет тебе стать умным.

Она смотрит на сына из-под вуали, словно из-за проволочного забора. Ему всегда страшно, когда родители наряжаются перед выходом — значит, им придется говорить с другими людьми и мама обязательно расстроится и рассердится. Ему хочется убежать, но некуда.

— Зачем ты говоришь ему это? — спрашивает Матт.

— Потому что это правда. Доктор Гуарино может вылечить его.

Матт шагает взад и вперед с видом человека, давно потерявшего надежду и верящего только в чудо.

— Откуда ты это взяла? Что ты знаешь о нем? Если бы можно было что-то сделать, врачи давно сказали бы нам.

— Не смей так говорить! — кричит она. — Он будет нормальным, сколько бы это ни стоило!

— Ум за деньги не купишь...

— Ведь это же Чарли, твой сын, твой единственный ребенок! — У Розы начинается истерика. — Я не хочу тебя слушать! Врачи просто ничего не понимают и поэтому твердят одно и то же. Доктор Гуарино все мне объяснил. Он сказал, что никто не поддерживает его метод, потому что тогда все узнают, что врачи не правы! С другими учеными тоже так было. И Пастера, и Дженнинга сначала тоже никто не признавал. Доктор Гуарино сказал, что врачи боятся прогресса.

Отбиваясь таким образом от Матта, Роза успокаивается и снова обретает уверенность в себе. Она отпускает Чарли, и тот, дрожа от страха, забивается в угол.

— Гляди, — говорит она, — ты опять напугал его!

— Я?

— Ты всегда заводишь при нем такие разговоры.

— Боже мой! Пойдем, пойдем скорее!

Всю дорогу к доктору они молчат. Тишина в автобусе, тишина, пока они идут три квартала до кабинета... Минут через пятнадцать доктор Гуарино выходит в приемную и здоровается с ними. Он толстый и лысый, и у него такой вид, будто он вот-вот выпрыгнет из своего белого халата. Чарли восхищен его густыми седыми бровями и шевелящимися седыми усами. Иногда сначала подергиваются усы, а потом поднимаются брови, но иногда первыми взлетают вверх брови, а усы дергаются вослед им.

Большая белая комната, куда Гуарино вводит их, пахнет свежей краской и почти пуста. Два стола у одной стены, у другой — огромная машина с рядами циферблатов и четырьмя длинными рычагами, как у бормашины. Рядом с ней черная кожаная кушетка с ремнями для пристегивания пациентов.

— Чудненько, чудненько, — рокошет Гуарино, поднимая брови. — Так вот ты какой, Чарли, — он крепко хватает мальчика за плечо. — Мы с тобой обязательно станем друзьями!

— Вы и в самом деле можете сделать что-нибудь для него? — спрашивает Матт. — У вас уже были похожие случаи? Знаете, мы не очень богаты.

Гуарино хмурится, брови стремительно падают вниз.

— Мистер Гордон, разве я обещал что-нибудь? Разве не нужно первым делом осмотреть мальчика? Может, я смогу что-то сделать, а может, и не смогу. Сначала нужны физические и умственные тесты, чтобы выяснить причины патологии. Потом у нас будет время поговорить о прогнозах. Скажу вам откровенно, в настоящее время я весьма занят и согласился заняться вашим ребенком только потому, что интересуюсь именно такими случаями задержки развития. Так что если у вас есть сомнения...

Он с печальным видом замолкает и отворачивается, но Роза локтем толкает Матта в бок.

— Мой муж просто неудачно выразился, доктор. Он часто говорит невпопад. — Взглядом она умоляет Матта извиниться.

Матт вздыхает.

— Если существует способ помочь Чарли, мы сделаем все, что от нас требуется. Но дела идут плохо. Я торгую парикмахерскими принадлежностями и буду рад...

— Хочу сразу предупредить вас вот о чем, — доктор Гуарино складывает губы трубочкой, словно принимая важное решение. — Начав курс лечения, мы не должны прерывать его. Улучшение может наступить внезапно, после долгих месяцев безрезультатных на первый взгляд усилий. Я не обещаю непрямого успеха, избави Боже. Ничего не гарантирую. Но вы должны слушаться меня во всем, иначе не стоит и начинать.

Он внимательно смотрит на родителей, давая им время осознать важность разговора. Его брови кажутся белыми абажурами, под которыми горят две яркие голубые лампочки.

— Прошу вас выйти. Я осмотрю мальчика.

Матту не хочется оставлять Чарли наедине с ним, но Гуарино неумолим.

— Так будет лучше, — говорит он, выталкивая их в приемную. — Психосубстанционные тесты дают наиболее достоверные результаты, когда я один на один с пациентом. Внешние раздражения вызывают массу побочных эффектов.

Роза торжествующе улыбается мужу, и Матт покорно выходит вслед за ней.

Доктор Гуарино гладит Чарли по голове. У него добрая улыбка.

— Все в порядке, мальчик. Ложись на кушетку.

Чарли не двигается с места. Тогда доктор осторожно поднимает его, кладет и пристегивает тяжелыми ремнями. Кушетка пахнет кожей и потом.

— Мама-а-а!

— Она за дверью. Не бойся, Чарли, тебе совсем не будет больно.

— Хочу маму! — Чарли смущен тем, что ему нельзя двигаться. Он не понимает происходящего, но уже встречался с врачами, которые не были так добры, выпроводив родителей из кабинета.

Гуарино пробует удержат его:

— Успокойся, мой хороший. Видишь эту большую машину? Знаешь, что я хочу сделать?

Чарли вспоминает слова матери:

— Сделать меня умным.

— Правильно. По крайней мере ты знаешь, зачем пришел сюда. Закрой глаза и лежи тихо, пока я включу ее. Она зашумит, как самолет, но тебе ни капельки не будет больно. И, может быть, она сделает тебя чуть-чуть умнее.

Гуарино щелкает переключателями, большая машина начинает гудеть, красные и голубые огни зажигаются и гаснут. Чарли в ужасе. Его трясет, он вырывается из стягивающих ремней. Он начинает кричать, но Гуарино быстро заталкивает ему в рот комок марли.

— Ну, ну, Чарли. Хватит. Ты же хороший мальчик. Тебе не будет больно.

Чарли снова пытается закричать, но изо рта доносится только сдавленный стон, от звука которого его начинает тошнить. Он чувствует, как по ногам расплзается сырость, а запах говорит, что мама снова отшлепает его и поставит в угол. Контролировать некоторые функции организма ему не под силу. При малейшем волнении он пачкает себя. Он задыхается... ему плохо... тошнит... кабинет проваливается в темноту...

Чарли не знает, сколько прошло времени, но когда он открывает глаза, марли во рту уже нет, ремни расстегнуты. Доктор Гуарино усиленно делает вид, что в кабинете ничем не пахнет.

— Ну что, было больно?

— Н-н-нет...

— Тогда почему ты так дрожишь? Машина всего лишь сделала тебя умнее. Как ты считаешь, стать умнее — это хорошо?

Забыв свои страхи, Чарли широко раскрытыми глазами смотрит на машину.

— А я стал умнее?

— Конечно! Встань сюда. Что ты чувствуешь?

— Мне мокро. Я наделал в штанишки.

— Да, хм, что же... В следующий раз ты так не сделаешь, правда? Ты уже узнал, что это не больно, и не будешь бояться. А теперь скажи маме, что ты стал умнее. Она два раза в неделю будет приводить тебя сюда, и мы займемся энцефалорекондиционированием. Ты будешь становиться все умнее, умнее и умнее.

Чарли улыбается.

— А я могу ходить спиной вперед!

— Правда? Давай-ка посмотрим, — тщательно изображая изумление, произносит Гуарино.

Медленно, с огромным старанием, Чарли делает несколько шагов назад и натывается на кушетку. Гуарино удовлетворенно кивает головой:

— Здорово! Но ты только подожди! Когда мы закончим курс, ты будешь самым умным мальчиком в своем квартале!

Чарли краснеет от удовольствия. Люди не часто улыбаются ему и говорят, что он молодец. Даже ужас перед машиной и ремнями куда-то уходит.

— Во всем квартале? — От этой мысли у него спирает грудь. — Умнее, чем Хайми?

Гуарино снова улыбается:

— Умнее, чем Хайми.

Чарли глядит на машину с новым интересом и уважением — она сделает его умнее Хайми, который живет через два дома от них, умеет читать и писать и уже принят в бойскауты.

— Это ваша машина?

— Пока нет. Она принадлежит банку, но скоро станет моей, и я смогу многих ребят сделать умными. — Он гладит Чарли по голове и продолжает: — Иметь с тобой дело куда приятнее, чем с теми нормальными детьми, которых матери приводят ко мне в надежде, что я превращу их в гениев. А ты, Чарли... оставайся самим собой — хорошим маленьким мальчиком.

Доктор открывает дверь и выводит Чарли к родителям.

— Вот он. Ничего страшного не случилось. Замечательный мальчишка. Мы с ним будем друзьями. А, Чарли?

Чарли согласно кивает. Он хочет понравиться доктору Гуарино, но вот он встречает взгляд матери и ужас возвращается.

— Чарли! Что ты натворил!

— Случайность, миссис Гордон. Не наказывайте его. Посещение врача не должно ассоциироваться с наказанием.

Но Роза Гордон сгорает от стыда.

— Отвратительно! Доктор, я просто не знаю, что делать. Он и дома забывает... при гостях... Мне так стыдно за него!

На лице матери написано неприкрытое презрение, и Чарли начинает бить дрожь. На мгновение ему посчастливилось забыть, какой он плохой и как заставляет страдать маму и папу. Он не знает почему, но ему страшно, когда мама говорит, что он заставляет их страдать, и когда она плачет и кричит на него, он отворачивается к стенке и тихо стонет.

— Не пугайте его, миссис Гордон, и успокойтесь. Приводите его ко мне по вторникам и четвергам в это же время.

— Так поможет ему это или нет? — спрашивает Матт. — Десять долларов очень...

— Матт!!! — Роза хватает его за рукав. — Ну как ты можешь! Твоя плоть и кровь! Может быть, доктор Гуарино с божьей помощью вылечит его, и он станет похож на других, а ты твердишь про деньги!

Матт Гордон хочет что-то сказать, передумывает и вытаскивает бумажник.

— Ну что вы... — вздыхает Гуарино, изображая смущение при виде денег. — Финансовые вопросы решает мой ассистент... Благодарю вас. — Он слегка кланяется Розе, пожимает руку Матту, хлопает Чарли по спине. — Прекрасный мальчик, прекрасный, — и, не переставая улыбаться, исчезает в кабинете.

Всю дорогу домой они спорят. Матт жалуется, что в парикмахерском деле застой, а сбережения их тают. Роза с жаром возражает, что нет ничего важнее благополучия их единственного сына.

Чарли испуганно хнычет. Ему больно от злобы в голосах родителей. Как только они входят в дом, он стремглав мчится на кухню

знали, кто я такой. Куда бы мы ни шли, кто-нибудь пристраивался сбоку и начинал интересоваться моим мнением о разнообразнейших вещах — от нового налога до археологических находок в Финляндии. Это был прямой вызов, но запас знаний позволял мне свободно обсуждать почти любую проблему. Однако скоро я заметил, что с каждым обращенным ко мне вопросом физиономия Немура все больше мрачнеет. Поэтому, когда симпатичная молодая врачиха из Фалмут-колледжа спросила, чем я могу объяснить причину моей умственной отсталости, я сказал, что лучше профессора Немура на этот вопрос не ответит никто.

Дождавшись момента показать себя, Немур впервые за все время нашего знакомства изволил положить руку мне на плечо.

— Нельзя с уверенностью сказать, что вызывает подобную разновидность фенилкетонурии — необычная биохимическая или генетическая ситуация, ионизирующее излучение, естественная радиоактивность или вирусная атака на эмбрион. Важно то, что результатом явился дефективный ген, вырабатывающий... назовем его «блуждающий энзим», который стимулирует дефективные биохимические реакции. Образовавшиеся в итоге новые аминокислоты конкурируют с нормальными энзимами, вызывая повреждение мозга.

Девушка нахмурилась. Она не ожидала лекции, но Немур уже захватил кафедру и поспешил развить свою мысль:

— Я называю это «конкурирующей ингибицией энзимов». Например, представьте себе, что энзим, произведенный дефективным геном, — это ключ, который можно вставить в замок центральной нервной системы, но который не *поворачивается* в нем. Следовательно, настоящий ключ — нужный энзим — уже не может проникнуть в замок. Результат? Необратимое нарушение протеина мозговой ткани.

— Но если оно необратимо, — вмешался в разговор один из присоединившихся к аудитории психологов, — как стало возможным излечение мистера Гордона?

— Ах, — проворковал Немур, — я сказал, что необратимо разрушение тканей, но не сам процесс. Многим ученым уже удавалось обратить его путем инъекций веществ, реагирующих с дефективными энзимами, меняя, так сказать, молекулярную бородку ключа. Этот

принцип является основным и в нашей методике. Но сначала мы удаляем поврежденные участки мозга и заставляем пересаженную мозговую ткань синтезировать протеин с высокой скоростью...

— Минутку, профессор, — прервал я его на самой высокой ноте. — Что вы скажете о работе Рахаджамати на эту тему?

— Кого-кого? — непонимающе переспросил он.

— Рахаджамати. В ней он критикует теорию Таниды — концепцию изменения химической структуры блокирующих метаболизм энзимов.

Немур нахмурился:

— Где была переведена статья?

— Она еще не переведена. Я прочел ее в индийском журнале «Психопатология» несколько дней назад.

Немур оглядел присутствующих и сделал попытку отмахнуться от меня:

— Не стоит придавать этой статье слишком большого значения. Наши результаты говорят сами за себя.

— Но Танида сам предложил теорию блокирования блуждающего энзима путем рекомбинации, а теперь утверждает, что...

— Ну-ну, Чарли. То, что человек первым предложил теорию, отнюдь не означает, что последнее слово навсегда останется за ним, особенно в ее экспериментальном развитии. Думаю, все согласятся, что исследования, проведенные в США и Англии, далеко превосходят индийские и японские работы. У нас лучшие лаборатории и лучшее оборудование в мире.

— Но этим нельзя опровергнуть утверждения Рахаджамати, что...

— Сейчас не время углубляться в это. Я уверен, что этот вопрос подвергнется здесь детальному обсуждению.

Немур заговорил с каким-то старым знакомым и полностью отключился от меня. Потрясающе. Я отвел в сторону Штрауса и засыпал его вопросами:

— Что скажешь? Ты всегда говорил, что это я слишком чувствителен для него. На что он так обиделся?

— Ты дал ему почувствовать свое превосходство, а он терпеть этого не может.

— Нет, серьезно. Скажи мне правду.

— Чарли, пора бы тебе перестать подозревать всех в желании посмеяться над тобой. Немур ничего не знает об этих статьях, потому

что не читал их.

— Он что, не знает хинди и японского? Не может быть!

— Не у всех такие способности к языкам, как у тебя.

— Тогда как же он может отрицать выводы Рахаджамати, отмахиваться от сомнений Таниды в достоверности методов контроля? Он должен знать...

— Подожди, — задумчиво произнес Штраус. — Должно быть, это совсем недавние работы. Их еще не успели перевести.

— Ты хочешь сказать, что тоже не читал их?

Он пожал плечами:

— Лингвист из меня, пожалуй, даже похуже, чем из него. Правда, я уверен, что перед публикацией итоговой статьи Немур тщательно прочешет все журналы.

Я просто не знал, что сказать. Мысль о том, что оба они могут ничего не знать о революционных работах в своей области, ужаснула меня.

— Какие языки ты знаешь? — спросил я.

— Французский, немецкий, испанский, итальянский и немного шведский.

— А русский? Португальский? Китайский?

Тогда он напомнил мне, что является практикующим психиатром и нейрохирургом и не может уделять много времени изучению языков. Из древних он может читать только по-латыни и по-гречески. Никакого понятия о древних языках Востока.

Было видно, что Штраусу не терпится закончить дискуссию, но отпустить его просто так было выше моих сил. Интересно, что он вообще знает?

Физика: ничего глубже квантовой теории поля.

Геология: ничего о геоморфологии, стратиграфии и даже петрологии.

Математика: дифференциальное исчисление на примитивнейшем уровне и ничего о банаховых алгебрах и римановом пространстве.

Все это было только первыми каплями из обрушившегося на меня потока открытий.

Я не смог досидеть до конца так называемого дружеского ужина и ускользнул, чтобы побродить и обдумать услышанное. Притворщики — вот они кто. Оба. Как ловко изображали они из себя

гениев! Обычные люди, работающие вслепую, но убедившие других в своей способности осветить тьму. Почему все врут? Ни один из тех, кого я знаю, не выдержал проверки временем.

Заворачивая за угол, я краем глаза увидел спешащего за мной Барта.

— Шпионишь? — спросил я, когда мы поравнялись.

Он неестественно засмеялся.

— Экспонат А, звезда первой величины. Если тебя задавит сегодня один из этих моторизованных чикагских ковбоев или ограбят на Стейт-стрит, я себе этого не прощу.

— Не хочу находиться под неусыпным надзором.

Он отвел взгляд и, глубоко засунув руки в карманы, зашагал рядом.

— Пойми, Чарли, старик ужасно волнуется. Симпозиум — кульминация его жизни. На карту поставлена репутация!

— Не знал я, что вы так близки, — поддел я его, вспомнив, как часто Барт жаловался на профессорскую узколобость и тиранию.

— Не так уж мы близки... Он отдал своей работе всю жизнь. Он не Фрейд, не Юнг, не Павлов и не Уотсон, но он занят важным делом, и я уважаю его за одержимость, за то, что он, обыкновенный человек, поставил перед собой задачу, решить которую под силу только гению. А гении сейчас в основном заняты тем, что делают бомбы...

— Хотел бы я видеть, как ты в глаза назовешь его «обыкновенным человеком».

— То, что он думает о себе, не имеет никакого значения. Да, Немур эгоист, ну и что? Чтобы взяться за такую работу, как раз и нужно быть эгоистом. Я вдоволь насмотрелся на немуров всех мастей и знаю, что под их величественной внешностью всегда прячутся страх и неуверенность в себе.

— А также лживость и мелочность, — добавил я. — Теперь я их раскусил. Я давно подозревал, что Немур — обманщик, он всегда чего-то боялся. А вот кто по-настоящему удивил меня, так это Штраус.

Барт помолчал и глубоко вздохнул. Я не видел его лица, но во вздохе слышалось раздражение.

— Ты не согласен со мной?

— Ты прошел длинный путь слишком быстро. Сейчас у тебя изумительный мозг, степень твоей разумности невозможно вычислить, а сумма накопленных знаний превосходит всякое воображение. Но ты

однобок. Ты знаешь. Ты видишь. Но не понимаешь. В тебе нет терпимости. Ты именуешь ученых притворщиками, но разве кто-нибудь из них сказал, что он совершенен, что он — сверхчеловек? Нет, они — простые люди. Это ты — гений.

Уловив, что речь его весьма смахивает на проповедь, Барт умолк.

— Продолжай, что же ты?

— Ты когда-нибудь видел жену Немура?

— Нет.

— Если хочешь знать, почему он всегда в напряжении, даже когда дела в лаборатории идут лучшим образом, а его лекциям аплодируют, тебе надо познакомиться с Бертой Немур. Известно тебе, что это она сделала его профессором? Что это она, пользуясь влиянием отца, буквально выбила из фонда Уэлберга дотацию для него? Именно она подтолкнула его к преждевременному докладу на симпозиуме. Пока тебя не погоняет такая женщина, не пытайся понять мужчину, испытавшего это на собственной шкуре.

Я ничего не ответил, а ему явно хотелось поскорее вернуться в отель. Возвращались мы в молчании.

Я — гений? Не уверен. По крайней мере, пока. Я, как сказал бы Барт, *исключение*. Вполне демократичный термин, позволяющий избежать проклятых ярлыков типа «одаренный» и «неспособный» (что на самом деле означает «блестящий» и «слабоумный»). Как только слово «исключение» начинает приобретать смысл, его тут же заменяют другим. Пользуйся словом только до тех пор, пока никто не понимает его значения. «Исключение» можно отнести к обоим концам умственного спектра, так что я всю жизнь был «исключением».

Чем, больше я узнаю, тем больше вижу такого, о существовании чего даже не подозревал. Раньше я тешил себя дурацкой мыслью, что смогу знать ВСЕ, вобрать в себя все знания человечества. Теперь же я надеюсь, что окажусь способным узнать только о *наличии* знания и понять хоть малую его крупницу. Хватит ли мне времени?

Барт зол на меня. Ему кажется, что я слишком нетерпелив, да и остальные придерживаются такого же мнения. Меня придерживают, хотят поставить на место. Где мое место? Кто я? Что я такое? Итог всей моей жизни или только нескольких последних ее месяцев? О, какими нетерпеливыми становятся они сами, стоит мне завести разговор об этом! Никому не хочется признаваться в своем невежестве.

Парадокс — «простой человек» вроде Немура посвящает жизнь тому, чтобы делать других гениями. Он мечтает войти в историю первооткрывателем новых законов обучения, таким Эйнштейном от психологии. Но, несмотря ни на что, в нем жив извечный страх учителя перед талантливым учеником, страх мастера перед тем, что подмастерье обесценит его работу. С другой стороны, я не ученик и не подмастерье Немура, как, например, Барт.

Страх Немура обнаружить себя человеком на ходулях среди великанов вполне понятен. Ошибка уничтожит его. Он слишком стар, чтобы начать все снова.

Так же поразило меня, если не сказать больше, открытие истинной сущности людей, перед которыми я преклонялся. Но тут Барт прав — нельзя быть таким нетерпимым. Ведь это их идеи и блестящая работа сделали возможным эксперимент, и мне нельзя поддаваться искушению смотреть на них сверху вниз. Следует усвоить, что когда меня слегка поругивают за слишком сложный и непонятный «другим» язык отчетов, мои учителя имеют в виду и себя. Но все равно страшно подумать, что мою судьбу держат в своих руках не те гиганты, какими я представлял их себе раньше, а люди, не знающие ответов на многие вопросы.

13 июня

Я диктую эти заметки, пережив ни с чем не сравнимый эмоциональный стресс. Я сбежал оттуда, и сижу теперь в самолете, летящем в Нью-Йорк. Не представляю, что мне делать, когда окажусь там.

Признаюсь, поначалу зрелище сотен ученых и мыслителей, собравшихся в одном месте в одно время, чтобы обменяться идеями, вызывало у меня благоговение. Вот здесь, думал я, происходит нечто настоящее. Здесь все будет не так, как в стерильных университетских дискуссиях, потому что здесь собрались светила психологии и теории обучения, настоящие ученые, которые пишут книги и читают лекции, ученые, которых цитируют. Пусть Немур и Штраус — середнячки, но не остальные, был уверен я.

Настало время, и Немур повел нас по гигантскому фойе с роскошной мебелью в стиле барокко, по широким мраморным лестницам сквозь растущую толпу головокивателей и

рукопожимателей. Утром прибыло еще двое наших — профессора Уайт и Клингер шествовали чуть справа и на шаг позади Немура и Штрауса. Мы с Бартом замыкали шествие.

Толпа расступилась, и мы вошли в главный конференц-зал. Немур весело помахал рукой репортерам и фотографам, собравшимся, чтобы из первых уст услышать о тех замечательных вещах, которые удалось сделать с обыкновенным кретином всего за три месяца. Очевидно, Немур предупредил их заранее.

Некоторые доклады произвели на меня сильное впечатление. Группа ученых с Аляски выяснила, как стимуляция различных областей мозга влияет на способность к восприятию знаний, а другая, из Новой Зеландии, определила участки коры мозга, ответственные за восприятие стимулов.

Были и другие работы. Например, П.Т. Целлерман сделал доклад о том, как зависит скорость, с которой крысы проходят лабиринт, от формы углов в нем... Или сообщение некоего Верфеля о влиянии уровня разумности на время реагирования у макак-резусов. Время, деньги и энергия, потраченные впустую. Да, прав был Барт, превознося Немура и Штрауса за то, что они посвятили себя важному и неизвестному делу, в то время как другие занимались простенькими темами с гарантированным успехом.

Если бы только Немур был способен относиться ко мне, как к человеку!

Но вот председатель объявил доклад от университета Бекмана, и мы заняли свои места на возвышении рядом с президиумом — я и Барт, а между нами Эджернон в клетке. Мы были главной приманкой этого вечера, и председатель торжественно представил нас. Я почти ожидал, что из его уст вырвется: «Почтеннейшая публика! Не проходите мимо! Уникаааальное представление! Нигде больше в научччном мире! Мышь и кретин становятся гениями прррямо на ваших глазах!!!»

Однако он сказал:

— Прежде чем вы услышите сам доклад, мне хочется сказать несколько слов. Все мы уже слышали о совершенно поразительной работе, проделанной в стенах университета Бекмана на средства фонда Уэлберга под руководством профессора психологии Немура совместно с доктором Штраусом, сотрудником нейрпсихологической

лаборатории того же университета. Нет нужды повторять, что мы ждем доклада с понятным нетерпением. Предоставляю слово университету Бекмана!

Немур грациозно кивнул и от избытка чувств подмигнул Штраусу. Первым выступал профессор Клиндер. Эджернон, непривычный к дыму и шуму, нервно забегал по клетке. Ни с того ни с сего у меня появилось сильнейшее желание открыть дверцу и выпустить его в зал. Абсурд, конечно. Тем не менее, слушая излияния Клингера на тему «Сравнение лабиринтов с преимущественно левосторонними поворотами с лабиринтами с преимущественно правосторонними», я поймал себя на том, что непроизвольно поглаживаю пальцами задвижку клетки.

Потом Барт описал собранию разработанную им методику обучения Эджернона и достигнутые с ее помощью результаты. За этим должна была последовать демонстрация самого Эджернона, решающего разнообразнейшие проблемы, чтобы заполучить свой кусочек сыра (есть вещи, на которые я не перестаю обижаться).

Я никогда не имел ничего против Барта. В отличие от других, он всегда казался мне прямым и откровенным человеком, но, начав описывать с трибуны белую мышь, которой был дарован разум, сразу стал таким же выпендренным и помпезным, как все остальные. Словно примерял мантию своих учителей. Я считал Барта своим другом — только это и удержало меня. Выпустить Эджернона — значит превратить симпозиум в балаган, а это, безусловно, отразится на репутации Барта, для которого сегодняшнее выступление — первый старт в гонке за академическими почестями. Мой палец остался лежать на задвижке. Эджернон внимательно следил за ним своими розовыми глазками и, я уверен, прекрасно понимал, что я хочу сделать. Но тут Барт поднял клетку для показа. Он объяснил, насколько сложен замок и сколько ума требуется, чтобы открыть его. Чем умнее становился Эджернон, тем меньше времени ему для этого требовалось — очевидный и известный мне факт. Но потом Барт сказал нечто такое, о чем я *не знал*. Оказывается, достигнув максимума разумности, Эджернон повел себя странно. Иногда он совсем отказывался работать, даже когда был явно голоден. Иногда же, успешно решив задачу, он вместо того, чтобы полакомиться, ни с того ни с сего начинал бросаться на прутья клетки.

Когда из зала спросили, нельзя ли предположить, что это странное поведение прямо связано с уровнем разумности, Барт уклонился от ответа.

— По моему мнению, — сказал он, — ничто не свидетельствует об этом. Возможно, на определенном этапе и хаотичное поведение, и уровень разумности являются следствием самой операции, а не функциями друг друга. Не исключено, что такое поведение — черта характера Эджернона. У других мышей не наблюдалось ничего подобного, но, с другой стороны, ни одна из них не достигла уровня Эджернона и не смогла удержаться достаточно долго даже на своем уровне.

Ясно, что эту информацию держали в тайне от меня, и я даже подозреваю почему. Естественно, я разозлился, но это оказалось пустяком в сравнении с той дикой яростью, которая охватила меня при показе фильмов. Я и не подозревал, что все ранние эксперименты со мной были засняты на пленку. Вот я за столом рядом с Бартом, смущенный и с раскрытым ртом, стараюсь пройти лабиринт электрической палочкой. При каждом ударе тока выражение моего лица меняется на испуганное, но потом дурацкая улыбка появляется снова. Каждый раз зал корчится от смеха, и каждый такой случай кажется им смешнее предыдущего.

Я твердил себе, что они — не пустоголовые ротозеи, а ученые, посвятившие жизнь поиску истины. Да, кадры оказались весьма забавными, и Барт, уловив общее настроение, стал вставлять веселенькие комментарии. Меня не покидала мысль, что, если выпустить Эджернона и все они начнут ползать на коленях и ловить маленького белого перепуганного гения, будет еще смешнее. Однако я сдержался, и когда на трибуну взобрался Штраус, совсем успокоился.

Штраус говорил в основном о теории и технике нейрохирургии. Он в деталях описал, каким образом, определив местонахождение гормональных контрольных центров, ему удалось изолировать и стимулировать их и в то же время удалить участки коры, синтезирующие гормоны-ингибиторы. Он изложил теорию блокировки энзимов, после чего перешел к описанию моего состояния до и после операции. Присутствующим были розданы фотографии (и когда их только успели сделать), и по кивкам и улыбкам я заключил,

что большинство согласны с тем, что «пустое» выражение лица уступило место «внимательному и интеллигентному».

Я появился здесь как часть научного труда и не сомневался, что меня выставят в витрину, но все говорили обо мне так, словно я представляю собой нечто едва только созданное. Ни один из участников симпозиума не думал обо мне как о живом человеке. Постоянное сопоставление «Элджернона и Чарли», «Чарли и Элджернона» ясно показало, что они рассматривают нас обоих как подопытных животных, не имеющих права на существование вне стен лаборатории. Но, не переставая злиться, я никак не мог избавиться от ощущения, что что-то здесь не так.

Наконец пришел черед главы проекта, профессора Немура, обобщить сказанное и получить свою долю восхищения. Долго же пришлось ему ждать этого дня.

Надо отдать ему должное — он произвел прекрасное впечатление, и я с удивлением обнаружил, что соглашаюсь с ним и в нужных местах даже киваю головой. Тестирование, эксперимент, операция, мое последующее развитие — все это он описал в деталях, украшая речь цитатами из отчетов, в большинстве своем совсем не теми, что хотелось бы услышать мне. Слава богу, у меня хватило ума не включать в отчеты некоторые детали, касающиеся наших отношений с Алисой.

...И вот, уже кончая доклад, он сказал *это*:

— Все мы, участники эксперимента, горды сознанием того, что исправили одну из ошибок природы и создали новое, совершенно исключительное человеческое существо. До прихода к нам Чарли был вне общества, один в огромном городе, без друзей и родственников, без умственного аппарата, необходимого для нормальной жизни. У него не было прошлого, не было осознания настоящего, не было надежд на будущее, Чарли Гордона просто не существовало...

Не знаю, почему меня разозлила именно эта фраза — для меня не было новостью, что участники чикагского симпозиума придерживаются того же мнения. Мне захотелось встать и крикнуть: «Я — человек, я — личность, у меня есть отец и мать, воспоминания, история. Я был и до того, как меня вкатили в операционную!»

И тут я четко увидел то, что смутно беспокоило меня, когда говорил Штраус, и потом, когда Немур подводил итоги. Они

ошиблись... ну конечно! Статистические оценки периода, необходимого для доказательства необратимости перемен, основывались на ранних экспериментах и относились к постоянно тупым или постоянно разумным животным. Но совершенно очевидно, что для животных, чей интеллект возрос в два-три раза, период ожидания должен быть неизмеримо большим...

Следовательно, выводы Немура преждевременны. В нашем с Эдджерноном случае надо было ждать дольше, значительно дольше... Профессора совершили ошибку, и никто не заметил ее! Меня словно парализовало. Не только Эдджернон, но и я сижу в клетке, построенной вокруг меня.

Сейчас посыплются вопросы, и, не дав пообедать, меня заставят развлекать мировую элиту. Нет! Пора убраться отсюда.

— ...В некотором смысле он — результат глубоко продуманного психологического эксперимента. На месте почти пустой оболочки, обузы для общества, не без оснований опасющегося его безответственного поведения, мы имеем настоящего человека, готового внести свою лепту в дело всеобщего прогресса. Мне представляется, что несколько слов, сказанных самим Чарли Гордоном...

Черт бы его побрал. Он не понимает, о чем говорит. Я с удивлением увидел, как палец, перестав подчиняться моей воле, отодвигает задвижку на клетке Эдджернона. Он внимательно посмотрел на меня, выскочил из клетки и побежал по длинному столу, за которым восседал президиум. Сначала его почти не было видно на белоснежной скатерти, но вот одна из женщин взвизгнула и вскочила на ноги, опрокинув при этом свой стул и графин с водой. Барт закричал:

— Эдджернон сбежал!

— Эдджернон спрыгнул со стола на сцену, а с нее — в зал.

— Ловите его! Ловите! — пронзительно завопил Немур в аудиторию, превратившуюся в спутанный клубок рук и ног. Некоторые из женщин (не экспериментаторы) залезали на неустойчивые складные стулья, а в это время остальные, горя желанием изловить беглеца, сбивали их оттуда.

— Закройте задние двери! — крикнул Барт, до которого дошло, что Эдджернон достаточно умен и направится именно туда.

— Беги! — услышал я собственный голос. — В боковую дверь!

Через несколько секунд кто-то закричал:

— Он выскочил в боковую дверь!

— Ради бога, поймайте же его! — умолял Немур.

Толпа вывалилась из зала в коридор. Элджернон, резво перебирая лапками, вел охоту. Под столами в стиле Людовика XIV, вокруг пальм в кадках, по лестницам, в фойе. К погоне присоединялись встречные. Наблюдая, как они носятся взад и вперед, гоняясь за белой мышкой, которая была умнее многих из них, я получал ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Смейся, смейся, — фыркнул Немур, наткнувшись на меня. — Если мы не поймаем его, все пойдет насмарку.

Изображая усердие, я поднял мусорную корзину и посмотрел, нет ли под ней Элджернона.

— Знаете ли вы, что ошиблись и его поимка уже не имеет никакого значения.

В эту секунду из дамской комнаты с визгом выскочили полдюжины женщин, в отчаянии прижимая юбки к ногам.

— Он там! — крикнул кто-то, и вся толпа в нерешительности остановилась перед табличкой «Для дам».

Я первым пересек невидимый барьер и вошел в священные врата. Элджернон сидел на раковине, рассматривая свое отражение в зеркале.

— Пойдем, — сказал я. — Я тебя не брошу. — Он позволил мне взять себя и посадить в карман пиджака. — Сиди тихо, я сам тебя выну.

Тут ворвались другие. На их физиономиях было написано, что они ожидают встретить здесь толпу вопящих обнаженных леди. В самый разгар поисков я вышел в коридор и услышал голос Барта:

— Тут дырка для вентиляции. Может, он шмыгнул туда?

— Посмотри, куда она ведет, — сказал Штраус.

— Беги на второй этаж, — сказал Немур Штраусу, — а я спущусь в подвал.

Силы разделились. Я последовал за батальоном, ведомым Штраусом, на второй этаж, где все занялись поисками выхода вентиляции. Когда Штраус и Уайт повернули направо в коридор В, я повернул налево, в коридор Б, и на лифте поднялся в свою комнату.

Закрыв за собой дверь, я легонько похлопал по карману. Розовый носик и белые усы высунулись наружу.

— Уложу вещи и смоюсь отсюда. Только ты и я. Парочка доморощенных гениев ударяется в бег.

Посыльный отнес чемодан и магнитофон в такси. Я заплатил по счету и вышел на улицу. Объект охоты уютно устроился в теплом кармане. Обратный билет в Нью-Йорк у меня уже был, оставалось только проставить дату.

Я не вернусь в свою убогую комнатушку. Поживу немного в отеле и подыщу маленькую квартирку поближе к Таймс-сквер.

Я диктую это и чувствую себя несравненно лучше, чем раньше, хотя и плохо понимаю, что делаю на борту самолета с Элджерноном, сидящим под креслом в обувной коробке. Нельзя впадать в панику. Ошибка Немура не обязательно должна быть серьезной. Просто все вдруг стало таким неопределенным... Но что же делать?

Первым делом найду родителей. И поскорее. Может, у меня значительно меньше времени, чем мне казалось...

Отчет № 14

15 июня

Наше бегство из Чикаго стало настоящим подарком для бульварных газет. «Дейли пресс» поместила на второй странице мою старую фотографию и рисунок белого мышонка. Заголовок гласил: «Идиот-гений и мышшь безумствуют». Немуру и Штраусу приписали слова, что в последнее время я находился в постоянном напряжении, но что я, несомненно, скоро вернусь. За Эджернона они предложили пятьсот долларов награды, им и в голову не приходило, что мы вместе.

Дойдя до пятой страницы, я был потрясен, увидев фотографию матери и сестры. Какой-то хваткий репортер добрался-таки до них.

СЕСТРА НЕ ЗНАЕТ, ГДЕ НАХОДИТСЯ ИДИОТ-ГЕНИЙ

(Специально для «Дейли пресс»)

Бруклин, Нью-Йорк, 14 июня. Мисс Норма Гордон, проживающая со своей матерью, Розой Гордон, в 4136, Марк-стрит, Бруклин, сказала, что ей ничего не известно о брате. Она заявила: «Мы ничего не слышали про него целых семнадцать лет». Мисс Гордон считала, что ее брат умер, пока в марте психолог из университета Бекмана не попытался получить у нее разрешение на использование Чарли для некоего эксперимента. «Мать сказала мне, что его отослали в Уоррен (Государственная лечебница и специальная школа, Уоррен, Лонг-Айленд) и что он умер там несколько лет спустя. Я и понятия не имела, что он еще жив».

Мисс Гордон просит каждого, кому известно что-нибудь о ее брате, сообщить ей об этом по указанному адресу. Отец, Мэтью Гордон, живет отдельно от семьи. Он владелец парикмахерской в Бронксе.

Я перечитал заметку несколько раз, а потом долго смотрел на фотографию. Как описать их?

Я не помню лица Розы. Несмотря на довольно высокое качество снимка, она все еще видится мне сквозь вуаль детства. Да, я знаю ее и

в то же время совсем не знаю. Я не узнал бы ее на улице, зато теперь вспомнил все до мелочей — да!

Преувеличенно тонкие черты лица. Острый нос, острый подбородок. Я почти слышу ее голос, похожий на крик чайки. Волосы стянуты в тугой узел. Она пронзает меня взглядом черных глаз. Мне хочется, чтобы она обняла меня и сказала, что я хороший мальчик, и в то же время боюсь не увернуться от пощечины. От одного ее вида меня бросает в дрожь.

Норма. Миловидна, черты лица не так заострены, но все равно очень похожа на мать. Волосы до плеч смягчают образ. Они сидят на диване в гостиной.

Фотография Розы всколыхнула пугающие воспоминания. Она была для меня двумя разными людьми, и я никогда не знал, кем из них она станет в следующую секунду. Норма прекрасно знала признаки надвигающегося шторма и всегда ухитрялась в нужный момент оказаться вне пределов досягаемости, но меня буря всегда застигала врасплох. Я шел к ней за утешением, а она срывала на мне злобу.

В следующий раз она была воплощенная теплота и нежность, она гладила мои волосы, прижимала к себе и произносила слова, высеченные над воротами моего детства:

Он совсем как другие дети!

Он хороший мальчик!

Фотография растворяется у меня перед глазами, я смотрю сквозь нее и вижу себя и отца склонившимися над детской кроваткой. Он держит меня за руку и говорит: «Вот она. Осторожнее, ведь она совсем еще крошка. Она вырастет и будет играть с тобой».

Тут и мама. Она лежит рядом, на огромной кровати, изможденная и бледная, руки безжизненно брошены на одеяло: «Следи за ним, Матт...».

Это было еще до того, как она изменила свое отношение ко мне, и теперь мне понятно, почему это произошло — мама не знала, будет похожа на меня Норма или нет. Потом, когда она уверилась, что ее молитвы не пропали даром и Норма развивается нормально, голос ее зазвучал по-другому. Не только голос, но и взгляд, прикосновение — изменилось все. Словно ее магнитные полюса поменялись местами и

тот, что притягивал, начал отталкивать. В нашем саду расцвела Норма, и я превратился в сорняк, имеющий право расти только там, где его не видно, — в темных углах.

Я вглядываюсь в ее лицо, и в душе растет ненависть. Если бы только она не слушала врачей, учителей и всех прочих, торопившихся убедить ее, что я идиот от рождения! Она не отвернулась бы от меня, не стала давать мне любви меньше когда мне требовалось ее как можно больше. А теперь? Зачем она нужна мне теперь? Что она может рассказать о себе? Но все равно, мне интересно.

Поговорить с ней и узнать, каким я был в детстве? Или забыть ее? Стоит ли прошлое того, чтобы знать его? Почему для меня важнее всего на свете сказать ей: «Посмотри на меня, мама. Я — другой. Я нормальный. Я — больше чем обычный человек. Я — гений!»

Мне хочется забыть её, но воспоминания сочатся из прошлого, черна и пачкая настоящее... Еще одна сцена, но я намного старше.

Ссора.

Чарли лежит в постели, одеяло натянуто до подбородка. В комнате темно, если не считать узкой полоски света из-за приоткрытой двери, пронзающей тьму и соединяющей два мира. Он слушает, не понимая слов, но зная, откуда взялся металлический скрежет в голосах родителей. Они говорят о нем. С каждым днем этот тон все больше и больше ассоциируется у него с брезгливой гримасой.

Чарли уже засыпал, когда тихий разговор, доносившийся до него по лучу света, внезапно превратился в ссору. Голос матери резок и визглив, это голос женщины, привыкшей добиваться своего при помощи истерик.

— Его необходимо отослать! Я больше не хочу видеть его рядом с Нормой! Позвони доктору Портману и скажи, что мы решили отдать его в Уоррен.

Голос отца тверд:

— Но ты же знаешь, что Чарли не сделает ей ничего плохого. В таком возрасте ей все равно.

— Откуда ты знаешь? Может, ребенку вредно расти в одном доме с... с таким, как он!

— Доктор Портман сказал...

— Портман сказал! Портман сказал! Плевать мне на Портмана! Представь, каково ей будет иметь такого брата! Все эти годы я

— Ты что, не слышал, как я сказала «заходите»? — Она жестом пригласила меня зайти и ногой отодвинула картонную коробку с мусором, стоявшую в прихожей.

Я подумал, что она или не сознает, или просто забыла, что раздета, и не знал, куда девать глаза. Я смотрел на стены, на потолок — куда угодно, только не на нее.

Такого беспорядка, как у нее в квартире, я еще никогда и нигде не видел. В комнате стояла дюжина маленьких складных столиков, и на всех валялись тубики с краской — одни выжаты досуха и сплющены, словно сброшенная змеиная кожа, другие еще истекали цветными лентами. Повсюду раскиданы кисти, банки, тряпки, куски картона, обрывки холста. В ноздри бил смешанный запах краски, олифы и скипидара. Три мягких кресла и ядовито-зеленая софа были завалены кучами разнообразнейшей одежды, а на полу валялись туфли и чулки, словно у хозяйки была привычка раздеваться на ходу и швырять вещи куда попало. Все покрывал тонкий слой пыли.

— Так, значит, вы — мистер Гордон, — произнесла она, в упор разглядывая меня. — Мне страсть как хотелось хоть одним глазком посмотреть на вас. Садитесь. — Она схватила ворох одежды с одного из кресел и перекинула его на софу. — Решили наконец навестить соседей... Что будете пить?

— А вы, значит, художница... — пробормотал я, чтобы хоть что-нибудь сказать. Меня нервировала мысль о том моменте, когда она наконец поймет, что не одета, и с визгом кинется в спальню. Мои глаза тщательно избегали ее.

— Пиво? Эль? Больше ничего нет, разве кроме соуса шерри. Вы ведь не хотите соуса?

— К сожалению, я спешу, — произнес я, беря себя в руки и фиксируя взглядом родинку на левой стороне ее подбородка. — У меня захлопнулась дверь, и я хотел из вашего окна добраться по пожарной лестнице до своей квартиры.

— В любое время, — уверила она меня. — От этих паршивых патентованных замков одни неприятности. В первую неделю я три раза захлопывала себя, один раз полчаса простояла на площадке совсем голая. Выскочила забрать молоко, а проклятая дверь захлопнулась. Тогда я выдрала замок с корнем, а нового до сих пор не поставила.

Должно быть, у меня был глупый вид, потому что она вдруг рассмеялась.

— Эти замки, они только и делают, что защелкиваются, а защиты от них никакой. В этом проклятом доме за год было пятнадцать краж, и все из запертых квартир. Ко мне еще никто не вламывался, хотя дверь всегда открыта. Да и брать у меня нечего.

Она снова предложила мне пива, и я согласился. Пока она ходила за ним на кухню, я еще раз огляделся и заметил, что одна стена комнаты совсем очищена — мебель отодвинута, штукатурка содрана до голых кирпичей — и превращена в некое подобие картинной галереи. Она была увешана картинами до потолка и еще множество их стояло в несколько рядов на полу. Тут было несколько автопортретов, на которых художница изобразила себя обнаженной. Картина на мольберте, над которой она трудилась в момент моего появления, являла собой нагой поясной автопортрет. Волосы на нем были длинные, до плеч (не сегодняшняя короткая стрижка). Несколько прядей завились вперед и уютно устроились между грудей... Я услышал ее шаги, быстро отвернулся от мольберта, споткнулся о кипу книг на полу и притворился, что рассматриваю осенний пейзаж на стене.

Я с облегчением заметил, что она накинула на себя драный домашний халат, и хотя дырки на нем были в самых неподходящих местах, я смог наконец позволить себе посмотреть прямо на нее. Нельзя сказать, что красавица... Голубые глаза и упрямый вздернутый нос придавали ей некоторое сходство с кошкой, что вполне гармонировало с ее уверенными, спортивными движениями. Она была стройна, хорошо сложена, лет тридцати пяти. Поставив банки с пивом на пол, она уселась рядом с ними и пригласила меня сделать то же самое.

— Мне кажется, что на полу удобнее, чем в кресле. А вам?

Я сказал, что у меня еще не было случая задуматься над этим. Она улыбнулась и заметила, что у меня честное лицо. Она была расположена поговорить о себе:

— Избегаю Гринвич-Вилледжа. Там вместо того, чтобы писать, пришлось бы целыми днями торчать в барах и кафе. Здесь лучше, подальше от бездарей и дилетантов. Здесь я могу делать, что хочу, и никто не приходит ругать меня. Вы ведь тоже не злопыхатель?

Я пожал плечами, стараясь не обращать внимания на перепачканные пылью брюки.

— А мне кажется, что все мы все время критикуем кого-то. Вот вы, например, ругаете бездарей и дилетантов, правда?

Еще через несколько минут я сказал, что мне пора. Она оттащила от окна кучу книг, и я полез по газетам и мешкам с пивными бутылками.

— Скоро, — вздохнула она, — я их все сдам...

С подоконника я вылез на пожарную лестницу и, открыв свое окно, вернулся за овощами. Однако прежде чем я успел сказать «спасибо» и «до свидания», она полезла на лестницу вслед за мной.

— Позвольте взглянуть на вашу квартиру. Эти старухи сестры Вагнер, которые жили в ней до вас, даже не здоровались со мной.

Она уселась на мой подоконник.

— Заходите, — сказал я, раскладывая овощи на столе. — У меня нет пива, зато есть кофе.

Но она глядела мимо меня широко раскрытыми от удивления глазами.

— Бог мой! Никогда не видела такой чистоты! Кто бы мог подумать, что одинокий мужчина способен на такое!

— Ну, таким я был не всегда, — уверил ее я. — Когда я въехал сюда, квартира была чистой, и у меня появилось искушение оставить все в таком же виде. Теперь меня раздражает любой беспорядок.

Она слезла с подоконника и приступила к осмотру.

— Эй, — сказала она вдруг, — ты любишь танцевать? Знаешь... Она вытянула руки и, напевая какую-то латиноамериканскую мелодию, сделала несколько замысловатых па. — Скажи, что умеешь, и я взовьюсь к потолку!

— Только фокстрот, да и то не очень...

— Я помешана на танцах, но никто из моих знакомых, из тех, что мне нравятся, не умеет. Когда совсем тоска одолевает, я наряжаюсь и хожу в зал «Звездная пыль». Парни там жутковатые, но танцевать мастера.

Она вздохнула и еще раз внимательно огляделась вокруг.

— Знаешь, что мне не нравится в твоей идеальной квартире? Как художнику... Линии, вот что бесит меня! Они все прямые — пол, стены, потолок, углы — как в гробу. Единственный выход — немного

выпить. Тогда линии начинают изгибаться и извиваться и мир кажется мне лучше, чем он есть на самом деле. Мне не по себе, когда все вокруг прямое и ровное. Ух! Живи я здесь, мне постоянно пришлось бы ходить под хмельком.

Внезапно она повернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

— Одолжи пятерку до двадцатого. Получу алименты — отдам. Мне всегда хватает денег, но на прошлой неделе возникли кое-какие проблемы...

Я не успел ответить. Она взвизгнула и бросилась к стоящему в углу пианино.

— Я слышала, как ты тренькаешь на нем и подумала — вот парень что надо! Уже тогда мне захотелось познакомиться с тобой. Я так давно не играла... Она стала подбирать какую-то мелодию, а я отправился на кухню варить кофе.

— Можешь приходить и упражняться в любое время. — Не знаю, с чего это я стал так вольно обращаться со своим жилищем, но было в Фэй нечто, требующее полного отказа от самого себя. — Я еще не дошел до того, чтобы оставлять открытой входную дверь, но окно не закрывается, и, если меня нет дома, залезай в него. Тебе нужны сахар и сливки?

Не услышав ответа, я зашел в комнату. Фэй куда-то пропала, и когда я направился к окну, то услышал ее голос из комнаты Эдджернона:

— Это еще что такое?

Она стояла перед сооруженным мной лабиринтом.

— Современная скульптура! Ящики, гробы и прямые линии!

— Это специальный лабиринт, — объяснил я. — Обучающее устройство для Эдджернона.

Но она продолжала возбужденно бегать вокруг него.

— Его надо показать в Музей современного искусства!

— Это не скульптура! — не сдавался я, открывая дверцу клетки и выпуская Эдджернона в лабиринт.

— Боже мой! — прошептала она. — Скульптура с *одушевленным элементом*! Чарли! Это величайшее произведение со времен разбитых автомобилей и приваренных друг к другу консервных банок!

Я открыл было рот, но она заявила, что одушевленный элемент введет это творение в Историю, и только заметив пляшущие в ее глазах

огоньки, я понял, что она дразнит меня.

— Это можно классифицировать как самообновляющееся искусство. Своего рода созидательный подвиг. Достань еще одну мышь, и когда у них появятся маленькие, одушевленный элемент начнет воспроизводить сам себя. Твоя работа обретет бессмертие, и все бросятся доставать копии, чтобы было о чем поговорить. Как мы назовем это чудо?

— Ладно... — сказал я. — Сдаюсь!

— Ну нет! — фыркнула она, похлопывая по пластиковому куполу, внутри которого Эджернон уже нашел путь к цели. — «Сдаюсь» — уже приелось. Как насчет «Жизнь — ящик с лабиринтом»?

— Ты рехнулась, — сказал я.

— Ну конечно! — Фэй присела в реверансе. — Я все ждала, когда ты заметишь это.

Выпив полчашки кофе, она испуганно вскрикнула и сказала, что ей пора бежать, потому что вот уже полчаса, как она должна встретиться с кем-то на какой-то выставке.

— Тебе нужны деньги, — напомнил я.

Она взяла мой бумажник, открыла его и вытащила пятидолларовую купюру.

— До следующей недели, когда получу чек. Тысяча благодарностей!

Фэй скомкала бумажку, послала Эджернону воздушный поцелуй и, прежде чем я успел что-либо сказать, выскочила в окно и скрылась из виду.

Она ужасно привлекательна. Полна жизни и воображения. Голос, глаза все располагает к себе. И живет от меня-то всего через окно.

20 июня

Наверно, не стоило торопить встречу с Маттом. А может, и вовсе не стоило ходить к нему. Не знаю... Все получается не так, как хотелось бы. Я знал, что Матт открыл парикмахерскую где-то в Бронксе, и найти его не составило труда. Я помнил, что он работал продавцом в нью-йоркской кампании по торговле парикмахерскими принадлежностями. Это вывело меня на метро «Барбер Шоп», в чьих книгах значилось заведение на Уэнтворт-стрит, именуемое «Салон Гордона». Матт часто говорил о собственном деле. Как он ненавидел

работу продавца! Какие битвы разгорались вокруг этого! Роза кричала, что продавец — все же уважаемая профессия и она не потерпит мужа-парикмахера. А Маргарет Финней, как будет она фыркать, выговаривая «жена парикмахера»! А Лу Мейнер, как она задерет нос!

Все эти годы, с ненавистью встречая каждый новый день, Матт мечтал о том времени, когда будет сам себе хозяином. Экономя деньги, он стриг меня сам. Уйдя от Розы, он бросил прежнюю работу, и я восхищаюсь им за это.

Мысль о предстоящей встрече с отцом взволновала меня. Воспоминания о нем согревали. Матт принимал меня таким, каким я был.

Споры... До Нормы: оставь его в покое и не заставляй равняться с другими ребятами! После Нормы: он имеет право на собственную жизнь, даже если не похож на остальных!

Он всегда защищал меня. Интересно, какое у него будет лицо, когда... С ним, с ним я смогу поделиться всем!

Уэнтворт-стрит в Бронксе явно переживала не лучшие времена. На большинстве контор и магазинов висела табличка «Сдается», остальные были просто закрыты. Но почти в самой середине улицы светилась вывеска парикмахерской.

Внутри было пусто, если не считать самого мастера, расположившегося с кучей журналов в ближайшем к окну кресле. Он посмотрел на меня, и я узнал Матта — крепкого и краснощекого, сильно постаревшего, с лысиной, обрамленной венчиком седых волос... Но все равно, это был Матт и никто иной. Заметив, что я не уйду, он отбросил в сторону журнал.

— Ваша очередь, мистер!

Я помедлил, и он не понял меня.

— В этот час заведение обычно закрыто, мистер, вы правы. Просто не явился один постоянный клиент. Я было уже хотел совсем закрываться, вам повезло, что я на минутку присел отдохнуть. Лучшие прически в Бронксе!

Я позволил втащить себя внутрь, и он заметался, вытаскивая из ящичков ножницы, расчески, свежую простыню.

— Вы заметили, что все стерилизовано? Этого нельзя сказать об остальных парикмахерских по соседству... Постричь и побрить?

Я поудобнее устроился в кресле. Удивительно, я сразу узнал его, а он меня — нет. Пришлось напомнить себе, что мы не виделись почти пятнадцать лет, а в последние месяцы я изменился еще больше. Он накрыл меня полосатой простыней, внимательно посмотрел на меня в зеркало и нахмурился, как будто что-то вспоминая.

— Полная обработка, — сказал я, кивая на одобренный профсоюзом прейскурант, — шампунь, стрижка, бритье, загар...

Он поднял брови.

— Сегодня у меня встреча с человеком, которого я давно не видел, заверил я его, — и мне хочется быть в лучшем виде.

...Он снова стриг меня — пугающее ощущение. Потом он начал править бритву на ремне, и глухой свист стали по коже заставил меня вжаться в кресло. Под мягким нажимом его руки я откинул голову и почувствовал как лезвие скребет горло. Я закрыл глаза в ожидании... как будто снова очутился на операционном столе.

Мышцы на шее напряглись, безо всякого предупреждения дернулись, и лезвие порезало меня как раз над адамовым яблоком.

— Ой! — воскликнул он. — Боже мой! Успокойтесь, прошу вас, мне так жаль, но вы не предупредили...

Он быстро смочил полотенце в раковине. Я увидел в зеркале ярко-красный пузырь и тонкую струйку крови, ползущую от него вниз. Рассыпаясь в извинениях, Мэтт занялся раной, торопясь перехватить струйку, пока она не добралась до простыни.

Наблюдая за его ловкими и быстрыми движениями, я почувствовал себя виноватым. Мне захотелось сказать ему, кто я, и чтобы он положил мне руку на плечо и мы поговорили о добрых старых временах. Но я ничего не сказал, а он промокнул кровь и присыпал порез квасцами... Потом он молча добрил меня, включил кварцевую лампу и положил мне на глаза смоченные лосьоном кусочки ваты. И в ярко-красной тьме я увидел, что случилось в тот вечер, когда он увел меня из дома в последний раз...

Чарли спит, но просыпается от воплей матери. Обычно ссоры не мешают ему спать — они стали частью повседневной жизни. Но сегодня в этой истерике что-то особенно страшит. Он прислушивается...

— Я больше не могу! Он должен уйти! Подумай о дочери! Она каждый день приходит из школы в слезах, потому что ее дразнят! Мы не вправе лишать ее нормальной жизни!

— Чего ты хочешь? Выгнать Чарли на улицу?

— Убрать его отсюда. Отослать в Уоррен.

— Давай поговорим об этом утром.

— Нет! Ты ничего не делаешь, только говоришь, говоришь...

Сегодня! Сейчас!

— Не глупи, Роза. Уже поздно... Твои вопли слышит вся улица!

— Плевать! Чтоб сегодня же его тут не было! Я больше не могу смотреть на него!

— Опомнись, Роза! Что ты говоришь!

— Слушай меня последний раз, убери его отсюда!

— Положи нож!!!

— Я не хочу портить Норме жизнь!

— Ты сошла с ума! Положи нож!

— Ему лучше умереть... Он никогда не станет человеком... Ему лучше...

— Ради бога, возьми себя в руки!!!

— Уведи его. Сейчас.

— Черт с тобой. Я отведу его к Герману, а завтра узнаю, как определить его в Уоррен.

Тишина. Потом голос Матта:

— Я знаю, чего тебе все это стоит, Роза, и не виню тебя. Но держи себя в руках. Я уведу его к Герману. Ты довольна?

— Именно об этом я и прошу. Твоя дочь имеет право на жизнь.

Матт заходит в комнату Чарли и одевает сына. Мальчик не понимает, что происходит, но ему страшно. Когда они проходят мимо Розы, та отворачивается. Она хочет убедить себя в том, что он уже ушел из ее жизни, перестал существовать. Чарли видит на столе длинный нож, которым она режет мясо, и смутно чувствует, что мама хотела сделать с ним что-то плохое. Она хотела что-то забрать от него и отдать Норме. Когда он оглядывается, Роза берет тряпку и начинает мыть раковину...

В конце концов со стрижкой, бритьем, кварцевой лампой и прочим было покончено, и я вяло сидел в кресле, чувствуя себя легким,

скользким и чистым. Матт ловко сдернул с меня простыню и поднял второе зеркало, чтобы я смог рассмотреть свой затылок. Я увидел себя в заднем зеркале, глядящим в переднее, и на какое-то время оно оказалось под таким углом, что создало иллюзию глубины — бесконечного коридора меня самого, смотрящего на самого себя... на себя... на себя...

Который? Кто из них — я?

А что, если не говорить ему? Что хорошего принесет ему эта новость? Просто уйти, не сказав ни слова. Но ведь мне хотелось, чтобы он *знал*, что я жив, что я — *кто-то*, чтобы завтра он мог хвастать перед клиентами родством со *мною*. Это сделало бы мое существование *реальным*. Если он признает во мне сына, значит, я — личность.

— Вы прекрасно постригли меня, так может, теперь вспомните, кто я такой? — сказал я, вставая с кресла и стараясь поймать в его взгляде хотя бы намек...

Матт нахмурился:

— Как прикажете вас понимать? Это шутка?

Я уверил его, что это не розыгрыш, и если он посмотрит повнимательнее, то наверняка узнает меня. Он пожал плечами и принялся убирать со столика ножницы и расчески.

— У меня нет времени разгадывать головоломки, пора закрываться. С вас три пятьдесят.

Неужели он забыл меня? Неужели мечты останутся пустой фантазией? Он протянул руку за деньгами, а я не мог заставить себя сдвинуться с места.

Он *должен* вспомнить, *должен* узнать.

Но нет, конечно же нет... И когда я почувствовал горечь во рту и пот на ладонях, то понял, что через минуту мне станет плохо. В мои расчеты не входило, чтобы это случилось на его глазах.

— Эй, мистер, что с вами?

— Все в порядке... Подождите... — я наткнулся на хромированное кресло и, хватая ртом воздух, согнулся пополам. Господи, только не сейчас... Господи, не дай опозориться перед ним...

— Воды... пожалуйста... — нет, не пить, а только чтобы он отвернулся от меня...

Когда Матт принес стакан воды, мне уже стало лучше.

— Вот, выпейте, отдохните минуточку. Все будет хорошо.

Пока я пил, он не сводил с меня глаз, и я буквально чувствовал, как полузабытые воспоминания ворочаются у него в голове.

— Мы и в самом деле уже встречались?

— Нет... спасибо, я пойду.

Как сказать ему? Что сказать?

Эй, посмотри-ка на меня, это же я, Чарли, которого ты списал из своих бухгалтерских книг. Не то чтобы я виню тебя за это, но вот он я, меня сделали лучше, чем раньше. Проверь сам. Поспрашивай. Я говорю на двадцати живых и мертвых языках, я — гениальный математик, я сочиняю фортепианный концерт, который навеки оставит мое имя в памяти человечества.

Как сказать ему?

До чего же глупо выгляжу я, наверно, со стороны, сидя в занюханной парикмахерской и надеясь, что отец погладит меня по голове и скажет: «Хороший мальчик»... Как сияли его глаза, когда я научился завязывать шнурки и застегивать рубашку... За этим я сюда и пришел, но понял, что не получу ничего.

— Позвать доктора?

Нет, я не его сын. То был Чарли. Разум и знания сделали меня другим, и Мэтт обидится, как и те, в пекарне, ведь я перегнал его.

— Все прошло. Извините, что причинил вам столько неприятностей. Наверно, съел что-то... Вам пора закрываться.

Я направился к двери, но в спину мне вонзился резкий голос:

— Минуточку!

Я обернулся, он с подозрением смотрел на меня.

— Вы кое-что забыли.

— Не понимаю...

Рука его была вытянута вперед, большой палец терся об указательный.

— Три пятьдесят.

Я извинился, но он явно не поверил, что я просто-напросто забыл заплатить. Я дал ему пятерку, отказался от сдачи и не оглядываясь вышел на улицу.

21 июня

Я добавил временные ловушки ко все усложняющемуся лабиринту, но Эджернон прекрасно справляется и с ними. Оказывается, совсем не надо заманивать его едой, успешно решенная проблема сама по себе становится ему наградой.

Поведение его (Барт упоминал об этом на симпозиуме) стало непредсказуемым. Иногда он начинает злиться и бросаться на стенки лабиринта, а иногда сворачивается клубком и отказывается работать. Раздражение? Или что-то глубже?

5.30. Эта чокнутая Фэй сегодня утром влезла в окно и принесла с собой белую мышь женского пола, чтобы, как она выразилась, скрасить Эджернону одинокие летние ночи. Она отмела в сторону все мои возражения и решительно заявила, что Эджернону это ничего кроме пользы не принесет. Прежде всего я удостоверился, что Минни обладает крепким здоровьем и твердыми моральными принципами, и только тогда согласился окончательно. Мне было очень интересно посмотреть, что произойдет, когда Эджернон познакомится с ней, но как только мы запустили ее в клетку, Фэй схватила меня за руку и вытащила из комнаты.

— Где твоё чувство приличия?! — с негодованием спросила она, включила радио и с угрожающим видом приблизилась ко мне. — Сейчас я буду учить тебя танцевать.

Ну разве можно на нее сердиться?

Как бы то ни было, я счастлив, что Эджернон больше не одинок.

23 июня

Поздно ночью — смех на площадке и стук в мою дверь. Фэй и какой-то мужчина.

— Привет, Чарли, — захихикала при виде меня Фэй. — Лерой, это Чарли, мой сосед. Прекрасный художник. Он делает скульптуры с одушевленным элементом.

Не дав Фэй врезаться в стену, Лерой поймал ее, потом с беспокойством посмотрел на меня и что-то пробормотал в знак приветствия.

— Встретила Лероя в «Звездной пыли», — объяснила Фэй. — Он здорово танцует. — Она направилась в свою квартиру, но остановилась

на полпути и снова хихикнула. — А почему бы нам не пригласить Чарли выпить?

Лерою такая идея пришла не по душе, но я ухитрился извиниться и закрыть дверь. Потом до меня донесся их смех. Я попробовал отвлечься чтением, но перед глазами все время стояла картина: большая белая кровать, прохладные белые простыни и они, в объятиях друг друга.

Мне захотелось позвонить Алисе, но я сдержался. Зачем мучить себя? Я не мог вспомнить даже ее лица. Фэй, одетую или раздетую, с пронзительными голубыми глазами и короной светлых волос, я мог представить себе в любую секунду. Алиса же окуталась в моем воображении каким-то туманом.

Примерно через час я услышал из квартиры Фэй громкие голоса, потом ее вопль и звуки, как будто швыряли что-то тяжелое. С намерением узнать, не нуждается ли она в помощи, я начал выбираться из постели, но в этот момент хлопнула дверь и до меня донеслась ругань сбегающего по лестнице Лероя. Прошло еще несколько минут, и в мое окно постучали. Я открыл. Фэй в черном шелковом кимоно скользнула внутрь и уселась на подоконнике.

— Привет, — прошептала она. — У тебя сигареты не найдется?

Сигареты у меня были. Спрыгнув с подоконника, Фэй устроилась на софе и вздохнула.

— Обычно я в состоянии позаботиться о себе, но существует тип людей, которых можно образумить только так.

— Конечно, — сказал я. — Ты привела его к себе, чтобы образумить.

Она поняла намек.

— Не одобряешь?

— А кто я такой, чтобы одобрять или не одобрять? Если ты подцепила в танцевальном зале парня, то должна ожидать соответствующего развития событий. Он считает, что имеет на это право.

Она отрицательно покачала головой.

— Я хожу туда танцевать и не понимаю, почему, если я позволила кому-то проводить себя, должна лезть с ним в постель. Думаешь, я была с ним в постели? — Помолчав и не дождавшись ответа на свой

вопрос, она добавила: — Если бы на его месте был ты, я бы не отказалась.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Так и понимай. Попроси меня, и я не откажусь.

Спокойнее, Чарли, спокойнее...

— Тысяча благодарностей. Постараюсь не забыть. Сварить тебе кофе?

— Никак не возьму в толк, что ты за человек. Я либо нравлюсь мужчине, либо нет, и это сразу видно. А ты, кажется, боишься меня... Ты случайно не гомосексуалист?

— Этого только не хватало!

— Я хотела только сказать, что не надо скрывать от меня таких вещей. Тогда мы просто останемся хорошими друзьями.

— Нет-нет. Когда ты заявила ко мне с этим парнем, мне захотелось оказаться на его месте.

Она обняла меня, явно ожидая ответных действий. Я знал, что от меня требовалось. А почему бы и нет? Может быть, на этот раз все обойдется? Главное, инициатива исходит от нее. И еще — похожей на нее женщины я не встречал, и не исключено, что на данном уровне эмоционального развития она как раз то, что мне нужно.

Я тоже обнял ее.

— Вот это другое дело, — проворковала она, — а то мне уже показалось, что тебе все равно.

Я поцеловал ее в шею и прошептал:

— Нет, мне не все равно.

И в этот момент я увидел нас глазами третьего, стоящего у двери человека. Я увидел обнявшихся мужчину и женщину, и это не произвело на меня ровным счетом никакого впечатления. Паники не было, это верно. Но не было и волнения, желания.

— Здесь останемся или ко мне пойдём?

— Подожди минутку.

— В чем дело?

— Может, лучше не надо? Мне сегодня что-то не по себе.

— Если хочешь, чтобы я что-нибудь сделала... Скажи...

— Нет, — твердо ответил я. — Просто сегодня я плохо себя чувствую.

Присутствие Фэй тяготило меня, но слова прощания застряли в горле.

Она долго смотрела на меня, а потом сказала:

— Послушай, ты не будешь против, если я здесь переночую?

— Зачем?

Она пожала плечами:

— Ты мне нравишься. Не знаю. Лерой может вернуться. Миллион причин. Но если не хочешь...

Она снова застала меня врасплох, и я сдался.

— У тебя есть джин? — спросила Фэй.

— Нет, я же почти не пью.

— У меня есть. Подожди, сейчас принесу.

Я не успел отказаться. В мгновение ока она выскочила в окно и тут же вернулась с полной на две трети бутылкой и лимоном. Взяв на кухне два стакана, Фэй плеснула в них джина и сказала:

— Держи. Хуже не будет. Искривим линии. Тебе плохо именно от этого — все кругом прямое, ровное, и ты сидишь, как в ящике... как Элджернон в той скульптуре.

Сначала я не собирался пить, но мне было так тоскливо, что я решил махнуть на все рукой. Да, хуже не будет, может, даже глоток джина притупит чувство, будто я смотрю на себя глазами человека, не понимающего элементарных вещей.

Она заставила-таки меня напиток.

Помню первый стакан, помню, как влез в постель и Фэй с бутылкой в руке скользнула рядом. Потом все пропало — до полудня следующего дня, когда я проснулся с ужасным похмельем. На скомканной подушке лицом к стене все еще спала Фэй. На столике, рядом с забитой окурками пепельницей, стояла пустая бутылка, но последнее, что я запомнил перед тем, как опустился занавес, это, как я смотрю сам на себя, выпивающего второй стакан.

Фэй потянулась и повернулась — голая. Я сделал попытку отодвинуться, упал с кровати, схватил одеяло и обернулся им.

— Привет. — Она зевнула. — Знаешь, чего мне хочется?

— Чего?

— Написать тебя обнаженным. Как Давид Микеланджело. Ты прекрасен. Самочувствие?

— Нормально, только голова трещит. Я... перебрал вчера?

Тарелки с грохотом рухнули на пол, и белые фарфоровые осколки разлетелись во все стороны. Потрясенный и испуганный, он стоял, держа в руках пустой поднос. Свист и вопли посетителей (крики «Так вот куда летят прибыли» или «да он тут совсем недавно!», неизбежно сопутствующие битью посуды в ресторанах) окончательно сконфузили его.

Владелец ресторана вышел посмотреть, что за шум, и парень поднял руки, словно защищаясь от удара.

— Ну ты, дубина, — заорал хозяин, — чего стоишь? Возьми веник и подмети! Веник... веник, кретин! Он на кухне. Подмети все осколки.

Парень тут же понял, что наказания не последует, страх исчез с его лица, а когда он вернулся с веником, то уже улыбался и что-то напевал. Но самые скандальные посетители не унимались, желая выжать из этого случая побольше удовольствия. За его счет.

— Эй, сынок, вон там чудесный кусочек...

— Прodelай-ка это еще разок...

— Он совсем не глуп. Разбить тарелки куда проще, чем мыть их!

Его пустые глаза обежали веселящуюся толпу, улыбки начали отражаться и на его лице, и наконец он тоже засмеялся шутке, соли которой не понимал.

От этого тупого, идиотского смеха, от широко раскрытых блестящих глаз ребенка, не понимающего, что происходит, но горящего желанием услужить, мне стало не по себе. Люди смеются над ним потому, что он — слабоумный.

А ведь сначала мне тоже было весело.

Меня взяло зло, и на себя, и на всех, кто сидел рядом. Мне захотелось схватить свои тарелки и швырнуть их прямо в ухмыляющиеся рожи. Я вскочил и крикнул:

— Замолчите! Оставьте его в покое! Разве вы не видите, что он ничего не *понимает*! Это не его вина... Сжальтесь над ним, ради бога! Он же человек!

Полная тишина. Я проклинал себя за то, что потерял контроль и устроил сцену, и пока расплачивался по счету и шел к выходу, старался не смотреть на несчастного. Меня жег стыд за нас обоих.

Удивительно, как люди высоких моральных принципов и столь же высокой чувствительности, никогда не позволяющие себе воспользоваться преимуществом над человеком, рожденным без рук,

ног или глаз, как они легко и бездумно потешаются над человеком, рожденным без разума. Ярость моя происходит из того, что я вспомнил, как сам был клоуном.

А ведь я почти забыл.

Совсем недавно люди смеялись надо мной... А теперь сам присоединился к их веселому хору. И от этого больнее всего.

Я часто перечитываю мои ранние отчеты и прекрасно вижу их безграмотность, детскую наивность. Это несчастный разум глядит из темной комнаты сквозь замочную скважину в сияющий мир, счастливо и неуверенно улыбаясь. Даже в своей тупости я понимал, что стою ниже окружающих. У них было что-то такое, чего не было дано мне. Слепой умственно, я верил, что это — способность читать и писать и что я сравниюсь с ними, научившись тому же.

Даже слабоумный хочет быть похожим на других. Младенец не знает, как накормить себя и что съесть, но он понимает, что такое голод.

День не прошел даром. Хватит беспокоиться о себе — моем прошлом и моем будущем. Пора отдавать. Пора применить мои знания и способности на пользу другим. Кто может сделать это лучше меня? Кто жил в двух мирах?

Завтра же свяжусь с советом директоров фонда Уэлберга и попрошу выделить мне самостоятельную область работы. Только бы они согласились! У меня есть кое-какие идейки...

С уже существующей техникой, если ее немного подработать, можно многого добиться. Если из меня удалось сделать гения, то что тогда говорить о пяти миллионах слабоумных в одних только Соединенных Штатах? О бесчисленных миллионах во всем мире? О тех, кто еще не родился, но уже обречен? А каких выдающихся результатов можно будет достичь, применив эту технику к нормальным людям? К гениям???

Сколько дверей предстоит открыть! Люди должны понять, насколько важна такая работа. Уверен — фонд не откажет мне.

Но я устал от одиночества. Нужно рассказать обо всем Алисе.

25 июня

Позвонил Алисе. Я нервничал и, должно быть, говорил не совсем внятно, но как же приятно было вновь услышать ее голос! Казалось,

она тоже рада. Она согласилась повидаться со мной, и через мгновения я уже сидел в такси, проклиная уличные пробки.

Я не успел постучать — Алиса распахнула дверь и кинулась мне в объятия.

— Чарли, мы все так беспокоились за тебя! Мне снились ужасные сны, будто ты лежишь мертвый или бродишь, потеряв память, по трущобам. Почему ты не давал знать о себе? Что тебе помешало?

— Не ругай меня. Мне надо было побыть одному и найти ответы на множество вопросов.

— Пойдем на кухню, я сварю кофе. Что ты делал все это время?

— Днем — думал, читал и писал. По ночам — странствовал в поисках самого себя и открыл, что Чарли подглядывает за мной.

Она вздрогнула.

— Не говори так. Никто не следит за тобой, у тебя просто фантазия разыгралась.

— Я чувствую, что я — это не я. Я занял принадлежащее Чарли место и вышвырнул его оттуда, как меня самого выкинули из пекарни. Я хочу сказать, что Чарли Гордон существует в прошлом, а прошлое реально. Нельзя построить новый дом на месте старого, не разрушив его, но Чарли уничтожить нельзя. Сначала я искал его. Я виделся с его — моим — отцом. Все, чего я хотел, доказать, что Чарли существовал в прошлом как *личность* и что именно этим оправдано мое собственное существование. Слова Немура, будто он создал меня, оскорбительны... Но я обнаружил, что Чарли существует и сейчас, во мне и вокруг меня. Это он вставал между нами. Оказалось именно мой разум создал барьер — эту помпезную дурацкую гордость, чувство, что у нас с тобой нет ничего общего, потому что я превзошел тебя. Ты вложила эту идею в мою голову. Но это не так. Это Чарли, маленький мальчик, он боится женщин, потому что мать била его. Неужели ты не понимаешь? Месяцы интеллектуального роста ничего не смогли сделать с эмоциональной схемой маленького Чарли. Каждый раз, когда я прикасался к тебе или представлял, как мы любим друг друга, происходило короткое замыкание.

Я был возбужден, и голос мой бил и бил по Алисе, пока ее не охватила дрожь.

— Чарли, — прошептала она. — Что я могу сделать? Как помочь тебе?

— Знаешь, мне кажется, что за последние недели я все-таки изменился. Сначала я бродил в темноте. Попытка самому решить проблему провалилась, но чем глубже погружался я в пучины снов и воспоминаний, тем яснее сознавал, что эмоциональные проблемы не могут быть решены так же, как интеллектуальные. Окончательно я понял это вчера вечером. Я твердил себе, что странствую во мраке, словно потерянная душа, а потом понял, что и вправду потерялся. Каким-то образом я оказался отрезанным от всех и всего. И то, что я искал на темных улицах — то есть в самом неподходящем месте — был способ сделаться частью людской массы, сохранив при этом интеллектуальную свободу. Мне нужно вырасти. Это — все...

Я говорил и говорил, выплескивая из себя сомнения и страхи. Алиса была моей аудиторией — я загипнотизировал ее. Я впал в лихорадочное состояние, и мне казалось, будто я весь горю. Но теперь передо мной был человек, к которому я не равнодушен. В этом-то и заключалась вся разница.

Груз оказался ей не по силам. Дрожь перешла в рыдания. Мой взгляд упал на картину над кушеткой — перепуганная краснощекая дева. Что испытывает сейчас Алиса? Я знал, что она отдаст себя мне, я хотел ее, но куда девать Чарли?

Если бы на месте Алисы была Фэй, Чарли не стал бы вмешиваться. Он стоял бы у двери и смотрел. Но когда я оказываюсь рядом с Алисой, он впадает в панику. Что плохого сделала ему Алиса?

Она сидела на кушетке, смотрела на меня и ждала, что я буду делать. А что я смогу сделать? Обнять ее и...

Не успела сложиться мысль, как пришло предупреждение.

— Что с тобой, Чарли? Ты побледнел.

Я сел рядом с ней.

— Что-то голова кружится. Это скоро пройдет. — Но я прекрасно знал, что если захочу Алису, Чарли не допустит этого, и мне станет только хуже.

Тут у меня появилась одна идея... Поначалу она показалась мне отвратительной, но я знал, что это единственный способ выйти из паралича — перехитрить Чарли. Если по какой-то причине Чарли боится Алисы, но не боится Фэй, я выключу свет, притворюсь, что рядом со мной Фэй, и все будет в порядке.

Ужасно, мерзко. Но если этот трюк срабатывает, я порву цепи, которыми Чарли опутал мои эмоции. Потом-то я признаюсь себе, что любил Алису... Другого выхода я пока не видел.

— Со мной все в порядке. Давай посидим немного в темноте, — сказал я и выключил свет.

Это будет нелегко. Мне придется представить Фэй, убедить себя до такой степени, что женщина, сидящая рядом со мной, превратится в Фэй. И даже если Чарли отделится от меня, чтобы понаблюдать со стороны, ничего у него не выйдет — в комнате темно.

Я подождал — симптомов паники не было. Совершенно. Я чувствовал себя спокойным и уверенным. Положил руку ей на плечо.

— Чарли, я...

— *Замолчи!* — крикнул я, и она испуганно отодвинулась. — Пожалуйста, не говори ничего. Просто позволь мне обнять тебя в темноте. — Я обнял ее, прижал к себе, и в темноте под закрытыми веками представил Фэй — с длинными светлыми волосами и белой кожей. Фэй, какой я видел ее в последний раз. Я поцеловал волосы Фэй, шею Фэй, и, наконец, губы Фэй. Я почувствовал, как руки Фэй гладят мою спину, плечи. Сначала я ласкал ее медленно, потом, по мере того как мое нетерпение возрастало, все смелее и смелее.

В затылке закололо. В комнате кто-то был — он напряженно вглядывался в темноту, стараясь разглядеть, что мы делаем. Я лихорадочно повторял про себя: Фэй! Фэй! ФЭЙ! Это же ее лицо стоит перед моими глазами, и ничто не встанет между нами... Она прижалась ко мне, и тут я вскрикнул и оттолкнул ее.

— Чарли! — Я не видел лица Алисы, но шок, испытанный ею, отразился в крике.

— Нет, Алиса! Не могу! Ты не понимаешь!

Я спрыгнул с кушетки и включил свет. Я был почти уверен, что сейчас увижу его. Но, конечно, не увидел. Мы были одни. Все, что произошло, случилось в моей собственной голове. Алиса лежала, блузка ее была расстегнута, глаза широко раскрыты, лицо горело.

— Я люблю тебя! — вырвалось у меня. — Но я не могу! Я не могу объяснить тебе, но если бы не оттолкнул тебя, я ненавидел бы себя до конца жизни. Не спрашивай, а то и ты возненавидишь меня. Все дело в Чарли. По каким-то неизвестным причинам он никогда не разрешит тебе стать моей.

Алиса отвернулась и застегнула блузку.

— Сегодня все было по-другому. Ты не боялся. Ты хотел меня.

— Да, я хотел тебя, но сейчас я был не с тобой. Я собирался использовать тебя, но ничего не могу объяснить. Я и сам почти ничего не понимаю. Давай согласимся на том, что я еще не готов. И не надо притворяться, что все в порядке, это только заведет нас в следующий тупик.

— Чарли, не исчезай снова.

— Я больше не буду прятаться. У меня есть дела. Передай, что я найду в лабораторию через несколько дней — как только возьму себя в руки.

Когда я выходил из ее квартиры, меня трясло как в лихорадке. На улице я постоял немного, не зная, куда идти. Идти было некуда.

В конце концов я добрал до станции подземки и доехал до Сорок девятой улицы. Народу вокруг было мало, но я заметил блондинку, чем-то напominившую мне Фэй. По пути к автобусной остановке я завернул в магазин и купил бутылку джина. В ожидания автобуса я откупорил бутылку прямо в пакете, вспомнив, что так делают пьяницы, и отхлебнул солидный глоток. Алкоголь обжег желудок, но на вкус был ничего. Когда подошел автобус, я уже купался в золотистом сиянии. Но ни капли больше. Я совсем не хотел напиваться.

Я поднялся по лестнице и постучал в дверь квартиры Фэй. Молчание. Я открыл дверь и заглянул внутрь. Она еще не пришла, но все лампы горели. Ей плевать на все. Почему бы и мне не стать таким же?

Вернувшись к себе, я разделся, принял душ, надел халат и стал ждать, моля о том, чтобы она никого не привела с собой.

Примерно в половине третьего ночи я услышал ее шаги. Захватив бутылку, я выбрался наружу и очутился возле ее окна как раз в тот момент, когда она открыла входную дверь. Я не собирался подглядывать за ней и хотел уже постучать, даже поднял руку, чтобы заявить о своем присутствии, но тут она сбросила и туфли, довольно улыбнулась и начала раздеваться. Я отхлебнул из бутылки. Нельзя, чтобы она думала, будто я подсматриваю за ней.

Я вернулся к себе и, не зажигая света, прошел через квартиру. Сначала я хотел пригласить ее к себе, но у меня все было слишком

чисто и слишком много прямых линий подлежало искривлению. Здесь ничего не получится. Я вышел на площадку и постучал к ней — сперва тихо, потом громче.

— Открыто! — крикнула Фэй.

Она лежала на полу, раскинув руки и положив ноги на кушетку. Наклонив голову, она посмотрела на меня снизу вверх.

— Чарли, дорогой! Зачем ты стоишь на голове?

— Не обращай внимания, — сказал я, доставая бутылку из пакета. — Линии сегодня какие-то особенно прямые, и мне подумалось, что ты сможешь мне привести некоторые из них в надлежащее состояние.

— Джин — что может быть лучше этого? Если сосредоточиться на возникающем в желудке тепле, линии тут же начинают выгибаться.

— Вот именно!

— Чудесно! — Фэй вскочила на ноги. — Сегодня я танцевала с людьми, похожими на ящички. Пусть они тоже расплавятся.

Она протянула мне стакан, и я наполнил его. Пока она пила, я обнял ее и погладил по обнаженной спине.

— Эй, паренек! Это что еще такое?

— Я ждал, когда ты вернешься.

Она отступила на шаг.

— Минутку, Чарли. Однажды мы уже прошли через это, и ничего не получилось. Ты нравишься мне, и если бы я знала, что есть хоть какая-то надежда, затащила бы тебя в постель, не раздумывая ни секунды. Но... мне противно стараться впустую. Это нечестно, Чарли.

— Сегодня все будет по-другому. Клянусь. Я отплачу тебе за все прошлое. Ты не пожалеешь.

— Чарли, я никогда еще не слышала от тебя таких речей. И не гляди на меня так, словно хочешь проглотить целиком. — Она схватила блузку с одного из кресел и попыталась прикрыться ею. — Ты заставляешь меня чувствовать себя голой!

— Я хочу тебя. Сегодня я смогу все, я знаю... Не отталкивай меня, Фэй!

Я начал целовать ее шею и плечи. Мое волнение передавалось ей, она задышала чаще.

— Чарли, если ты обманешь меня снова, я не знаю, что сделаю. Я ведь тоже человек!

Я взял ее за руку и усадил на кушетку, на кучу одежды и белья.

— Не здесь, — сказала она, пытаюсь встать. — Пойдем в спальню.

— Нет, здесь! — настаивал я, вырывая из ее рук блузку.

Фэй посмотрела на меня, встала и сняла последнее, что еще оставалось на ней.

— Я погашу свет.

— Не надо, я хочу видеть тебя.

Она поцеловала меня и крепко обняла.

— Только не обмани меня еще раз, Чарли. Лучше не надо.

Я был уверен, что на этот раз никто не помешает нам. Я знал, что делать и как. На какой-то миг я все же почувствовал, что он смотрит — из темноты за окном, где я сам был несколько минут назад. Мгновенное переключение восприятия, и вот я уже там, вместо него, и смотрю на мужчину и женщину в объятиях друг друга.

Отчаянное усилие воли, и я снова с Фэй, а за окном — жадные глаза. Что ж, несчастный ублюдок, подумал я про себя, гляди. Плевать.

Он смотрел, и глаза его стали совсем круглыми.

29 июня

До возвращения в лабораторию мне нужно закончить несколько собственных проектов, начатых после симпозиума. Позвонил Лангедорфу в институт новых методов обучения и поговорил с ним об использовании парного ядерного фотоэффекта в биофизике. Сначала он подумал, что звонит сумасшедший, но когда я указал ему на некоторые изъяны в его последней статье, он продержал меня у телефона почти час и, прощаясь, пригласил обсудить свои идеи с его группой. Может быть, я так и сделаю, когда покончу с лабораторией. Если у меня будет время. Это — главная проблема. Я не знаю, сколько у меня времени. Месяц? Год? Вся жизнь? Это зависит от того, что я узнаю о побочных психофизических эффектах эксперимента.

30 июня

Теперь у меня есть Фэй и я перестал бродить по улицам. Я дал ей ключ от своей квартиры. Она посмеивается над моим замком, я — над свалкой в ее квартире. Она предупредила, чтобы я не пытался переделать ее. Муж развелся с ней пять лет назад как раз потому, что она не утруждала себя подбирать вещи с пола и заботой о доме.

Так же она относится и ко всему, что считает неважным. Ей просто все равно. Однажды я обнаружил в углу за креслом пачку штрафных квитанций за стоянку в неполюженном месте. Штук сорок или пятьдесят. Я спросил, зачем она коллекционирует их.

— А, эти, — она рассмеялась. — Как только получу чек от бывшего мужа, надо будет заплатить. Представь себе, я держу их за креслом специально: когда я вижу их, меня начинает мучить совесть. Но можно ли винить бедную девушку? Куда не поедешь, везде повешаны знаки «Стоянка запрещена!». Стоянка запрещена! Я просто не могу заставить себя смотреть по сторонам каждый раз, когда хочу вылезти из машины.

Так что я пообещал, что не буду переделывать ее. С ней интересно. Великолепное чувство юмора. Но прежде всего — ее свобода и независимость. Единственное, от чего можно устать — от бесконечных танцев. На прошлой неделе мы каждый день плясали до трех ночи. У меня почти не остается сил.

Это чувство — не любовь, но я обнаружил, что начал по вечерам нетерпеливо ждать, когда же послышатся на лестнице ее шаги. Чарли больше не подсматривает за нами.

5 июля

Посвятил Фэй свой Первый концерт для фортепиано с оркестром. Она потрясена тем, что ей может быть что-то посвящено, но концерт Фэй не понравился. Что ж, нельзя иметь все сразу в одной женщине. Весомый аргумент в пользу полигамии.

Важно то, что сердце у нее доброе. Сегодня я узнал, почему Фэй осталась без денег в самом начале месяца. За неделю до моего появления она познакомилась в «Звездной пыли» с какой-то девицей, и та сказала, что у нее в городе совсем нет знакомых, что она сломлена и ей негде переночевать. Фэй пригласила ее к себе. Через два дня девица нашла в ящике стола двести тридцать два доллара и исчезла вместе с деньгами. Фэй не заявила в полицию, она не знала даже полного имени своей «подруги».

— Зачем мне идти в полицию? — вопрошала она. — Наверно, этой стерве действительно нужны были деньги, если она решила на кражу. Не стану же я ломать ей жизнь из-за пары сотен. Не то чтобы

они мне самой не нужны, но шкура ее мне тоже ни к чему. Понимаешь?

— Конечно.

Я никогда не встречал более открытого и доверчивого человеческого существа. Она — именно то, что нужно мне в данный момент. Я изголодался по простому человеческому общению.

8 июля

Времени для работы остается совсем ничего — крошечный промежуток между утренними похмельями и вечерними кривляниями в клубе. Только с помощью аспирина и какой-то адской смеси, которую Фэй самолично изобрела, мне удалось закончить лингвистический анализ глаголов языка урду и послать статью в «Международный лингвистический бюллетень».

Представляю, как толпы языковедов бросятся с магнитофонами в Индию — статья подрывает всю их методологию.

Не могу не восхищаться структурными лингвистами — выдумали для себя науку, которая зиждется на ухудшении письменных коммуникаций. Вот еще пример того, как люди посвящают свою жизнь все более полному изучению все более малого и заполняют тома и библиотеки лингвистическим анализом хрюкания. Пожалуйста, на здоровье, однако нельзя же это использовать как повод для подрыва стабильности языка.

Сегодня позвонила Алиса, хотела узнать, когда я вернусь. Я ответил, что мне нужно закончить несколько дел и что я надеюсь получить от фонда Уэлберга разрешение на самостоятельную работу. Все же она права — нельзя тратить время так бездумно.

Единственное желание Фэй — танцевать. Вчера вечером мы начали пить и плясать в клубе «Белая лошадь», потом перебрались в «Пещеру», а оттуда — в «Розовые шлепанцы»... После этого все окуталось туманом, но танцевали мы так, что я с ног валился от усталости. Кажется, я лучше стал переносить алкоголь, потому что Чарли появился, когда я уже здорово набрался. Помню только, что он успел сплясать довольно пошлую чечетку на сцене в «Аллаказаме». Ему долго аплодировали, потом администратор вышвырнул нас оттуда, а Фэй сказала, будто все уверены, что я — великий комик и что сцена, где я изображаю слабоумного, просто восхитительна. Остального не

помню, но мышцы спины жутко болят. Наверно, растяжение. Я думал, что от танцев, но Фэй уверяет, что я упал с проклятой кушетки.

Поведение Эдджернона снова становится хаотичным. У меня такое впечатление, что Минни боится его.

9 июля

Сегодня случилось нечто совершенно ужасное. Эдджернон укусил Фэй. Я просил, чтобы она не играла с ним, но ей всегда нравилось кормить мышку. Обычно, когда Фэй входила в комнату, он бежал ей навстречу, но сегодня все было иначе. Свернувшись в белый пушистый комок, Эдджернон лежал у дальней стенки. Фэй просунула внутрь руку, и он забился в угол. Ей захотелось выманить его, открыв дверь в лабиринт, и не успел я предупредить ее, как она совершила ошибку, попытавшись взять Эдджернона в руки. Он цапнул ее за палец, злобно посмотрел на нас и убежал в лабиринт.

Минни мы нашли в другом конце лабиринта, в комнатке для наград. Из ранки на ее груди капала кровь, но она была еще жива. Когда я захотел взять ее в руки, к нам ворвался Эдджернон и прямо-таки бросился на меня, ухватился зубами за рукав и висел, пока я не стряхнул его.

После этого он успокоился. Я наблюдал за ним целый час. Хотя он и продолжал решать новые проблемы без видимых наград, в действиях его появилась не свойственная ему раньше торопливость. Вместо прежних осторожных, но решительных движений по коридорам лабиринта — светливые, неконтролируемые броски. Раз за разом он поворачивает за угол слишком быстро и врезается в барьер.

Я не тороплюсь с выводами. Они будут зависеть от многих факторов. Обязательно нужно взять Эдджернона с собой в лабораторию. Получу ли я дотацию от фонда Уэлберга? Завтра утром позвоню Немуру.

Отчет № 15

12 июля

Немур, Штраус, Барт и еще несколько человек ждали меня в кабинете. Все постарались сделать вид, что рады мне, но трудно было не заметить, как хотелось, например, Барту забрать Эдджернона. Никто не сказал ничего плохого, однако я сознавал, что Немур не скоро простит меня за то, что я обратился в фонд Уэлберга через его голову. Ну и пусть. Мне нужна была уверенность, что я смогу вести свои собственные исследования. Если отчитываться перед Немуром в каждой мелочи, не хватит времени на работу.

Решение совета директоров фонда было уже известно ему, и потому прием носил прохладный и формальный характер. Он протянул мне руку, но улыбки на его лице не было.

— Чарли, — сказал Немур, — все мы рады твоему возвращению и предстоящей совместной работе. Лаборатория и персонал в твоём полном распоряжении. Вычислительный центр будет брать твои расчеты вне всякой очереди и, конечно, если я сам могу быть чем-нибудь полезен...

Немур изо всех сил старался казаться приветливым, но на лице его было написано сомнение. Прежде всего, я не имел никакого опыта в экспериментальной психологии. Что я знал о технической стороне эксперимента, на разработку которой он потратил столько лет? Но, как я уже упоминал, он старался казаться дружелюбным и готов был отложить свои суждения до будущих времен. У него просто не было выбора. Если не удастся объяснить поведение Эдджернона, вся его работа летит к чертям. В случае успеха я вознесу вместе с собой и всех остальных.

Я прошел в лабораторию, где Барт уже запустил Эдджернона в один из множества лабиринтов. Вздохнув и покачав головой, Барт сказал:

— Бедняга многое забыл. Такое впечатление, будто почти все самые сложные ответные реакции стерлись из его памяти. Он работает на весьма примитивном уровне.

— Тебе так кажется?

— Раньше он мог рассчитывать простые последовательности образов, например, что нужно входить только в каждую вторую дверь или в каждую третью, только в красную дверь или только в зеленую. Сейчас он проходит лабиринт уже в третий раз и все еще ошибается.

— А может, причина в том, что он просто давно здесь не был?

— Не исключено... Пусть пообвыкнется, а завтра посмотрим.

Раньше я много времени проводил в лаборатории, но теперь пришла пора оценить все ее возможности. За несколько дней мне предстояло усвоить то, на что у других уходили годы.

Барт четыре часа водил меня по комнатам, и я смог получить довольно цельное представление о месте, где мне предстояло работать. В самом конце обхода я заметил дверь, в которую мы еще не заглядывали.

— Что там?

— Холодильник и печь для сжигания. — Барт толкнул тяжелую дверь и включил свет. — Прежде чем сжечь умершее животное, мы его замораживаем. Помогает избавиться от запаха.

Он уже хотел выйти, но я остановил его.

— Только не Элджернона! Слушай... если... когда... в общем, я не хочу, чтобы он попал сюда... Отдай его мне, я сам позабочусь о нем.

Он не улыбнулся. Он только кивнул. Немур приказал ему исполнять все мои желания.

Наперегонки со временем. Если я хочу успеть получить ответы на свои вопросы, нельзя терять ни минуты. Я взял у Барта список необходимых книг, у Немура и Штрауса — их записи и уже собрался уходить, но тут мне в голову пришла странная мысль. Я спросил Немура:

— Объясните мне одно обстоятельство. Я видел вашу печь для сжигания погибших экспериментальных животных. Какие планы были у вас в отношении меня?

Мой вопрос ошеломил его.

— Что ты имеешь в виду?

— Я уверен, что вы с самого начала продумали все возможные варианты. Что должно было случиться со мной?

Профессор растерянно молчал, но я не унимался:

— Я вправе знать все, что имеет отношение к эксперименту. В этот перечень входит и моя собственная судьба.

— Что ж, не вижу причин отказывать тебе в этом. — Немур поднес спичку к уже дымящейся сигарете. — Ты, конечно, понимаешь, что мы были практически уверены в необратимости результатов эксперимента и до сих пор... есть надежда...

— Понимаю, понимаю...

— Конечно, в твоём случае мы взяли на себя большую ответственность. Не знаю, что ты помнишь о начале эксперимента или как отдельные его стадии складывались в твоём мозгу в единое целое, но мы ясно дали тебе понять, что повышение уровня разумности может оказаться временным.

— Да, это записано в отчетах, — согласился я. — Хотя в то время я вряд ли мог понять, что это означает.

— Мы решили рискнуть, — продолжал Немур, — поскольку чувствовали, что вероятность причинить тебе вред ничтожно мала, особенно по сравнению с вероятностью того, что ты станешь человеком.

— Не надо оправдываться.

— Нам нужно было получить разрешение на операцию от кого-то из твоих ближайших родственников. Решить этот вопрос сам ты был не в состоянии.

— Мне известно и это. Вы говорите о моей сестре Норме. Я читал газеты и вряд ли ошибусь, если предположу, что разрешение на экзекуцию она дала весьма охотно.

Немур поднял брови, но решил не заострять внимание на этих словах.

— Мы объяснили ей, что, если эксперимент провалится, вряд ли ты сможешь вернуться обратно в пекарню.

— Почему?

— Ты стал бы другим. Хирургическое вмешательство и инъекции гормонов могли дать эффект со значительной задержкой. На тебе могли оставить отпечаток впечатления и жизненный опыт, приобретенные уже после операции. Я имею в виду возможные эмоциональные расстройства, которые могут осложнить обычное слабоумие...

— Изумительно. Как будто у меня других забот не хватало.

— И еще... Неизвестно, вернешься ли ты в свое прежнее состояние. Не исключена регрессия и до более примитивного уровня.

Вот он и выдал мне самое худшее. Снял груз с души.

— Мне нужно узнать все, пока я еще в состоянии влиять на ход событий. Каковы были ваши дальнейшие планы?

— Фонд устроил все так, что тебя отослали бы в Уоррен.

— Какого черта?!

— В соглашении с мисс Гордон было оговорено, что все расходы по твоему содержанию возьмет на себя фонд Уэлберга. Он же обязался до конца твоей жизни выделять ежемесячно сумму, необходимую для твоих личных потребностей.

— Но почему туда? Когда умер дядя Герман, я ухитрился обходиться сам. Даже Доннер не допустил, чтобы меня забрали в Уоррен, я жил и работал у него. Почему мне предназначили именно Уоррен?

— Если ты сможешь заботиться о себе сам, никто не станет держать тебя там насильно. Людям разрешают жить отдельно в куда более тяжелых случаях... Но мы должны были обеспечить тебя — на всякий случай.

Конечно, он прав. Мне не на что жаловаться. Они подумали обо всем. Уоррен — самое логичное решение, там я смогу спокойно дожить до глубокой старости.

— Ну что же, по крайней мере это не печь.

— Что?

— Не обращайтесь внимания. Шутка. — Мне пришла в голову мысль. — Скажите, можно ли посмотреть лечебницу в Уоррене? В качестве посетителя.

— У них там все время посетители. В рамках взаимоотношений с общественностью. Но зачем?

— Мне хочется узнать, что произойдет со мной, пока я еще могу что-то изменить. Пожалуйста, организуйте мне такое посещение, и чем скорее, тем лучше.

Видно было, что идея ему не по вкусу. Как будто я примерял собственный гроб. Не могу винить профессора. Он просто не понимает, что познание самого себя включает не только прошлое, но и будущее, не только те места, где я был, но и те, где буду. Я не только *некто*, но и способ существования этого *некто* — один из многих

способов, и мне необходимо не только знание той дороги, по которой я иду, но и всех возможных дорог.

На несколько дней я погрузился в книги: клиническая психология, психометрия, обучение, экспериментальная психология, психология животных, физиологическая психология, теория поведения. Аналитические, функциональные, динамические, органистические и все прочие древние и новые учения, школы и течения. Плохо то, что большинство идей, на которых психологи строят свои заключения о человеческом разуме и памяти, представляют собой ничем не подкрепленные умозаключения.

Фэй хочет посмотреть лабораторию, но я запретил ей. Не хватало только, чтобы она столкнулась тут с Алисой. Как будто у меня других забот нет.

Отчет № 16

14 июля

День для поездки в Уоррен я выбрал явно неудачный — серый и дождливый — и этим отчасти объясняется тяжелый осадок, с которым связаны воспоминания о нем. Хотя не исключено, что я просто обманываю себя, и сумеречное состояние духа объясняется тем, что я и сам могу оказаться в лечебнице. Автомобиль я одолжил у Барта. Алиса хотела поехать со мной, но она помешала бы мне. Фэй я вообще не сказал, куда направляюсь.

Полтора часа езды привели меня в фермерскую общину Уоррен, Лонг-Айленд. Найти нужное мне место не составило труда. Широко раскинувшееся серое поместье являло миру только вход в него — два бетонных столба по сторонам боковой дороги и до блеска отполированная медная табличка:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕЧЕБНИЦА
СПЕЦИАЛЬНАЯ ШКОЛА
УОРРЕН**

Знак у дороги гласил, что скорость ограничена пятнадцатью мильями в час, и в поисках административного здания я медленно повел машину мимо серых домов.

Через луг по направлению ко мне двигался трактор, на котором, кроме водителя, примостились еще двое. Я высунулся в окно и крикнул:

— Не подскажете ли, где найти мистера Уинслоу?

Водитель остановил свою машину и показал рукой:

— Главный госпиталь. Поверните налево, и он окажется справа от вас.

Я не мог не обратить внимания на прицепившегося сзади к трактору молодого человека, на чьем небритом лице блуждала тень пустой улыбки. На голове его была матросская шляпа с широкими, по-мальчишески загнутыми полями, защищавшая глаза от солнца. На мгновение я поймал его вопросительный взгляд и сразу отвел глаза.

Когда трактор затарахтел дальше, я заметил в зеркале, что человек не сводит с меня любопытных глаз. Он до того был похож на Чарли, что мне стало не по себе.

Главный психолог удивил меня своей молодостью. Он оказался высоким, стройным мужчиной, и хотя лицо его выглядело усталым, в голубых глазах читались воля и решительность.

Он показал мне свои «владения» из окна собственного автомобиля — залы для развлечений, больницу, школу и двухэтажные кирпичные здания, в которых обитали пациенты и которые он называл коттеджами.

— Почему не видно забора? — спросил я.

— А его и нет. Только ворота и живая изгородь для защиты от праздношатающихся.

— Но как вы охраняете... их... Они ведь могут уйти...

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Да, некоторые уходят, но большинство возвращаются.

— Вы разыскиваете их?

Уинслоу посмотрел на меня так, словно почувствовал, что в моих вопросах скрыто нечто большее, чем пустое любопытство.

— Нет. Если у них случаются неприятности, мы очень быстро узнаем об этом от соседей-фермеров. Или полиция привозит их обратно.

— А если нет?

— Тогда нам остается только предполагать, что они нашли некий удовлетворяющий их способ существования... Поймите меня правильно, мистер Гордон, это не тюрьма. Власти требуют, чтобы мы предпринимали все мыслимые усилия для предотвращения побегов, но мы не в состоянии постоянно держать под наблюдением четыре тысячи человек. Бегут в основном легкие пациенты, хотя их у нас становится все меньше и меньше. В последнее время наш главный контингент составляют больные с повреждениями мозга, требующие неусыпного надзора, но для остальных свобода передвижения не ограничена. Побыв на «воле» неделю-другую и поняв, что там для них нет *ничего* хорошего, беглецы возвращаются. Общество отвергает их и не затрудняется в выборе средств, чтобы дать им понять это.

Мы выбрались из машины и подошли к одному из коттеджей. Стены внутри были выложены белой плиткой, пахло хлоркой. Из

холла первого этажа дверь вела в большой зал, в нем несколько десятков мальчишек сидели на расставленных вдоль стен скамейках и ждали, когда звон колокольчика позовет их к ленчу. Первым, на кого упал мой взгляд, был один из старших ребят — он сидел в углу и баюкал на коленях голову другого, лет четырнадцати. При нашем появлении все лица повернулись к нам, а самые храбрые из мальчишек подошли и уставились на меня.

— Не бойтесь, — сказал Уинслоу, заметив выражение моего лица, — они не сделают вам ничего плохого.

К нам подошла заведующая отделением — крупная, красивая женщина. Рукава ее рубашки были закатаны до локтей, а поверх накрахмаленной белой юбки был повязан фартук. На поясе позвякивала связка ключей. Когда она повернула голову, я заметил, что одна сторона ее лица покрыта багрово-красным родимым пятном. Она сказала:

— Мы никого не ждали сегодня, Рэй. Ведь обычно ты всегда приводишь посетителей по четвергам.

— Это мистер Гордон, из университета Бекмана. Ему хочется оглядеться вокруг и получить представление о нашей работе... А что касается тебя, Тельма, я же знаю, что тебе все равно, какой сегодня день, любой хорош.

— Точно! — громко и весело засмеялась Тельма. — Но по средам мы меняем матрасы, и по четвергам тут пахнет значительно лучше.

Я заметил, что пряча родимое пятно, Тельма старалась держаться слева от меня. Она показала мне спальни, прачечную, кладовую, обеденный зал — столы были уже накрыты и ждали только, когда еду доставят из центральной кухни. Разговаривая, Тельма улыбалась, и пучок волос на голове делал ее похожей на танцовщицу Лотрека. Она ни разу не посмотрела мне в глаза. Интересно, на что будет похожа жизнь, доведись Тельме надзирать за мной?

— Им хорошо у нас, — сказала она. — Но знаете... Триста ребят, по семьдесят пять в отделении, а нас, чтобы присматривать за ними, всего пятеро. Так трудно держать их в узде! Но все равно здесь куда лучше, чем в «грязных» коттеджах. Вот там люди долго не задерживаются. С младенцами как-то не обращаешь на это внимания, а вот когда дети взрослеют и все так же делают под себя...

— Мне кажется, вы очень хороший человек, — сказал я. — Ребятам повезло с вами.

Она довольно улыбнулась, глядя все так же перед собой.

— Я не лучше и не хуже остальных. Просто мне нравятся эти ребята. Конечно, работа нелегкая, но стоит подумать, как ты нужна им... — Улыбка исчезла. — Нормальные дети слишком быстро вырастают... уходят... забывают тех, кто любил их и заботился о них. Но эти... Им нужно отдавать всего себя, всю жизнь. — Она снова улыбнулась, словно устыдившись собственных слов. Тяжелая работа, но стоящая.

Внизу, где нас ждал Уинслоу, прозвенел колокольчик, и ребята потянулись в столовую. Я заметил, что парень, который держал младшего на коленях, ведет его к столу за руку.

— Интересно, — сказал я, кивнув в их сторону. Уинслоу тоже кивнул.

— Джерри, это большой, а второй — Дасти. Мы часто видим такое. Ни у кого нет для них времени, и они начинают искать доброту и любовь друг в друге...

Дальше наш путь лежал к школе, и когда мы проходили мимо одного из коттеджей, до нас донесся громкий то ли вопль, то ли стон, которому тут же ответило еще несколько голосов. Окна этого здания были забраны решетками.

Впервые за утро я заметил в поведении Уинслоу некоторую неуверенность.

Он объяснил:

— Коттедж «К» со специальными мерами безопасности. Легковозбудимые больные, при малейшей возможности причиняют увечья себе или друг другу. Они постоянно заперты.

— Буйные пациенты здесь, у вас?! Разве их место не в психиатрических больницах?

— Конечно, конечно... Но как определить границы такого состояния? Некоторые из них далеко не сразу проявляют подобные склонности, некоторых определил сюда суд, и мы просто вынуждены были принять их. Настоящая беда в том, что нигде ни для кого нет места. Знаете, сколько народа ждет очереди к нам? Тысяча четыреста человек. В конце года мы, *может быть*, примем из них человек двадцать-тридцать.

— Где же сейчас эти тысяча четыреста?

— Дома. Или еще где-нибудь. Ждут... Наши проблемы несколько отличаются от обычной нехватки больничных коек. Больные обычно остаются здесь до конца жизни.

Мы подошли к новой школе, одноэтажному зданию из стекла и бетона, с большими светлыми окнами, и я попытался представить, каково будет ходить по его коридорам в качестве пациента, стоять в очереди в классную комнату в компании себе подобных. Может быть, я стану одним из тех, кто везет своего собрата по несчастью в инвалидной коляске, или ведет кого-то за руку, или баюкает на коленях маленького мальчика...

В столярной мастерской группа старших ребят делала сиденья для парт, и когда мы вошли, они тут же с любопытством окружили нас. Учитель отложил пилу и тоже подошел.

— Это мистер Гордон из университета Бекмана, — представил меня Уинслоу. — Хочет посмотреть наших больных. Подумывает, не купить ли мне наше заведение.

Учитель рассмеялся и махнул рукой в сторону своих учеников:

— С-с-согласны. Т-только ему п-п-придется т-т-тогда забрать и нас. А н-нам н-нужно б-будет м-много д-дерева д-д-для работы.

Он начал показывать мне мастерскую, и я заметил, какие необычно молчаливые здесь ученики. Они работали — ошкуривали скамейки, полировали их, но не разговаривали.

— Это м-мои т-тихони, — почувствовав мое недоумение, сказал учитель. — Г-г-глухо-н-немые.

— У нас их сто шесть, — добавил Уинслоу. — Их обучение финансирует федеральное правительство.

Просто удивительно! Насколько меньше дано им, чем другим людям! Умственно отсталые, глухие, немые — и с таким рвением полируют скамейки!

Один из ребят — он зажимал кусок дерева в тиски — оставил свое занятие, хлопнул Уинслоу по плечу и показал рукой в угол, где на полках сохли уже законченные изделия. Он указал на подставку для лампы на второй полке, потом на себя. Это была неуклюжая подставка, неумело сделанная, кособокая, лак на ней расплылся неровными пятнами. Уинслоу и учитель с энтузиазмом стали хвалить его. Юноша

гордо улыбнулся и посмотрел на меня, ожидая, что я тоже присоединюсь к хору похвал.

Я кивнул и, преувеличенно четко выговаривая слова, сказал:

— Очень хорошо... Просто прекрасно...

Я сказал это, потому что он нуждался в моих словах, но в душе моей была пустота. Юноша улыбнулся и слегка коснулся моего рукава. Так он говорил мне «До свиданья». Сердце мое сжалось, и пока мы не вышли из мастерской, мне стоило огромного труда не расплакаться от жалости к нему.

Директором школы оказалась невысокая пухлая дама, совсем не строгая на вид. Она усадила меня перед плакатом, на котором аккуратными буквами были выписаны различные типы пациентов, а также число учителей и перечень предметов, предназначенных для каждой из групп.

— Конечно, — объяснила она, — теперь у нас мало пациентов с высоким КИ. Тех, у кого он от шестидесяти до семидесяти, все чаще и чаще обучают в обычных школах, правда, в специальных классах. Общество в какой-то степени заботится о них. Большинство вполне способны жить самостоятельно в приютах, общежитиях, работать на фермах, заниматься ручным трудом на фабриках или в прачечных...

— Или в пекарнях, — подсказал я.

Директриса задумалась.

— Да, мне кажется, это не выходит за пределы их возможностей... Мы делим наших детей — независимо от возраста я всех их называю детьми — на «чистых» и «грязных». Когда в коттедже пациенты только одного типа, ими значительно легче управлять. Некоторые из «грязных» — пациенты со значительными повреждениями мозга и обречены лежать, пока жизнь их не кончится...

— Или пока наука не найдет способа помочь им.

— Боюсь, — сказала директриса, — что этим уже ничто не поможет.

— Нельзя терять надежды.

Она растерянно, но вместе с тем пристально посмотрела на меня.

— Да, да, конечно, вы правы... Надежда — это главное...

Я нарушил ее душевный покой и улыбнулся про себя, подумав, в какую категорию запишет она меня: «чистых»? Или нет?

Мы вернулись в кабинет Уинслоу. Он заварил кофе и повел речь о своей работе.

— Это неплохое место. У нас нет штатного психиатра, только консультант, он появляется раз в две недели. В общем, это не имеет значения. Все наши психологи работают, не щадя себя. Можно было бы нанять и психиатра, но на те же деньги я держу двух психологов — людей, которые не боятся отдать нашим пациентам частицу самого себя.

— Что вы имеет в виду под «частицей самого себя»?

Сквозь усталость Уинслоу мелькнуло раздражение и в голосе появились недовольные нотки.

— Масса людей дает нам деньги или оборудование, но мало кто способен отдать время и чувства. Вот что я имею в виду!

Он показал на пустую детскую бутылочку, стоящую на книжной полке. Я сказал, что уже обратил на нее внимание.

— Так вот, многие ли из ваших знакомых готовы взять на руки взрослого мужчину и кормить его из этой самой бутылочки, рискуя оказаться при этом обделанными с ног до головы? Вы удивлены! Вы не можете понять этого, сидя в своей научно-исследовательской башне из слоновой кости. Откуда вам знать, что значит быть отрезанным от человечества?

Тут уж я не мог сдержать улыбки.

Уинслоу сразу же встал и ледяным тоном попрощался со мной. Если я в конце концов попаду сюда и он узнает мою историю, он поймет. Такой человек способен понять.

Я вел машину в Нью-Йорк, и ощущение холодной серости вокруг меня дополнилось внутренней отрешенностью от всего. Никто из тех, с кем я говорил, ни словом не упомянул об излечении своих больных, о возможности того, что когда-нибудь их можно будет вернуть обществу... и самим себе. Ни единого слова надежды. Пациенты были для них живыми мертвецами — нет, хуже, никогда не жившими людьми, обреченными бездумно воспринимать пространство и время в бесконечном чередовании дня и ночи.

Я вспомнил хозяйку дома — женщину с багрово-красной родинкой в пол-лица, заику-учителя, добрую директрису, молодого психолога с усталым лицом. Как они нашли дорогу сюда, чтобы посвятить себя служению этим молчаливым умам? Подобно парню, державшему на

руках младшего собрата, каждый из них нашел смысл жизни в том, чтобы отдать часть ее обделенным жизнью.

...А коттеджи, которые мне не показали?

Может быть, и я вернусь сюда и проведу в Уоррене остаток жизни. В ожидании...

15 июля

Раз за разом откладываю встречу с матерью. Мне ужасно хочется повидать ее, но я понимаю, что пока не разберусь, что же собственно ждет меня, проку от этой встречи будет мало.

Элджернон отказывается бегать по лабиринту, никакая награда на него не действует. Сегодня я зашел посмотреть на него и столкнулся с Немуром и Штраусом, они с обеспокоенным видом наблюдали, как Барт насильно кормит его. Странно видеть этот белый пушистый комочек привязанным к лабораторному столу и Барта, склонившегося над ним с пипеткой в руке.

Если и дальше будет так, придется поддерживать в нем жизнь инъекциями. Не сводя глаз с извивающегося под ремешками Элджернона, я представил, как они охватывают мои собственные руки... ноги... Я начал задыхаться и в поисках свежего воздуха выскочил из лаборатории. Пора бы перестать отождествлять себя с ним.

Я зашел в бар Мюррея и выпил, потом позвонил Фэй, и мы совершили обычный обход зланных мест. Фэй раздражена тем, что я перестал выводить ее на танцы. Вчера вечером она разозлилась и ушла, не попрощавшись. Она не имеет ни малейшего представления о моей работе. Ей просто наплевать на нее, но мне трудно винить в этом Фэй. Ее интересуют только три вещи — танцы, живопись и секс. Единственное, что способен разделить с ней я, — это секс. Глупо даже пытаться заинтересовать ее своей работой. Так что она ходит танцевать без меня. Позавчера она рассказала, что ей приснилось, будто она подожгла все мои книги и записи и как мы потом весело плясали вокруг костра. Нужно быть с ней поосторожнее — она начинает предъявлять требования. Я только что осознал, что моя квартира стала походить на квартиру Фэй, постепенно превращаясь в грязную свалку. И я слишком пью.

16 июля

Вчера вечером Алиса и Фэй наконец-то встретились. Алиса пришла, узнав от Барта, что произошло с Элджерноном. Она догадывается, что это может означать, а кроме того, чувствует себя виноватой в том, что отравила меня в это дело.

Мы долго пили кофе и разговаривали. Я знал, что Фэй умчалась в «Звездную пыль» и не ждал ее так рано. Однако примерно без четверти два мы были сражены внезапным появлением моей соседки на пожарной лестнице. Она постучала в окно, открыла его, влезла и, вальсируя, прошла по комнате с бутылкой в руке.

— Устроим вечеринку. Я принесла свою долю.

Я уже рассказывал ей, что Алиса тоже работает в университете, и упоминал Алисе о существовании Фэй — так что встреча не оказалась для них неожиданной. Бросив друг на друга несколько оценивающих взглядов, они заговорили об искусстве, обо мне и, казалось, забыли о моем присутствии. Да, они понравились друг другу.

— Надо еще кофе сварить, — пробормотал я и поплелся на кухню, оставив женщин наедине.

Когда я вернулся, Фэй уже сняла туфли и сидела на полу, отхлебывая джин из бутылки. При этом она объясняла Алисе, что, по ее глубокому убеждению, для человеческого тела нет ничего лучше солнечного загара и что колонии нудистов — готовое решение моральных проблем человечества.

Алиса несколько нервно посмеялась над предложением присоединиться к упомянутой колонии и приняла от Фэй стаканчик с выпивкой.

Мы просидели почти до утра, и мне захотелось проводить Алису домой. Она попыталась сказать, что в этом нет надобности, но Фэй тут же заявила, что только совершенная дура может выйти в такой час одна на улицу. Я вышел из дома и поймал такси.

По дороге Алиса сказала:

— Что-то в ней есть. Не знаю, что именно... Открытость, откровенность, полное отсутствие эгоизма...

С этим я не мог не согласиться.

— И она любит тебя.

— Нет. Она любит всех, а я — всего лишь сосед по лестничной клетке.

— А ты любишь ее?

— Единственная женщина, кого я любил и люблю, — это ты.

— Давай не будем говорить об этом.

— Ты лишаешь меня интереснейшей темы для разговора.

— Чарли, меня очень беспокоит твое пьянство. Я знаю кое-что об этих похмельях...

— Передай Барту, чтобы он хранил свои наблюдения и выводы в соответствующих рабочих журналах. Я не позволю ему настраивать нас друг против друга! Я сам знаю, сколько мне можно пить!

— Мне уже приходилось слышать такое.

— Но не от меня.

— Это — единственное, что мне не нравится в Фэй. Она заставляет тебя пить и мешает работать!

— С этим я тоже справлюсь.

— Чарли, твоя работа важна не только для человечества вообще, но и для тебя самого! Не позволяй связывать себе руки!

— Вот когда правда выходит наружу, — поддразнил ее я. — Просто тебе хочется, чтобы я пореже с ней виделся.

— Я этого не говорила!

— Подразумевала. Если Фэй и в самом деле помеха, я вычеркну ее из жизни.

— Ну, зачем же так сразу... Она — то, что тебе нужно. Женщина, много повидавшая в жизни.

— Мне нужна ты!

Алиса отвернулась.

— Но не так, как она.

Она снова посмотрела на меня.

— Сегодня я пришла к тебе, готовая возненавидеть ее. Мне хотелось увидеть ее злобной, глупой шлюхой, и у меня были грандиозные планы насчет того, как я встану между вами и вырву тебя из ее когтей. Но, поговорив с ней, я поняла, что не имею права судить. Я лишилась уверенности в себе. Она нравится мне... хотя ее поведение... Все равно, если тебе приходится пить с ней и проводить время в кабаках, — она стоит на твоём пути! Эта проблема мне не по зубам, ее можешь решить только ты сам.

— Опять? — рассмеялся я.

— Не отрицай, что ты глубоко увлечен ею!

— Не так уж глубоко.

— Ты рассказывал ей о себе?

— Нет, — ответил я и сразу увидел, что Алиса успокоилась. То, что я не выдал Фэй своего секрета, означало, что я не посвятил себя ей полностью. Мы оба знали — какой бы расчудесной ни была Фэй, она не поняла бы ничего.

— Я нуждался в ней, и не знаю почему она тоже нуждалась во мне. Мы оказались соседями — что ж, это было удобно. Вот и все. Разве это любовь? Это совсем не то, что существует между нами.

Алиса внимательно рассматривала свои ногти.

— И что же существует между нами?

— Нечто настолько глубокое и важное, что Чарли внутри меня приходит в ужас при мысли о том, что мы можем провести ночь вместе.

— Но не с ней?

— Именно поэтому я и знаю, что это не любовь — Фэй ровным счетом ничего не значит для Чарли.

Алиса рассмеялась:

— Прекрасно! И сколько иронии! Когда ты так говоришь, я ненавижу его. Как тебе кажется, разрешит он нам...

— Не знаю. Надеюсь.

Прощаясь, мы пожали друг другу руки и, странно, жест этот оказался куда более нежным и интимным, чем возможные объятия.

27 июля

Работаю круглые сутки. Не взирая на протесты Фэй, в лаборатории поставили для меня диван. Она стала слишком властной и обидчивой. Мне кажется, она стерпела бы присутствие другой женщины, но полная самоотдача в работе выше ее понимания. Я, хоть и был готов к этому, начинаю терять терпение. Каждая минута, отданная работе, бесценна, нельзя красть мое время.

Расчет уровня умственного развития — восхитительное занятие. С этой проблемой я так или иначе сталкиваюсь всю жизнь. Именно она — точка приложения всех моих знаний.

Время приобретает иное значение. Мир вокруг и прошлое кажутся далекими и искаженными, словно время и пространство растянуты, перепутаны, искривлены до неузнаваемости. Реальны только клетки, мыши и приборы в лаборатории на четвертом этаже главного корпуса.

Нет ни дня, ни ночи. Как впахнуть в несколько недель всю жизнь ученого? Я понимаю, что надо иногда отдохнуть, расслабиться, но не могу позволить себе этого до тех пор, пока не узнаю, что же происходит со мной.

Алиса — вот кто настоящий помощник. Она носит мне кофе с бутербродами и ничего не требует.

О моем восприятии: все ясно и четко, каждое ощущение поднято на небывалую высоту и высвечено так, что красные, желтые и голубые цвета буквально полыхают. То, что я сплю здесь, производит странный эффект: запахи лабораторных животных — собак, обезьян, мышей — возвращают меня в прошлое, и трудно понять, испытываю я новые впечатления или вспоминаю старые... Невозможно определить их соотношение, и я оказываюсь в странной мешанине прошлого и настоящего, ответных реакций, хранящихся в памяти, и ответных реакций на происходящее в комнате. Словно все, что я знаю, сплывилось в некую кристаллическую вселенную, она вращается передо мной, и на ее гранях вспыхивают изумительные по красоте сполохи света...

...В середине клетки сидит обезьяна и смотрит на меня сонными глазами, подпирая щеки маленькими, по-стариковски сморщенными кулачками... Чини... чини... чини... Вдруг она взлетает по прутьям клетки вверх, к качелям, где, тупо уставившись в пространство, сидит другая обезьяна.

Она мечется по клетке, раскачивается и хочет схватить другую обезьяну за хвост, но та все время убирает его, без суеты, спокойно. Чудесная обезьяна... Красивая обезьяна... с огромными глазами и длинным хвостом. Можно мне дать ей орех? Нет, вон тот раскричится. Там написано, что нельзя кормить животных. Это шимпанзе. Можно погладить его? Нет. Я хочу погладить ши-па-зе. Ну, хватит, пойдем посмотрим слона.

Толпы ярких солнечных людей одеты в весну.

Элджернон неподвижно лежит в куче нечистот, и запах становится невыносимым.

Что же будет со мной?

Фэй завела себе нового приятеля. Вчера вечером я зашел домой, чтобы побыть с ней. Заглянул в свою квартиру, взял бутылку и вылез на пожарную лестницу. К счастью, прежде чем влезть к Фэй, я заглянул в окно. Они развлекались на кушетке. Странно, но меня это не только не трогает, я испытываю прямо-таки облегчение.

Я вернулся в лабораторию, к Эджернону. Бывают моменты, когда он выходит из летаргии, а иногда даже бегаёт по лабиринту, но если заходит при этом в тупик, реакцию его можно описать только как безудержную злобу. Когда я вошел, он был оживлен и узнал меня. Ему хотелось работать, я пересадил его из клетки в лабиринт, и он быстро побежал по коридорам. Дважды он проделал это успешно, но на третий раз запутался на перекрестке, замешкался и повернул не в ту сторону. Я знал, чем это кончится, мне захотелось протянуть руку и забрать его оттуда прежде, чем он запутается окончательно, но я сдержался.

Вот Эджернон обнаружил, что двигается по незнакомой тропинке, остановился. Действия его стали хаотичными: старт, пауза, поворот назад, еще поворот, снова вперед... и так до тех пор, пока он не оказался в тупике и легкий электрический удар не оповестил его об ошибке. Он забегал кругами, издавая похожий на скрип граммофонной иглы писк, потом начал бросаться на стену лабиринта, снова и снова, подпрыгивая вверх, падая и снова прыгая. Дважды ему удавалось зацепиться коготками за проволочную сетку, прикрывавшую лабиринт сверху, и оба раза он, громко вереща, срывался. Наконец он прекратил тщетные попытки и свернулся в маленький, тугой комочек.

Я поднял его, но он не сделал ни малейшей попытки развернуться, оставаясь в состоянии, похожем на ктатонический ступор. Я положил его обратно в клетку и наблюдал за ним, пока он не пришел в себя и не начал двигаться нормально.

Непонятно, что представляет собой подобная регрессия — особый случай? Изолированная реакция? Или в самой процедуре изначально заложен принцип, обрекающий нас на неудачу?

Если мне удастся понять закономерность, добавить хоть одну запятую к тому, что уже известно об умственной отсталости и возможности излечения таких, как я, я буду удовлетворен. Что бы ни случилось со мной, я проживу тысячу нормальных жизней лишь тем, что смогу дать другим, еще не родившимся.

Этого хватит.

31 июля

Я на самом вершине и сознаю это. Всем вокруг кажется, что я убиваю себя работой, но они не понимают, что сейчас я живу на самой вершине ясности и красоты, о существовании которой и не подозревал. Все мои составляющие настроены на работу. Днем я впитываю, а вечерами — в моменты, прежде чем провалиться в сон, — идеи фейерверком взрываются в голове. Нет в мире большего наслаждения.

Невозможно поверить, что произойдет нечто такое, что истощит эту кипящую энергию, рвение, наполняющее все мои дела. словно все знания, приобретенные мной в последние месяцы, соединились и вознесли меня на вершину света и понимания. Это истина, любовь и красота, сплавленные воедино. Это наслаждение. Как смогу я отказаться от всего этого? Жизнь и работа — лучше этого человек не может иметь *ничего*. Ответы уже внутри меня, и скоро, очень скоро они ворвутся и в мой мозг. Если бы только мне удалось решить одну крохотную проблему! Я молюсь, чтобы ее решение оказалось именно тем, чего мне не хватает. Но чем бы оно ни оказалось, я постараюсь быть благодарным за него.

Оказывается, новый приятель Фэй работает учителем танцев в «Звездной пыли». У меня не осталось времени для нее, а она ни в чем передо мной не виновата.

11 августа

Последние два дня — тупик. Ничего. Где-то я свернул не туда. Я получаю уйму ответов на разнообразнейшие вопросы, кроме самого главного — каким образом регрессия Элджернона связана с основными теоретическими предпосылками эксперимента.

К счастью, мне достаточно известно о работе мозга, чтобы мучиться впустую. Я не поддамся панике и не сдамся (или что еще хуже — не начну искать ответы там, где их нет). Я перестану думать о проблеме и дам ей созреть. Возможности сознательного уровня исчерпаны, так что пусть поработает таинственное подсознание. Удивительно, как все мои силы концентрируются на одной-единственной задаче. Но если я поддамся этому чувству и начну отдавать все силы ей одной, это ничему не поможет. Интересно,

сколько загадок остались нерешенными только из-за того, что ученые или слишком мало знали, или слишком верили в себя и возможности управления процессом созидания?

Я решил ненадолго оторваться от работы и сходить на коктейль, который миссис Немур устраивала в честь двух членов совета директоров фонда Уэлберга, чьи голоса имели решающее значение при распределении дотаций.

Я пригласил Фэй, но она сказала, что у нее свидание и вообще она лучше пойдет потанцует.

Вечер я начал с благим намерением быть приятным собеседником и завести новых друзей. В последнее время у меня возникает много трудностей в общении с людьми. Не знаю, кто больше виноват в этом, но любой разговор, затеянный мной, иссякает уже через две минуты. Почему? Неужели меня боятся?

Я взял бокал и отправился в путешествие по огромной гостиной. Несколько маленьких компаний оживленно что-то обсуждали. Присоединиться к такой группе для меня — дело совершенно невозможное. В конце концов миссис Немур загнала меня в угол и представила Хайраму Харви, одному из директоров. Миссис Немур — привлекательная женщина: сорок или чуть больше, светлые волосы, много косметики и длинные ярко-красные ногти. Уцепившись за локоть Харви, она осведомилась у меня:

— Как продвигается работа?

— Хорошо, благодарю вас. Как раз сейчас я бьюсь над довольно трудной задачей.

Она улыbnулась и закурила.

— Все очень благодарны вам за помощь. Правда, мне представляется, что вы охотнее занялись бы какой-нибудь собственной темой. По-моему, куда интереснее создавать что-то свое, чем заканчивать работу, начатую другими.

Надо отдать ей должное, она ни на секунду не давала Харви забыть, что именно ее муж должен получать кредиты. Я не мог удержаться от искушения ответить в том же стиле.

— Никто не в состоянии предложить нечто *совершенно* новое, миссис Немур. Каждый исследователь начинает работу на развалинах идей предшественников. Значение имеет только конечный вклад в сумму знаний.

— Конечно, конечно, — она говорила, скорее, со своим пожилым гостем. — Жаль, что мистера Гордона не было с нами с самого начала. О... — она рассмеялась, — простите, я совсем забыла, вряд ли вы были тогда в состоянии заниматься психологическими исследованиями.

Харви тоже улыбнулся, и я решил промолчать. Нельзя, чтобы последнее слово осталось за мной. Это будет действительно плохо.

Я заметил Штрауса и Барта. Они беседовала с Джорджем Рейнором — вторым человеком в фонде Уэлберга. Штраус говорил:

— Мистер Рейнор, основная трудность в таких исследованиях — получить деньги и не оказаться связанным по рукам и ногам требованием практических результатов. Когда кредиты выдаются под строго определенные цели, мы практически не в состоянии работать.

Рейнор покачал головой и помахал огромной сигарой.

— Наоборот, проблема как раз в том, чтобы убедить совет директоров в чисто практической ценности работы!

Пришла очередь Немура покачать головой.

— Я хочу сказать, что иногда можно и нужно давать деньги и на фундаментальные исследования. Никому не под силу сказать заранее, будет ли какая-нибудь работа иметь практическое значение, ведь довольно часто результаты получаются отрицательными. А вот для ученого, идущего по нашим стопам, такой результат равносильен положительному. По крайней мере он будет знать, чего ему не надо делать.

Я подошел к ним поближе и заметил жену Рейнора — ослепительно красивую брюнетку лет тридцати. Она пристально смотрела на меня, нет, скорее, на мою макушку, словно ожидая, что там вот-вот что-нибудь вырастет. Я в свою очередь уставился на нее. Она покраснела, повернулась к Штраусу и спросила:

— Что вы можете сказать о своей теперешней работе? Будет ли ваша методика применяться для лечения других слабоумных?

Штраус пожал плечами и кивком указал на меня.

— Пока об этом еще рано говорить. Ваш муж помог Чарли подключиться к нашей работе, и многое зависит от того, что у него получится.

— Конечно, — вставил Рейнор, — важность чистых исследований в вашей области неоспорима. Но подумайте только, как поднимется

мнение о нас, если удастся разработать метод, позволяющий получать устойчивые результаты вне стен лаборатории, если мы сможем показать миру, что наши деньги помогли получить вполне ощутимые результаты!

Я открыл было рот, но Штраус, почувствовав, что я собираюсь сказать, сделал шаг вперед и положил руку мне на плечо.

— Мы все чувствуем, что работа, которую ведет Чарли, имеет огромное значение. Его задача — установить истину, какой бы она ни оказалась. А отношения с публикой и просвещение общества мы с удовольствием предоставим вам.

Он улыбнулся Рейнорам и потащил меня прочь от них.

— Я не собирался говорить ничего подобного, — сказал я.

— Естественно, — прошептал он, не выпуская моего локтя. — По блеску в твоих глазах я догадался, тебе нейдет порубить их на мелкие части. Разве я мог допустить это?

— Наверно, нет, — согласился я, беря с подноса новый бокал martini.

— Тебе нельзя пить так много.

— Знаю... но мне хочется расслабиться, и, кажется, я выбрал для этого не совсем подходящее место.

— Успокойся, — сказал Штраус, — и постарайся ни с кем не поругаться. Эти люди отнюдь не идиоты. Они знают, какие ты питаешь к ним чувства, но даже если они не нужны тебе, то мы без них — ничто!

Я отсалютовал Штраусу бокалом.

— Попробую, но не подпускай ко мне миссис Рейнор. Если она еще раз вильнет передо мной задницей, я дам ей пинка.

— Ш-ш-ш! — прошипел Штраус. — Она услышит.

— Ш-ш-ш, — эхом отозвался я. — Прости. Пойду посижу в уголке и не буду путаться под ногами.

На меня словно упала пелена, но сквозь нее я замечал, что люди смотрят в мою сторону. Кажется, я разговаривал сам с собой, но слишком громко. Не, помню, что я бормотал. Немного погодя у меня появилось чувство, что гости уходят слишком рано, но я не обращал на это внимания, пока не подошел Немур и не встал прямо передо мной.

— Какого черта! Как ты мог позволить себе такое!? Никогда в жизни не слышал столько грубостей за один вечер!

Штраус попробовал остановить его, но было уже поздно. Брызгая слюной, Немур крикнул:

— В тебе нет ни капли благодарности! Ты не понимаешь, что происходит вокруг! Ты в неоплатном долгу перед этими людьми! Ты должен им куда больше, чем можешь себе представить!

— С каких это пор от морской свинки требуют благодарности? Я послужил вашим целям, а теперь пытаюсь разобраться в ошибках, которые вы понаделали... Каким это образом я оказался в должниках?

Штраус снова попробовал вклиниться в разговор. Но Немур оборвал его на полуслове:

— Минуточку! Мне хочется услышать все до конца! Пусть наконец выскажется!

— Он слишком много выпил, — сказала его жена.

— Не так уж и много, — фыркнул Немур. — Он выражается как нельзя более ясно. Он вконец запутал, если уже не уничтожил, всю нашу работу. Мне хочется услышать оправдания из его собственных уст!

— Оставим это, — сказал я. — Вряд ли вам захочется узнать правду.

— Ошибаешься, Чарли! Захочется! По крайней мере твою версию правды. Я хочу узнать, благодарен ли ты за те способности, что проснулись в тебе, за знания, которые ты приобрел, за жизненный опыт, наконец! Или тебе кажется, что раньше ты жил лучше?

— В некотором смысле, да, лучше!

Это поразило его.

— Я многое узнал за последние месяцы, и не только о Чарли Гордоне, но и о мире вообще. И что же? Я обнаружил, что никому нет дела до Чарли Гордона, будь он кретин или гений. Так в чем разница?

Немур рассмеялся.

— Тебе просто жалко себя! А чего ты ждал? Целью эксперимента было поднять твой разум, а не сделать тебя знаменитостью. Мы не могли контролировать развитие твоей личности, и ты из приятного, хотя и несколько отсталого молодого человека превратился в высокомерного, эгоистичного, антисоциального сукиного сына.

— Дорогой профессор, вам был нужен кто-то, кого можно было бы превратить в гения, но продолжать держать в клетке и выставлять на

обозрение, только когда приходит время снимать очередной урожай лаврового листа... Загвоздка как раз в том, что я *стал* личностью!

Видно было, что Немур разрывается между двумя желаниями: кончить ссору или все-таки попробовать разбить меня.

— Ты несправедлив, как обычно. Мы всегда обращались с тобой хорошо и делали все возможное...

— Все, кроме одного — вы не относились ко мне, как к разумному существу. Вы не устаете похвалиться, что до операции я был ничем, и я знаю, почему! Потому что если я был пустым местом, то, значит, вы создали меня, а это делает вас моим хозяином и повелителем! Вы обижаетесь, что я не благодарю вас двадцать четыре раза в сутки... Хотите верьте, хотите нет, но я благодарен вам. Однако запомните, что бы вы для меня ни сделали, это не дает вам права обращаться со мной, как с подопытным животным! Я — человек, и Чарли тоже был человеком еще до того, как пришел в вашу лабораторию. Вы шокированы? Да-да, вдруг оказывается, что я был личностью всегда, а это противоречит вашему убеждению, что если у человека КИ меньше ста, он не заслуживает рассмотрения. Профессор Немур, мне кажется, что при взгляде на меня вас начинает мучить совесть!

— Достаточно! Ты просто пьян!

— О нет, — уверил я его. — Вот если я действительно напьюсь, вы увидите перед собой совсем другого Чарли Гордона. Да, другого Чарли... Он бродит в темноте, но он с нами! Внутри меня.

— Он сошел с ума, — сказала миссис Немур, — и уверен, что существуют два Чарли Гордона. Доктор, советую лучше присматривать за ним.

Штраус покачал головой.

— Нет. Я догадываюсь, что он хочет сказать, мы говорили об этом на сеансах терапии. Вот уже примерно месяц Чарли временами испытывает странное расщепление личности... Как будто в его сознании живут два самостоятельных индивидуума, и прежний Чарли, дооперационный, борется за контроль над телом...

— Нет! Я никогда не говорил этого! Чарли существует, но он не борется со мной за контроль над телом... Он просто ждет и никогда не вмешивается в мои действия. — Вспомнив Алису, я добавил: — Почти никогда... Скромный, смиренный Чарли, о котором вы только что вспоминали с такой ностальгией, терпеливо ждет. Не скрою, мне

многое нравится в нем, но только не скромность. Скромнику нечего делать в этом мире.

— Ты стал циником, — сказал Немур. — Гениальность убила в тебе веру в человечество.

— Это не совсем так, — тихо ответил я. — До меня дошло, что чистый разум сам по себе ни черта не значит. В вашем университете разум, образование, знания — все обожествляется. Но я знаю то, чего вы все не заметили: голые знания, не пронизанные человеческими чувствами, не стоят и ломаного гроша.

Я взял еще один бокал мартини и продолжил проповедь:

— Поймите меня правильно: разум — величайшее приобретение человечества! И все же слишком часто погоня за знаниями подменяет поиски любви. Я дошел до этого совсем недавно. Предлагаю рабочую гипотезу: человек, обладающий разумом, но лишенный способности любить и быть любимым, обречен на интеллектуальную и моральную катастрофу, а может быть, и на тяжелое психическое заболевание. Кроме того, я утверждаю, что замкнутый на себе мозг не способен дать окружающим ничего, только боль и насилие. В бытность слабоумным я имел много друзей. Теперь их у меня нет. О, я знаю множество народу, но это просто знакомые, и среди них нет почти ни одного человека, который что-нибудь значил бы для меня или кому интересен я.

Я почувствовал, что речь моя становится неразборчивой, а голова подозрительно легкой.

— Но ведь это поправимо... Так не должно быть... Ва... вы согласны со мной?

Штраус подошел и взял меня за руку.

— Чарли, тебе нужно отдохнуть. Ты слишком много выпил.

— Чего это вы так смотрите на меня? Что такого я сказал? Что такого я сделал? Я правильно говорил?

Я сознавал, как слова тяжело ворочаются у меня во рту, словно в каждую щеку сделали по уколу новокаина. Я был пьян и почти не владел собой. В этот момент щелкнул какой-то переключатель, и я увидел всю сцену из дверного проема, и себя в том числе — рядом с уставленными бокалами подносом, широко раскрывшего испуганные глаза.

— Я хочу все делать правильно! Мама всегда говорила, чтобы я любил людей, потому что так я никогда не попаду в беду и у меня всегда будет много друзей...

Он дергался и извивался, и я понял, что ему срочно нужно в ванную. Боже, только не здесь, не перед ними!

— Прошу прощения, — пробормотал он, — мне надо выйти...

Даже в таком пьяном отупении мне удалось довести его до ванной.

Он успел, и через несколько секунд я вновь стал хозяином положения: отдохнул, прижавшись щекой к холодной кафельной стене, умылся. В голове еще шумело, но теперь я знал, что все будет в порядке.

Тут я заметил, что из зеркала над раковиной на меня смотрит Чарли. Не понимаю, как я догадался, что это он, а не я. Тупо просящее выражение его лица... и такое чувство, что при первом же моем слове он исчезнет в призрачном зеркальном мире. Но он не убежал. Он просто смотрел на меня — рот открыт, челюсть безвольно отвисла.

— Привет, — сказал я. — Вот наконец мы и встретились.

Он нахмурился чуть-чуть, словно ему требовалось объяснение, но он не знал, о чем спросить меня. Потом он сдался и криво улыбнулся уголком рта.

— Останься! Не уходи! — крикнул я. — Мне надоело смотреть, как ты шпионишь за мной из-за углов!

Он смотрел.

— Кто ты, Чарли?

Улыбка.

Я кивнул, и он кивнул мне в ответ.

— Так чего же ты хочешь? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Ну, давай, говори. Наверняка тебе что-нибудь нужно. Ты прибежал сюда...

Он глянул вниз, и я тоже, чтобы узнать, на что это он там смотрит.

— Ты хочешь обратно? Ты хочешь, чтобы я ушел, а ты вернулся в мое тело и начал жизнь сначала? Вполне законное желание... Это твое место, твой мозг... И твоя жизнь тоже, хотя ты немногое ухитрился взять от нее. Я не вправе отнимать у тебя жизнь. Кто сказал, что мой свет лучше твоей тьмы?

— Я скажу тебе еще кое-что, Чарли. — Я выпрямился и отошел от зеркала. — Не считай меня своим другом. Я не отдам тебе разум без борьбы, мне трудно заставить себя вернуться в пещеру. Мне некуда податься, Чарли, так что отойди в сторонку. Оставайся в моем подсознании, и не преследуй меня. Я не сдамся, что бы они ни думали! Да, я одинок, но это не имеет значения... Я сохраню данное мне и много сделаю для мира и для таких, как ты.

Я повернулся к двери, и мне показалось, будто Чарли протянул мне руку. Ерунда. Просто я пьян и разговариваю со своим отражением в зеркале.

Когда я вернулся в комнату, Штраусу непременно захотелось вызвать для меня такси, и пришлось доказывать ему, что я прекрасно доберусь до дома сам. Все, что мне нужно, — глоток свежего воздуха. Мне хотелось побыть одному.

Я почувствовал себя именно тем, кем назвал меня Немур, — высокомерной, эгоцентричной сволочью. В отличие от Чарли, я не способен думать о людях и их проблемах. Мне интересен лишь я и только я. Я увидел себя глазами Чарли, и мне стало стыдно.

Через несколько часов я обнаружил, что стою перед своим подъездом, и побрел вверх по лестнице. Из-под двери Фэй пробивался свет, но как только я собрался постучать, из квартиры донеслось ее хихиканье и ответный мужской смех.

Опоздал.

Я осторожно вошел в квартиру и остановился, не осмеливаясь включить свет. Я просто стоял, наблюдая за кружащимся перед глазами водоворотом.

Что случилось со мной? Почему я так одинок?

4.30 утра

Решение пришло ко мне во сне. Озарение! Разрозненные кусочки сложились в единое целое, и я понял то, что должен был понять с самого начала. Хватит спать. Нужно вернуться в лабораторию и просчитать результаты на компьютере. В эксперименте была ошибка, и я нашел ее.

Так что же будет со мной?

Письмо профессору Немуру (копия).

Дорогой профессор!

Посылаю Вам в отдельном конверте копию своей статьи «Эффект Эдджернона — Гордона: структура и функционирование мозга при повышенном уровне развития». Можете опубликовать ее, если сочтете необходимым.

Вам известно, что я уже закончил свои опыты. В статье приведены формулы и представлен математический анализ полученных результатов. Естественно, данные подлежат тщательной проверке.

Результат ясен. Сенсационные аспекты моего восхождения по интеллектуальной лестнице не должны затмевать фактов. Хирургическо-терапевтическая методика, разработанная Вами совместно с доктором Штраусом, не имеет в настоящее время никакого практического значения.

Эдджернон: хотя физически он молод, его умственная регрессия очевидна. Нарушена моторная активность. Произошло общее понижение деятельности желез внутренней секреции. Прогрессирующая потеря координации. Прогрессирующая амнезия.

В статье указано, что эти и другие показатели умственной и физической деградации могут быть статистически предсказаны с использованием выведенной мною формулы. Несмотря на то, что результатом хирургического стимулирования, которому мы оба подверглись, явилась интенсификация и ускорение процессов мышления, изъяз, который я взял на себя смелость назвать эффектом Эдджернона — Гордона, суть логическое следствие всего процесса повышения уровня умственного развития. Эта гипотеза может быть кратко сформулирована следующим образом.

При искусственном повышении уровня умственного развития деградация протекает со скоростью, прямо пропорциональной степени повышения этого уровня.

До тех пор, пока я сохранию способность писать, я буду записывать свои мысли и идеи. Это совершенно необходимо для завершения эксперимента. Судя по всему, у меня самого процесс деградации будет протекать чрезвычайно быстро.

В поисках ошибки я несколько раз проверил и перепроверил все результаты, но с сожалением вынужден констатировать, что они

незыблемы. Тем не менее я благодарен за предоставленную мне возможность внести свою лепту в знания о человеческом мозге и тех законах, которые им управляют.

Вчера доктор Штраус сказал, что неудача эксперимента, опровержение теории столь же важны, как и успех... Теперь я понимаю, что это так, но тем не менее очень жаль, что мой собственный вклад в науку основывается на пепелище Ваших трудов.

Искренне Ваш Чарлз Гордон

Приложение: экземпляр статьи.

Копии: доктору Штраусу, фонду Уэлберга.

1 сентября

Только без паники! Первые симптомы — забывчивость и эмоциональная неустойчивость — должны появиться со дня на день. Узнаю ли я их в себе? Все, что мне остается, — продолжать фиксировать свое состояние с наибольшей объективностью, не забывая при этом, что дневник мой будет первым в своем роде и, скорее всего, последним.

Утром Немур послал Барта с моей статьей в университет Халлстона. Его ведущие специалисты должны подтвердить правильность моих выводов. Всю прошлую неделю Барт корпел над формулами и статистическими выкладками. Немуру трудно заставить себя признать, что мои идеи выше его понимания. Он слишком сильно верит в миф о собственной непогрешимости.

Меня совершенно перестало заботить, что он думает обо мне... да и не только он. Времени больше нет. Дело сделано, результаты получены, остается только подождать и посмотреть, с какой точностью моя судьба совпадает с судьбой Элджернона.

Рассказал обо всем Алисе. Она расплакалась и убежала. А ведь она ни в чем не виновата.

2 сентября

Ничего определенного. Я двигаюсь в тишине, пронизанной чистейшим белым сиянием. Все вокруг застыло в ожидании. Мне кажется, что я в одиночестве стою на горной вершине, обозревая окружающий пейзаж. Солнце в зените, и тень моя сжалась тугим комком под ногами. Но вот солнце начинает спускаться, тень удлинняется и вытягивается до самого горизонта. Далеко-далеко...

Хочется повторить то, что я однажды сказал уже доктору Штраусу: никто не виноват в том, что случилось. Эксперимент был тщательно подготовлен, техника его проведения опробована на множестве животных. Вероятность ошибки была ничтожно мала. Когда принималось решение использовать меня как первого человека, все были уверены, что я не подвергнусь никакой физической опасности. Западня оказалась совершенно неожиданной, и мне не хочется, чтобы кто-то пострадал из-за меня.

Один вопрос: сколько я еще протяну?

15 сентября

Немур сказал, что все мои выводы подтвердились, а это означает, что изъян заложен в самой постановке эксперимента. Когда-нибудь люди справятся с этой проблемой, но время еще не настало. Я рекомендую не проводить больше опытов на людях. Недостающие данные можно получить и на животных.

Наиболее многообещающим направлением исследований мне представляется изучение баланса энзимов в человеческом организме. Время здесь, как и везде, — решающий фактор. Как можно скорее обнаружить недостаток, как можно скорее ввести гормон-заменитель! Я охотно помог бы будущим исследователям и в этом и в подборе радиоактивных изотопов для оперативного контроля, но у меня не осталось времени.

17 сентября

Становлюсь рассеянным. Убираю вещи, потом не могу найти их и бросаюсь на первого встречного. Симптомы?

Позавчера умер Элдджернон. Я бродил по набережной, и в половине пятого утра пришел в лабораторию. Элдджернон лежал в углу клетки, вытянув ножки. Будто бежал во сне.

Вскрытие подтвердило мои предположения. Мозг Эдджернона резко отличается от нормального — меньше вес, разглажены извилины, глубже и шире стали разделяющие полушария впадины.

Ужасна мысль, что это же самое происходит сейчас и со мной. Я увидел, насколько все это реально, и начинаю бояться будущего.

Я положил трупик Эдджернона в маленькую металлическую коробочку и отнес домой. Разве можно его сжигать? Пусть это выглядит по-дурацки сентиментально, но вчера вечером я похоронил его на заднем дворе. Я положил на его могилку букетик ромашек и долго плакал.

21 сентября

Собираюсь завтра на Маркс-стрит — навестить маму. Сон, приснившийся мне прошлой ночью, вызвал целую цепочку воспоминаний, высветил огромный кусок прошлого. Обязательно нужно записать это, и как можно скорее, пока я ничего не забыл. В последнее время я многое стал забывать. Сейчас мне больше чем когда-либо хочется понять маму, узнать, что она за человек и почему поступала так, а не иначе. Ненавидеть ее — преступление.

Необходимо разобраться в своих чувствах до встречи с ней, чтобы не оказаться излишне жестоким.

27 сентября

То, что я пишу сейчас, следовало бы перенести на бумагу сразу, не откладывая. Очень важно сделать именно этот отчет как можно полнее.

Мы встретились три дня назад. Я принудил себя еще раз одолжить машину у Барта. Было страшно, но я понимал, что визит этот необходим.

Когда я добрался до Маркс-стрит, мне показалось что я ошибся и попал не туда. Улица оказалась грязной до безобразия — совершенно не такой, какой я представлял ее себе. Кое-какие дома совсем недавно снесли, и на их месте громоздились кучи мусора. На тротуаре валялся ржавый холодильник с оторванной дверцей, а рядом — старый матрац с вылезшими пружинами. Окна некоторых домов были заколочены досками, а были и такие дома, что больше походили на грязные лачуги. Я оставил машину за квартал от нашего дома и дошел до него пешком.

Нигде не было видно играющих детей, и это тоже не совпадало с моими воспоминаниями. Тогда дети были всюду, а Чарли смотрел на них из окна. Странно, большинство моих воспоминаний обрамлено в оконный переплет, как картина в рамку... Сейчас же я видел только стариков, отдыхающих в полуразвалившихся беседках.

Еще один удар я испытал, когда подошел к дому. Роза в старом коричневом свитере стояла перед домом на скамейке и, несмотря на холодную, ветреную погоду, мыла окна. Всегда в работе, чтобы соседи видели, какая она замечательная жена и мать...

Для нее всегда самым важным было то, что о ней подумают другие. Тут она была непоколебима и не обращала никакого внимания на рассуждения Матта о том, что в жизни есть вещи и поважнее. Норма должна хорошо одеваться. В доме должна стоять красивая мебель. Чарли должен сидеть взаперти, чтобы соседи не заподозрили ничего дурного.

Я подошел к калитке и, увидев ее лицо, вздрогнул. Это было не то лицо, которое я с такими муками пытался вспомнить... Волосы ее поседели, кожа на щеках покрылась морщинами. На лбу собрались капельки пота.

Она сразу заметила меня.

Мне захотелось отвернуться, побежать дальше по улице, но я зашел уже слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Оставалось притвориться, будто я заблудился в незнакомом месте, и спросить у нее дорогу. Одного взгляда на Розу было мне вполне достаточно. ...Все это так, но я только молча стоял и смотрел на нее. А она смотрела на меня.

— Что вам нужно?

Ее хриплый голос безошибочным эхом отозвался в пещерах моей памяти.

Я открыл рот, но слова застряли в горле. Губы мои и язык двигались, я знаю это, я отчаянно боролся, чтобы произнести хоть слово — ведь она почти узнала меня! Как же мне не хотелось, чтобы мама увидела меня вот таким... неспособным заставить понять себя. Но во рту пересохло, язык вдруг стал огромным и неуклюжим, слова застряли...

...Кроме одного. Я планировал произнести при встрече что-нибудь успокаивающее, ободряющее, отбросив таким образом прошлое в

сторону, и с помощью всего нескольких слов овладеть положением... Однако из моего пересохшего горла вырвалось только:

— Маааааа...

Я, в совершенстве знающий столько языков, смог выдавить из себя только это... Как добравшийся до вымени голодный ягненок.

Роза вытерла лоб тыльной стороной ладони и прищурилась, желая рассмотреть меня получше. Я открыл калитку и сделал несколько шагов по дорожке. Она отступила к двери.

Я не был уверен, узнала меня Роза или нет, но тут она выдохнула:

— *Чарли!*

Она не прокричала и не прошептала мое имя. Она выдохнула его, как пробуждающийся от кошмара человек.

— Ма... — я встал на первую ступеньку. — Это я...

Мое движение напугало ее, она отступила еще на шаг, опрокинула ведро с водой, и грязная мыльная пена водопадом хлынула по ступенькам.

— Что ты здесь делаешь?

— Мне так хотелось увидеть тебя... поговорить...

Язык все еще мешал мне, и голос звучал не как обычно. В нем чувствовался какой-то плаксивый оттенок. Должно быть, именно так я и говорил много-много лет назад.

— Не уходи! — молил я. — Не убегай от меня!

Но Роза уже шмыгнула в прихожую и закрыла дверь. Секунду спустя она отодвинула снежно-белую занавеску на двери и уставилась на меня через стекло расширенными от ужаса глазами. Губы ее бесшумно двигались.

— Уходи! Прочь от меня!

Почему? Почему мама отказывается от меня? По какому праву?

— Открой дверь! Нам надо поговорить! Впусти меня!

Я забарабанил по стеклу. Оно треснуло, и одна из трещин защемила кожу на пальце так, что какое-то время я не мог вырвать ее. Наверно, Розе показалось, что я окончательно сошел с ума и явился рассчитывать с ней за прошлое. Она отпрянула и ринулась к ведущей в глубь дома двери.

Я нажал посильнее, дверной крючок не выдержал и, потеряв равновесие, я буквально ввалился в прихожую. Из пореза шла кровь и,

не зная что делать, я сунул руку в карман, чтобы, избави Боже, не запачкать свежeweымытый линолеум.

Я проскочил по коридору мимо лестницы на второй этаж. Сколько раз демоны хватили меня на этой лестнице за ноги и тащили вниз, в подвал! Я пробовал кричать, но язык душил меня и обрекал на молчание... Как тихих ребятишек в Уоррене.

На втором этаже жили хозяева дома — Мейерсы. Они всегда были добры ко мне — подкармливали сладостями, разрешали сидеть у них на кухне и играть с собакой. Никто мне ничего не говорил, но я почему-то догадался, что их уже нет в живых и наверху обитают незнакомцы. И эта тропинка закрыта для меня навеки...

Дверь, за которой исчезла Роза, оказалась запертой, и секунду я стоял в нерешительности.

— Открой дверь!

Ответом был визгливый лай маленькой собачонки. Странно.

— Не бойся, я не замышляю ничего плохого. Я долго шел к тебе и не собираюсь уходить просто так! Если ты не откроешь дверь, мне придется сломать ее!

Я услышал ее голос:

— Ш-ш-ш, Наппи... Иди в спальню, иди...

Еще через секунду замок щелкнул, дверь открылась и мама вдруг очутилась совсем рядом со мной.

— Мама, — прошептал я. — Не бойся меня и выслушай! Пойми, я уже не тот, что был раньше... я изменился... я нормальный человек... Понимаешь? Я больше не слабоумный... я не кретин. Я — как все, как ты, как Матт, как Норма...

Я говорил и говорил, моля в душе, чтобы она не захлопнула дверь. Мне хотелось рассказать ей все, сразу.

— Мне сделали операцию, и я стал другим, каким ты меня всегда хотела видеть. Читала про это в газетах? Это новый научный эксперимент, который повышает умственные способности человека, и я стал первым! Пойми же меня! Почему ты так на меня смотришь? Я стал умным, умнее, чем Норма, дядя Герман или Матт! Я знаю вещи, которых не знают даже профессора в университете! Скажи мне что-нибудь! Ты можешь гордиться мной и рассказать про меня всем соседям! Тебе больше не нужно прятать меня в подвале, когда приходят гости! Поговори же со мной! Расскажи, как я был

маленьким! И не бойся меня! Я ни в чем не виню тебя, просто мне надо узнать побольше о самом себе, пока еще не поздно! Я не смогу стать полноценным человеком, пока не пойму самого себя, и ты — единственная в мире, кто может мне помочь! Впусти меня. Посидим вместе.

Мой тон, а не слова, заворожили ее. Она просто стояла и смотрела на меня. Не подумав, я вынул из кармана окровавленную руку и протянул вперед, словно моля о помощи. Лицо ее сразу смягчилось.

— Тебе больн... — Вряд ли она по-настоящему жалела меня. То же самое чувство она испытала бы и к поранившей лапу собаке, и к исцарапанному в боевой схватке коту. Не потому, что я — ее Чарли. Наоборот.

— Заходи и вымой руки. Я принесу йод и бинты.

Я подошел к треснувшей раковине, над которой мама так часто умывала меня, когда я возвращался со двора, когда мне нужно было идти есть или спать. Пока я закатывал рукава, она смотрела на меня.

— Не надо было бить стекло. Хозяйка рассердится, а у меня нет денег, чтобы заплатить ей...

Потом, словно недовольная тем, что я делаю все так медленно, она отобрала у меня мыло и сама занялась моими руками. Занятие это полностью захватило ее, и я боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть счастье. Иногда она цокала языком или вздыхала:

— Ох, Чарли, Чарли, и где ты только ухитришься перепачкаться... Когда же ты научишься следить за собой?

Она вернулась на двадцать пять лет назад, когда я был ее маленьким Чарли, а она готова была до последнего сражаться за мое место под солнцем.

Но вот наконец кровь смыта, руки вытерты бумажным полотенцем. Вдруг она посмотрела мне в лицо и снова глаза ее округлились от ужаса:

— Боже мой! — всхлипнула она и отстранилась от меня.

Я заговорил снова, тихо, успокаивая ее, стараясь внушить, что намерения у меня самые благородные. Роза меня не слушала. Она рассеянно осмотрелась, прикрыла рот ладонью и простонала:

— В доме такой беспорядок... Я никого не ждала. Взгляни только на эти окна... а плитусы...

— Все в порядке, ма, не волнуйся.

не зная что делать, я сунул руку в карман, чтобы, избави Боже, не запачкать свежeweымытый линолеум.

Я проскочил по коридору мимо лестницы на второй этаж. Сколько раз демоны хватали меня на этой лестнице за ноги и тащили вниз, в подвал! Я пробовал кричать, но язык душил меня и обрекал на молчание... Как тихих ребятишек в Уоррене.

На втором этаже жили хозяева дома — Мейерсы. Они всегда были добры ко мне — подкармливали сладостями, разрешали сидеть у них на кухне и играть с собакой. Никто мне ничего не говорил, но я почему-то догадался, что их уже нет в живых и наверху обитают незнакомцы. И эта тропинка закрыта для меня навеки...

Дверь, за которой исчезла Роза, оказалась запертой, и секунду я стоял в нерешительности.

— Открой дверь!

Ответом был визгливый лай маленькой собачонки. Странно.

— Не бойся, я не замышляю ничего плохого. Я долго шел к тебе и не собираюсь уходить просто так! Если ты не откроешь дверь, мне придется сломать ее!

Я услышал ее голос:

— Ш-ш-ш, Наппи... Иди в спальню, иди...

Еще через секунду замок щелкнул, дверь открылась и мама вдруг очутилась совсем рядом со мной.

— Мама, — прошептал я. — Не бойся меня и выслушай! Пойми, я уже не тот, что был раньше... я изменился... я нормальный человек... Понимаешь? Я больше не слабоумный... я не кретин. Я — как все, как ты, как Матт, как Норма...

Я говорил и говорил, моля в душе, чтобы она не захлопнула дверь. Мне хотелось рассказать ей все, сразу.

— Мне сделали операцию, и я стал другим, каким ты меня всегда хотела видеть. Читала про это в газетах? Это новый научный эксперимент, который повышает умственные способности человека, и я стал первым! Пойми же меня! Почему ты так на меня смотришь? Я стал умным, умнее, чем Норма, дядя Герман или Матт! Я знаю вещи, которых не знают даже профессора в университете! Скажи мне что-нибудь! Ты можешь гордиться мной и рассказать про меня всем соседям! Тебе больше не нужно прятать меня в подвале, когда приходят гости! Поговори же со мной! Расскажи, как я был

маленьким! И не бойся меня! Я ни в чем не виню тебя, просто мне надо узнать побольше о самом себе, пока еще не поздно! Я не смогу стать полноценным человеком, пока не пойму самого себя, и ты — единственная в мире, кто может мне помочь! Впусти меня. Посидим вместе.

Мой тон, а не слова, заворожили ее. Она просто стояла и смотрела на меня. Не подумав, я вынул из кармана окровавленную руку и протянул вперед, словно моля о помощи. Лицо ее сразу смягчилось.

— Тебе больн... — Вряд ли она по-настоящему жалела меня. То же самое чувство она испытала бы и к поранившей лапу собаке, и к исцарапанному в боевой схватке коту. Не потому, что я — ее Чарли. Наоборот.

— Заходи и вымой руки. Я принесу йод и бинты.

Я подошел к треснувшей раковине, над которой мама так часто умывала меня, когда я возвращался со двора, когда мне нужно было идти есть или спать. Пока я закатывал рукава, она смотрела на меня.

— Не надо было бить стекло. Хозяйка рассердится, а у меня нет денег, чтобы заплатить ей...

Потом, словно недовольная тем, что я делаю все так медленно, она отобрала у меня мыло и сама занялась моими руками. Занятие это полностью захватило ее, и я боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть счастье. Иногда она цокала языком или вздыхала:

— Ох, Чарли, Чарли, и где ты только ухитришься перепачкаться... Когда же ты научишься следить за собой?

Она вернулась на двадцать пять лет назад, когда я был ее маленьким Чарли, а она готова была до последнего сражаться за мое место под солнцем.

Но вот наконец кровь смьга, руки вытерты бумажным полотенцем. Вдруг она посмотрела мне в лицо и снова глаза ее округлились от ужаса:

— Боже мой! — всхлипнула она и отстранилась от меня.

Я заговорил снова, тихо, успокаивая ее, стараясь внушить, что намерения у меня самые благородные. Роза меня не слушала. Она рассеянно осмотрелась, прикрыла рот ладонью и простонала:

— В доме такой беспорядок... Я никого не ждала. Взгляни только на эти окна... а плитусы...

— Все в порядке, ма, не волнуйся.

— Нужно получше натереть полы... Они должны блестеть!

Тут она заметила пятна крови на двери и тряпочкой быстро стерла их. Потом снова посмотрела на меня и нахмурилась.

— Вы пришли по поводу счета за электричество?

Прежде чем я успел ответить «нет», она укоризненно погрозила мне пальцем:

— Я всегда посылаю чек первого числа, но мужа сейчас нет дома, он уехал по делам... Дочь обязательно получит деньги на этой неделе, и мы заплатим сразу за все. Так что вы явились напрасно, мистер.

— У вас только один ребенок? Других нет?

Роза вздрогнула, взгляд ее устремился куда-то вдаль.

— У меня был мальчик. Он был таким умным, что все матери завидовали мне. Но его сглазили... Да, сглазили! Если бы не это, он стал бы великим человеком. Он был таким умным... *исключительно* одаренным ребенком. Все так говорили. Он мог стать *гением*!

Она взяла щетку.

— Извините... Дочь пригласила на обед молодого человека, и мне нужно прибраться.

Она опустила на колени и принялась скрести и без того сверкающий пол. На меня она не смотрела.

Она начала что-то бормотать. Я уселся на табуретку с твердым намерением дождаться, пока она выйдет из забытья и признает меня. Не уйду, пока она не поймет, что я — Чарли, ее Чарли! Ведь должен же хоть кто-нибудь поверить мне!

Роза стала напевать какую-то печальную мелодию, но вдруг замерла, держа щетку на весу, как будто до нее только что дошло, что в кухне есть еще кто-то.

Она повернулась, посмотрела на меня блестящими глазами и, склонив голову набок, спросила:

— Как могло такое случиться? Ничего не понимаю... Мне говорили, что ты неизлечим.

— Мне сделали операцию, и я стал другим. Я теперь знаменитость, весь мир знает про меня. Я стал очень умным, мама. Я умею читать и писать, я могу...

— Слава богу, — прошептала она. — Мои молитвы... Все эти годы мне казалось, что *он* не слышит меня... Оказывается, *он* всего лишь ждал, чтобы исполнить *свою* волю в нужное время...

Она вытерла фартуком лицо. Я обнял ее, она положила голову мне на плечо и заплакала. Слезы ее смыли всю мою боль. Я уже не жалел, что пришел.

— Надо всем рассказать, — улыбнулась Роза. — Всем этим учителям. Увидишь, как у них рожи вытянутся. И всем соседям. А дядя Герман — ему тоже нужно сказать. Он так обрадуется! Подожди, вот придут папа и сестра... Как они будут счастливы! Ты просто не представляешь!

Продолжая строить планы на нашу новую счастливую совместную жизнь, она крепко обняла меня. У меня не хватило духу сказать ей, что учителя мои больше не учат детей, соседи все переехали, дядя Герман давно умер, а отец покинул ее много лет назад. Мне хотелось видеть ее улыбку и сознавать, что впервые в жизни я заставил ее улыбнуться.

Но вот она замолчала, как будто что-то вспоминая, и я почувствовал, что она удаляется.

— Нет!!! — закричал я, возвращая ее к реальности. — Подожди, мама! Я сейчас уйду, но я хочу оставить тебе кое-что!

— Уйдешь? Но тебе не надо никуда уходить!

— У меня много дел, мама. Я буду писать тебе и пришлю денег.

— Когда ты вернешься?

— Пока не знаю, но я хочу дать тебе вот это.

— Журнал?

— Не совсем. Это научная статья, которую я написал. Смотри, она называется «Эффект Эдджернона — Гордона». Это я открыл его и так назвал! Я оставлю ее тебе. Покажи статью соседям, чтобы они знали, что твой сын больше не слабоумный.

Она с благоговением взяла журнал.

— Это... это и в самом деле твое имя! Я всегда знала, что так оно и будет! Я же говорила! Я испробовала все, что можно. Ты был еще маленьким и не помнишь, но я сделала все, что могла. Я всем говорила, что ты будешь учиться в колледже и станешь ученым. Надо мной смеялись, а я верила!

Она улыбнулась сквозь слезы, потом вдруг отвернулась, взяла тряпку и, двигаясь словно во сне, принялась протирать плинтусы.

Снова залаяла собака. Слышно было, как входная дверь открылась и хлопнула и женский голос произнес:

— Все в порядке, Наппи, это я.

Слышно было, как запертая в спальне собака радостно кидается на дверь.

У меня не было ни малейшего желания видеть Норму, и я почувствовал, что попал в ловушку. Нам нечего сказать друг другу, а в доме нет черного хода... Можно было выпрыгнуть в окно, но мне не хотелось, чтобы меня приняли за взломщика.

Услышав скрежет ключа в замке, я, не понимая зачем, прошептал:

— Норма пришла...

Но мама не обратила внимания на мои слова, она была слишком занята.

Дверь открылась. Норма посмотрела на меня и нахмурилась. В комнате было темно, она не узнала меня. Поставила сумку на пол, включила свет...

— Кто вы такой?

Прежде чем я успел ответить, рука ее метнулась ко рту, и она без сил прислонилась к стене.

— Чарли!!!

Она сказала это так же, как и мама — на одном выдохе. И выглядела она, как мама в молодости — мелкие, острые черты лица...

— Чарли! Боже мой, Чарли! Ты мог бы предупредить, позвонить... Как же так... — Она посмотрела на маму, сидящую на полу рядом с раковиной. — Как она? Переволновалась?

— У нее было просветление, мы немного поговорили.

— Хорошо. Она уже почти ничего не помнит. Это старость... Доктор Портман посоветовал мне отдать ее в дом для престарелых, но я отказалась. Не могу представить ее там...

Она открыла дверь спальни, собака выскочила оттуда, и Норма подняла ее и прижала к себе.

— Я просто не могу сделать такое со своей матерью...

Норма посмотрела на меня и неуверенно улыбнулась.

— Все это так неожиданно... Я и подумать не могла... Дай-ка мне посмотреть на тебя. Встреть я тебя на улице, ни за что не узнала бы. Ты совсем другой. — Она вздохнула. — Я очень рада видеть тебя, Чарли!

— В самом деле? Мне казалось, что ты никогда больше не захочешь знать меня.

— Ох, Чарли! — Она взяла меня за руку. — Не надо так говорить! Я и вправду рада тебя видеть. Я ждала тебя. Я не знала когда, но верила, что ты обязательно придешь, с тех самых пор, как я прочитала, что ты сбежал с конференции... Ты не представляешь, сколько я думала о тебе — где ты, что делаешь. Этот профессор... Когда же он появился? Да, в марте. Семь месяцев назад... Я даже не знала, что ты жив. Мать твердила, что ты умер в Уоррене. Я так и думала. Когда мне сказали, что ты жив и нужен для какого-то эксперимента, я растерялась. Профессор... — Немур, так его звали? — не разрешил мне повидаться с тобой, он не хотел волновать тебя перед операцией. Потом я увидела в газетах, что операция удалась и ты стал гением... Боже мой! Я рассказала всем на работе и в клубе... показывала твою фотографию в газете и говорила, что скоро ты придешь навестить нас. И вот ты пришел! Не забыл!

Она снова обняла меня.

— Чарли, Чарли... Как же чудесно узнать, что у меня есть старший брат! Садись, я приготовлю тебе чего-нибудь перекусить, а ты расскажешь все, что с тобой было и что ты собираешься делать дальше. Я... я просто не знаю, о чем тебя спрашивать. Наверно, я сейчас глупо выгляжу, как девица, узнавшая, что ее брат — герой, кинозвезда или что-то в этом роде.

Не скрою, я не ожидал такой встречи с сестрой и был весьма смущен. Не учел я, что столько лет наедине с матерью могут изменить ее. Но это было неизбежно. Она перестала быть капризным, испорченным существом моих воспоминаний. Она выросла и превратилась в женщину, способную любить.

Мы разговорились. О маме. Говорили так, словно ее не было сейчас с нами. А ведь она была, в этой самой комнате. Пока Норма рассказывала о жизни с ней, я иногда поглядывал на Розу: слушает ли она нас? Но казалось, ей нет никакого дела до наших разговоров — так глубоко ушла она в свои мысли. Она двигалась по кухне как привидение, все время что-то переставляя, перекладывая с места на место... Она совсем не мешала нам. Пугающее зрелище.

Норма принялась кормить собаку.

— Наконец-то ты заполучила его. Наппи — это сокращенно от Наполеона?

Норма выпрямилась и внимательно посмотрела на меня.

— Откуда ты знаешь?

Я объяснил, что недавно вспомнил, как она принесла домой свою контрольную по истории, как завела разговор о собаке и как Мэтт отшил ее.

— Я ничего этого не помню... Ах, Чарли, неужели я была такой стервой?

— Есть еще одно воспоминание, о котором мне хотелось тебя спросить. Никак не пойму, то ли это было на самом деле, то ли мне приснилось. Тогда мы с тобой последний раз играли как друзья. В подвале. Надели на головы абажуры, представив себя китайскими кули, и прыгали на старых матрасах. Тебе было лет семь или восемь, мне — тринадцать. Ты неудачно прыгнула и ударилась головой о стену. Не сильно, но ты закричала. Тут же прибежали мама с папой. Ты сказала им, что я хотел убить тебя. Роза обвинила Мэтта, что он не смотрит за мной и оставил нас одних. Потом она била меня ремнем, пока я не свалился без чувств. Помнишь? Это так и было?

Норма была потрясена моим описанием.

— Все так смутно... Я помню, как мы напялили абажуры, как прыгали на матрасах. — Она подошла к окну и выглянула на улицу. — Я ненавидела тебя, потому что родители все время занимались только тобой. Тебя никогда не пороли за плохие отметки. Ты прогуливал уроки, играл, сколько душе угодно, а мне приходилось трудиться изо всех сил. Как я ненавидела тебя! Ребята в классе рисовали на доске мальчишку в шутовском колпаке, а внизу подписывали: «*Брат Нормы*». Они писали на асфальте: «*Сестра кретина*» и «*Гордоны — дураки*». Один раз меня не пригласили на день рождения к Эмилии Раскин, и я знала, что это из-за тебя. Вот тогда, в подвале, я и решила рассчитаться с тобой. — Она заплакала. Я соврала и сказала, что ты хотел убить меня. Чарли, Чарли, какой же я была дурой, какой дурой... Прости меня...

— Не вини себя так... Тебе было нелегко. Для меня домом были кухня и вот эта комната, все остальное не имело значения. Тебе же приходилось сталкиваться с окружающим миром.

— Чарли, почему тебя выгнали из дома? Разве ты не мог остаться и жить вместе с нами? Я много думала об этом, а мама каждый раз говорила, что там тебе лучше.

— Может, она и права.

Норма покачала головой:

— Она отказалась от тебя из-за меня, правда? Ах, Чарли, ну почему такое должно было случиться именно с нами?

Я не знал, что ответить. Страдаем ли мы за грехи отцов или исполняем волю какого-нибудь греческого оракула? Но ответить ей мне было нечего. И себе тоже. Я сказал:

— Все в прошлом. Я рад, что повидал тебя. Теперь мне будет легче жить на свете.

Вдруг Норма схватила меня за руку.

— Чарли, ты представить себе не можешь, что это такое — жить с ней! Эта квартира, улица, моя работа... Какой это кошмар — идти домой, не зная, что с ней, жива ли она еще, и мучиться от этих мыслей!

Я встал, прижал Норму к себе, и она, положив голову мне на плечо, тихо заплакала.

— Чарли, до чего же я рада, что ты вернулся! Мне так трудно одной, я так устала!

Когда-то я мог только мечтать о таком. Но вот это случилось, и что? Я не собирался говорить сестре, что будет со мной. Вправе ли я принять ее любовь? Будь я прежним Чарли, разве стала бы она так разговаривать со мной? Скоро, скоро время сорвет с меня маску...

— Не плачь, Норма, все будет хорошо, — услышал я свой нежный голос. — Я буду заботиться о вас. У меня есть деньги, и вместе с тем, что платит фонд Уэлберга, их вполне хватит, чтобы посылать еще и вам.

— Разве ты уходишь? Ты должен остаться с нами...

— Мне нужно еще кое-куда съездить, кое над чем поработать, прочитать несколько докладов, но я обязательно буду навещать вас. Заботиться о маме, она через многое прошла. Я буду помогать вам, пока смогу.

— Чарли, нет! Не уходи! — Норма вцепилась в меня. — Мне страшно!

Вот роль, которую мне всегда хотелось сыграть — Старший Брат.

В этот момент я почувствовал, что Роза, которая до этого тихо сидела в углу, смотрит на нас. Что-то изменилось в ее лице, глаза расширились, и вся она подалась вперед. Она показалась мне орлицей, готовой броситься на защиту своего гнезда.

Я оттолкнул Норму и не успел произнести ни слова, как Роза вскочила со стула, схватила со стола кухонный нож и наставила его на меня.

— Что ты делаешь? Не смей прикасаться к ней! Сколько раз я говорила, чтобы ты не смел прикасаться к своей сестре! Грязное животное! Тебе нельзя жить с нормальными людьми!

Мы оба отпрыгнули назад. По какой-то непонятной причине я почувствовал себя виноватым, словно меня застали за постыдным занятием. Я догадывался, что Норма чувствует то же самое. Слова матери сделали наши объятия непристойными.

Норма крикнула:

— Мама! Положи нож!

Вид Розы с ножом в руке сразу заставил меня вспомнить тот вечер, когда она вынудила Матта увести меня из дома. Сейчас она словно заново переживала тот случай. Я же не мог сдвинуться с места. Волной прокатилась по телу тошнота, знакомое удушье, гул в ушах... Внутренности завязались в тугий узел и натянулись, будто хотели вырваться из моего грешного тела.

У Розы — нож, у Алисы — нож, и у отца был нож, и у доктора Штрауса тоже...

К счастью, Норма сохранила достаточно самообладания, и ей удалось отнять у Розы орудие убийства. Но Роза продолжала вопить:

— Гони его отсюда! Ему нельзя смотреть так на свою сестру!

Потом она упала в кресло и заплакала.

Ни я, ни Норма не знали, что говорить и что делать. Оба мы были ужасно смущены. Теперь она поняла, почему меня лишили дома.

Интересно, сделал ли я хоть раз в жизни что-нибудь такое, что подтвердило бы опасения матери? По крайней мере, сам я не мог вспомнить ничего подобного, но как я мог быть уверен, что в моем истерзанном мозгу никогда не зарождались ужасные мысли? Наверно, я уже не узнаю этого, но нельзя ненавидеть женщину за то, что она защищает свою дочь. Если я не прощу ее, в жизни моей не останется ничего.

Норму била дрожь.

— Успокойся, — сказал я. — Она не ведает, что творит. Не на меня наставляла она нож, а на того, прежнего, Чарли. Она боялась его. А мы... давай не будем вспоминать о нем. Он ушел навеки. Правда?

Она не слушала меня. На лице ее появилось задумчивое выражение.

— Со мной только что случилась странная вещь... Мне показалось, что все это уже было, и та же самая сцена в точности повторяется...

— Все хоть раз в жизни испытывали нечто подобное...

— Да, но когда я увидела ее с этим ножом, я подумала, что это сон, который приснился мне много лет назад.

Зачем говорить ей, что это не сон, что она не спала в ту далекую ночь и все видела из своей комнаты? Что видение это подавлялось и видоизменялось, оставив после себя ощущение нереальности? Не надо отягощать ее душу правдой, ей еще придется хлебнуть горя с мамой. Я с радостью снял бы с нее этот груз и эту боль, но нет никакого смысла начинать то, что не сможешь закончить. Я сказал:

— Мне пора уходить. Береги ее и себя.

Я сжал ее руку и вышел. Наполеон обляял меня.

В доме у Розы я сдерживался, но когда вышел на улицу, у меня не осталось на это сил. Трудно писать об этом, но когда я шел к машине, то плакал, как ребенок, а люди смотрели мне вслед. Я ничего не мог поделать с собой, до людей же мне не было дела.

Я шел, и в голове моей зазвучали непонятные стишки, звучали снова и снова, подстраиваясь под ритм моих шагов:

Три слепых мышонка... три слепых мышонка,

Как они бегут! Как они бегут!

Они бегут за фермерской женой,

Отрезавшей им хвостики кухонным ножом.

Ты когда-нибудь видал такое?

Три... слепых... мышонка...

Я не мог выбросить эту чепуху из головы. Обернулся я всего один раз и увидел глядящее на меня детское лицо, прижавшееся к оконному стеклу.

Отчет № 17

3 октября

Все быстрее вниз под уклон. Появляются мысли о самоубийстве, чтобы остановить падение, пока я еще могу контролировать свое поведение и осознавать окружающий мир. Но тут я вспоминаю ждущего у окна Чарли. Я не могу распоряжаться *его* жизнью. Я всего лишь ненадолго одолжил ее, и теперь меня просят вернуть долг.

Нельзя забывать, что я — единственный, с кем случалось подобное. До последнего момента я буду записывать свои мысли и чувства. Это подарок человечеству от Чарли Гордона.

Я стал злым и раздражительным. Поссорился с соседями из-за того, что допоздна не выключаю проигрыватель. Я часто так делаю с тех самых пор, как перестал играть на рояле. Конечно, я не прав, что постоянно кручу пластинки, но музыка не дает мне спать. Я знаю, что должен иногда спать, но дорожу каждой секундой бодрствования. Это не только из-за кошмаров, но и потому, что я боюсь поглупеть во сне.

Не устаю напоминать себе, что высплюсь, когда на меня падет тьма.

Мистер Вернор, сосед снизу, никогда раньше не жаловался на шум, но в последнее время взял привычку колотить по трубам отопления или в потолок своей квартиры. Поначалу я игнорировал эти звуки, но вчера ночью он явился ко мне в халате. Мы поругались, и я захлопнул дверь перед его носом. Через час он вернулся с полицейским, и тот объяснил мне, что не следует заводить пластинки так громко в четыре часа ночи. Ухмылка на физиономии Вернора была настолько отвратительной, что я с трудом удержался, чтобы не ударить его. Когда они ушли, я разбил все пластинки, а заодно и проигрыватель. Все равно такая музыка мне совсем не нравится.

4 октября

Самый непонятный сеанс терапии в моей жизни. Штраус явно не ожидал этого и здорово разозлился.

То, что произошло (я не осмеливаюсь назвать это воспоминанием), больше всего походило на галлюцинацию. Не буду пытаться объяснить

или интерпретировать этот случай, просто опишу его.

В кабинет Штрауса я вошел в состоянии легкого раздражения, но он притворился, что не заметил этого. Я сразу улегся на кушетку, а он, как водится в таких случаях, уселся на стул сбоку от меня и чуть-чуть сзади, как раз вне пределов видимости. Сел и стал ждать, когда же я начну лить на него скопившиеся в моем мозгу нечистоты.

Я украдкой посмотрел на Штрауса. Он выглядел постаревшим, каким-то потасканным и напомнил мне Матта, ждущего посетителей. Я сказал об этом Штраусу. Он кивнул и продолжал ждать. Тогда я спросил:

— А вы тоже ждете клиентов? Вам следовало бы сконструировать кушетку в форме парикмахерского кресла. Когда речь пойдет о свободных ассоциациях, вам надо будет только откинуть кресло с пациентом назад, как парикмахеру, когда он собирается намылить жертву. Проходит пятьдесят минут, кресло возвращается в исходное положение, и вы вручаете бедняге зеркало, чтобы он мог как следует рассмотреть свое свежeweбритое «я».

Штраус молчал, и хотя мне было стыдно за свое словоблудие, я уже не мог остановиться:

— Потом пациент перед каждым сеансом будет говорить: «Снимите немного с верхушки волнения, пожалуйста» или «Не стригите мой эгоизм слишком коротко». Он может попросить даже яич... я имел в виду я-шампунь. Ага! Заметили оговорку, доктор? Я сказал, что нужен яичный шампунь вместо я-шампуня. Яйцо... Я. Близко, вам не кажется? Не означает ли это, что мне хочется отмыться от грехов? Возродиться? Что это? Баптистский символизм? Или все же мы стрижем слишком коротко?

Я ждал его реакции, но он только поерзал в кресле.

— Вы не уснули? — спросил я.

— Я внимательно слушаю, Чарли.

— Только слушаете? Вам случалось когда-нибудь выходить из себя?

— А тебе этого очень хочется?

Я вздохнул.

— Непокоримый Штраус... Вот что я вам скажу: мне надоело таскаться сюда. Какой смысл в терапии? Вам не хуже меня известно, что будет дальше.

— Мне почему-то не кажется, что наши сеансы тебе надоели, — сказал Штраус.

— Но это же глупо! Пустая трата времени, и моего, и вашего!

Я лежал в полутемной комнате и разглядывал квадратики, которыми был выложен потолок — звуконепроницаемые панели, тысячами дырочек впитывающие каждое слово. Звук, похороненный заживо...

В голове вдруг образовалась пустота. Мозг опустел, и это было необычно, потому что во время таких сеансов мне всегда находилось что сказать. Сны... воспоминания... проблемы... ассоциации...

А сегодня — только дыхание Непокколебимого Штрауса позади меня.

— Я очень странно себя чувствую, — сказал я.

— Расскажешь мне?

О, как он блестящ, как искусен! Какого черта я приперся сюда? Чтобы мои ассоциации поглощались маленькими дырочками в потолке и огромными дырами в моем терапевте?

— Не уверен, хочется ли мне говорить об этом... Непонятно почему, но сегодня я чувствую враждебность к вам... — И тут я выдал Штраусу все, что я о нем думаю.

Даже не видя Штрауса, я догадывался, как он задумчиво кивает головой.

— ...Это трудно объяснить, — продолжал я, — такое у меня бывало всего один или два раза, перед тем как я терял сознание. Головокружение... Все чувства обострены до предела... Конечности немеют...

— Продолжай! — Теперь его голос был резким и взволнованным. — Что еще?

— Я не чувствую своего тела. Кажется, что Чарли где-то рядом. Мои глаза открыты... Я уверен в этом... Они открыты?

— Да, широко открыты.

Из стен и потолка исходит голубовато-белое сияние... оно собирается в мерцающий шар... Висит в воздухе... Свет... Он впивается в глаза... в мозг... все сверкает... Я плыву... нет, я расширяюсь... Я не смотрю вниз, но знаю, что лежу на кушетке. Что это — галлюцинация?

— Чарли, что с тобой?

Не это ли описывают в своих сочинениях мистики?

Я слушаю голос Штрауса, но не хочу отвечать. Меня раздражает его присутствие. Не буду обращать на него внимания. Успокойся и дай *этому*, чем бы оно ни было, наполнить меня светом, поглотить меня...

— Что ты видишь, Чарли? Да что с тобой?!

Я лечу вверх, словно подхваченный потоком теплого воздуха листочек. Ускоряясь, атомы моего тела разлетаются в разные стороны. Я становлюсь легче и больше... больше... Взрываюсь и превращаюсь в солнце. Я — расширяющаяся вселенная, всплывающая в спокойном море. Тело мое поглощает комнату, здание, город, страну... Если я посмотрю вниз, то увижу, как тень моя затмевает планету.

Вот-вот я прорву оболочку существования, словно рыба, выпрыгивающая на поверхность океана, но тут начинаю чувствовать, как что-то тянет меня вниз.

Я разозлился и хочу стряхнуть с себя невидимые путы. На грани полного единения со Вселенной я слышу вокруг себя шепот. Он зовет меня вниз, в мир смертных. Волны медленно опадают, мой непомерно разросшийся дух возвращается в земные измерения — отнюдь не добровольно, я предпочел бы потеряться, — но потому, что меня тянут вниз... к себе... в себя, и через мгновение я снова лежу на кушетке, натягивая перчатку своего брэнного тела на пальцы сознания. Если я захочу, то смогу поднять руку или подмигнуть — но только если захочу. Однако я не хочу! Я не сдвинусь с места!

Я лежу и жду. Чарли не хочет, чтобы я раздвинул занавес мозга. Чарли не желает знать, что скрывается за ним.

Неужели он боится увидеть Бога?

Или он боится не увидеть *ничего*?

Я лежу, жду, момент самосознания проходит, и опять я теряю ощущение собственного тела: Чарли втягивает меня в себя. Я смотрю внутрь, в центр невидимого, на красную точку, и она превращается в цветок со множеством лепестков — мерцающий, клубящийся, светящийся цветок, растущий в глубине моего подсознания.

Я уменьшаюсь. Это не сближение атомов моего тела — это сплавление, словно атомы моего «я» соединяются в микрокосм. Будет страшная жара и непереносимо яркий свет — ад внутри ада, — но я не смотрю на свет, только на цветок, *неумножающееся, неразделяющееся* создание одного из многого. На мгновение мерцающий цветок

превращается в золотистый диск, кружащийся на нитке, потом в клубок радужных струй... Вот наконец я снова в пещере, где тихо и темно. Я плыву по лабиринту в поисках того, кто примет... обнимет... поглотит меня... в самого себя.

Это я и начинаю.

В глубине я снова вижу свет, отверстие в темнейшей из пещер, крошечное и очень далекое, словно видимое не в тот конец телескопа — ослепительное, слепящее, блестящее, а потом снова многолепестковый цветок (кружащийся лотос — он плавает неподалеку от входа в бессознательность). У входа в эту пещеру я найду ответ, если осмелюсь вернуться туда и броситься в заполненный светом грот.

Пока нет!

Я боюсь. Ни жизни, ни смерти, ни пустоты, но открытия того, что меня никогда не было. И когда я начинаю двигаться, то чувствую, как давление окружает меня, толкая волнообразными судорогами к отверстию. Оно слишком маленькое! Я не пройду сквозь него!

Внезапно меня начинает бить о стены, снова и снова, и проталкивает туда, где свет грозит выжечь мне глаза. Я знаю, что смогу пронзить покрывающую святое сияние пелену. Но это больше, чем я в состоянии вынести. Боль, какой я еще не знал, холод, тошнота, невыносимое гудение над головой, похожее на хлопанье тысяч крыльев. Я открываю ослепшие глаза, размахиваю руками, дрожу и кричу.

Из этого состояния я вышел, только ощутив, как меня грубо и настойчиво трясет чья-то рука. Доктор Штраус.

— Слава богу, — прошептал он, когда я осмысленно поглядел на него. — Я не знал, что делать.

— Со мной все в порядке.

— Хватит на сегодня.

Я встал и покачнулся. Кабинет показался мне очень маленьким.

— Да, хватит, и не только на сегодня. Навсегда.

Доктор Штраус, конечно, расстроился, но не стал переубеждать меня. Я надел пальто и вышел.

5 октября

Печатание на машинке стало вызывать у меня затруднения, а думать вслух перед включенным магнитофоном я не умею. Я долго откладывал написание этого отчета, пока не решил, что это важно и я не сяду ужинать, не написав чего-нибудь. Чего угодно.

Утром снова прибыл посыльный от профессора Немура. Он хотел, чтобы я пришел в лабораторию и сделал несколько тестов, тех же самых, что и раньше. Сначала мне показалось, что так и надо — ведь они до сих пор платят мне деньги, да и эксперимент нужно закончить. Но когда я явился в университет и начал работать с Бартом, то понял, как это стало невыносимо.

Первым был нарисованный лабиринт. Я помнил, как легко решал такие задачи, когда соревновался с Элджерноном, и ясно почувствовал, насколько медленнее я все это делаю сейчас.

Барт протянул руку за листком, но я порвал его и бросил клочки в корзину для мусора.

— Хватит. Пора кончать с лабиринтами. Меня занесло в тупик — вот и все.

Барт испугался, что я сейчас уйду, и стал уговаривать меня:

— Не надо так, Чарли, успокойся.

— Что ты имеешь в виду, говоря мне «успокойся»? Ты не понимаешь, что происходит со мной?

— Нет, но могу себе представить. Нам всем очень плохо.

— Прибереги сочувствие для кого-нибудь другого.

Он смутился, и только тут до меня дошло, что это совсем не его вина.

— Прости... Как твои дела? Закончил диплом?

Он кивнул.

— Его сейчас перепечатавают. В феврале получу своего доктора философии.

— Примерный мальчик! — я похлопал его по плечу, показывая, что не злюсь больше. — Копай глубже. Ничего нет лучше образования. Забудь, что я тут наговорил, я сделаю все, что ты попросишь. Кроме лабиринта.

— Немур просил проверить тебя по Роршаху.

— Решил заглянуть в самые дебри? И что же он надеется там найти?

Наверно, вид у меня был печальный, и Барт дал задний ход:

— Не хочешь, не надо. В конце концов, никто тебя не заставляет...

— Ладно, поехали. Только потом не говори мне, чем все кончилось. Ему и не пришлось.

Я часто проходил этот тест и понимал, что экспериментатора интересует не то, что ты видишь на карточках, а то, как ты *воспринимаешь* их: как единое целое или как сумму составляющих, в движении или статично, обращаешь ли внимание на цветовые пятна или игнорируешь их, разнообразны ли ответы или сводятся к нескольким стереотипам. Я сказал:

— Вряд ли ты сможешь многое почерпнуть. Я же знаю, как следует отвечать *мне*, чтобы создать определенное впечатление у *тебя*. Остается только...

Барт молча смотрел на меня.

— Мне остается только...

И тут меня словно кувалдой ударило — я не помнил, что нужно делать. Ощущение было такое, будто я только что видел перед собой написанный на школьной доске текст, но стоило мне отвернуться на секунду, как некоторые слова стерли, а остальные без них потеряли всякий смысл.

Сначала я не поверил сам себе. В панике я быстро перебрал карточки, и мне захотелось разорвать их и узнать, что же там, внутри. Где-то в этих чернильных пятнах таились ответы, которые я только что знал... Нет, не в пятнах, а в той части моего мозга, которая придавала им форму, значение и проецировала их обратно на листки.

Я не мог сделать этого. Я не мог вспомнить, что нужно говорить. Все ушло. Я проямлил:

— Это женщина... Она стоит на коленях и моет пол... Нет, это мужчина с ножом... — Тут я понял, куда меня заносит, и быстро переключился: — Две фигурки... Они тянут что-то... Каждый к себе... похоже на куклу... Они сейчас разорвут ее пополам... Нет! Я хотел сказать, что это два лица... Они смотрят друг на друга через стекло... и...

Я смахнул карты со стола и встал.

— Никаких тестов. Больше не будет никаких тестов.

— Хорошо, Чарли. Давай прекратим.

— Ты меня не понял. Я больше не собираюсь приходить сюда. Все, что тебе нужно, придется брать из моих отчетов. Никаких лабиринтов,

я не морская свинка. Я достаточно потрудился и хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Конечно, Чарли. Я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, потому что происходит это не с тобой. Понять могу только я сам. Но ты тут ни при чем. У тебя есть работа, нужно получить степень... Только не надо ничего говорить мне, я и так знаю, что ты занимаешься этим исключительно из любви к человечеству. У тебя впереди жизнь, которую нужно прожить. Получилось так, что мы с тобой живем на разных этажах. Я проскочил твой этаж по пути наверх, а теперь проезжаю его по дороге вниз. Почему-то мне кажется, что я уже никогда больше не воспользуюсь этим лифтом. Так что давай распрощаемся навсегда.

— Может, тебе стоит поговорить с доктором...

— Скажи всем от меня «до свидания», договорились? Мне не хочется больше никого видеть.

Прежде чем Барт успел ответить или остановить меня, я вышел из лаборатории, поймал идущий вниз лифт и в последний раз вышел из университета Бекмана.

7 октября

Сегодня утром ко мне заходил Штраус, но я не впустил его. Мне хочется побыть одному.

Я беру книгу, которой наслаждался всего несколько месяцев назад, и обнаруживаю, что ничего про нее не помню. Странное ощущение. Вспоминаю, как восхищался Мильтоном. Но когда я взял с полки «Потерянный рай», то припомнил только Адама, Еву и древо познания.

Закрыв глаза и увидел Чарли — себя. Ему шесть или семь лет, он сидит за столом перед раскрытым учебником. Он учится читать, а мама сидит рядом с ним, рядом со мной...

— Повтори!

— Смотри Джек смотри Джек бежит. Смотри Джек смотри.

— Нет! Не «Смотри Джек смотри», а «смотри Джек бежит»! — и тычет в слово заглубевшим от стирки пальцем.

— Смотри Джек. Смотри Джек бежит. Бежи Джек смотри!

— Нет! Ты не стараешься! Повтори!

...Повтори... повтори... повтори...

— Отстань от ребенка. Он тебя боится.

— Ему нужно учиться. Он слишком ленив!

...Беги Джек беги... беги Джек беги... беги Джек беги...

— Просто он усваивает все медленнее, чем остальные дети. Не торопи его.

— Он совершенно нормален. Только ленив! Я вобью ему в голову все, что нужно!

...Беги Джек беги... беги Джек беги... беги Джек беги...

А потом, подняв глаза от стола, я увидел себя взором Чарли, держащего в руках «Потерянный рай», и осознал, что стараюсь разорвать обложку книги. Я оторвал одну половину, вырвал несколько страниц и швырнул все вместе в угол, где уже лежали разбитые пластинки. Они лежали там, и белые языки страниц смеялись надо мной, потому что я не мог уразуметь, что они хотели мне сказать.

Если бы мне удалось удержать хоть часть того, чем я еще владею! Боже, не забирай от меня все!

10 октября

По вечерам я обычно выхожу прогуляться по городу. Без всякой цели. Просто поглядеть на незнакомые лица. Вчера вечером я не смог вспомнить, где живу. Домой меня проводил полицейский, и, кажется, все это уже случилось — очень давно. Мне не хотелось записывать это и пришлось напомнить себе, что я — единственный во всем мире, кто может описать подобное состояние.

Казалось, я не иду, а плыву в пространстве, но не ярком и четком, а пронизанном всепоглощающей серостью. Я сознаю это, но ничего не могу с собой поделать. Я шагаю, а иногда просто стою на тротуаре и всматриваюсь в лица прохожих. Некоторые из них поглядывают на меня, некоторые — нет, но никто не говорил со мной, если не считать одного типа, спросившего, не требуется ли мне девушка. Он куда-то отвел меня и попросил в задаток десять долларов. Я дал, и он бесследно исчез.

И только тогда до меня дошло, какой же я дурак.

11 октября

Вернувшись утром домой, я обнаружил там спящую на диване Алису. Кругом сияла чистота, и поначалу мне показалось, что я попал не в свою квартиру. Потом я заметил, что она не тронула кучу

разбитых пластинок, разорванных книг и нот в углу. Скрипнула половица. Алиса проснулась и увидела меня.

— Привет, сова!

— Я не сова, я додо. Глупый додо. Как ты сюда попала?

— По пожарной лестнице, из квартиры Фэй. Я позвонила ей и спросила про тебя, и она сказала, что ты странно себя ведешь — со всеми ссоришься. Мне пришла в голову мысль навестить тебя... Я прибрала тут немного. Надеюсь, ты ничего не имеешь против?

— Имею, и очень много. Мне противно, когда меня жалеют!

Алиса подошла к зеркалу и принялась расчесывать волосы.

— Я здесь не потому, что мне жалко тебя. Мне жалко себя.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хочу сказать... — она в раздумье пожала плечами. — Это... это как в поэме. Мне захотелось увидеть тебя.

— Так почему ты не пошла в зоопарк?

— Не надо так, Чарли, прошу... Я долго ждала тебя и вот... решила прийти сама.

— Зачем?

— Еще есть время, и я хочу провести его с тобой.

— Как в песне?

— Не смейся надо мной, Чарли.

— Я не смеюсь. Просто я не могу позволить себе тратить время на кого-то другого. Мне его и самому не хватает.

— Я не верю, что ты так страстно желаешь одиночества.

— Именно этого мне хочется больше всего.

— Мы так мало были вместе... Нам было о чем поговорить и было, чем заняться. Пусть и недолго, но наше время *было!* Ведь мы же знали, что может случиться, это ни для кого не было секретом. Чарли, я не отвергла тебя, я просто ждала. Хоть теперь-то мы на одном уровне?

Я метался по квартире.

— Но это же безумие! У нас нет никакого будущего! Я не осмеливаюсь загадывать вперед, я вспоминаю только прошлое! Через несколько месяцев, недель, дней — кто знает! — я отправлюсь в Уоррен. Ты же не пойдешь туда за мной?

— Нет, — согласилась Алиса. — И навещать тебя я скорее всего тоже не буду. Я постараюсь забыть тебя и не хочу притворяться, что поступлю иначе. Но пока ты здесь, нет причин терпеть одиночество.

Она поцеловала меня прежде, чем я успел что-нибудь сказать. Мы сели рядом на диван. Я ждал, но паника не приходила. Да, Алиса — женщина, но, может быть Чарли понял наконец, что она ему не мать и не сестра.

Я вздохнул с облегчением, как выздоравливающий после тяжелой болезни, потому что теперь ничто не могло остановить меня. Не время для страха и притворства — так у меня не могло получиться больше ни с кем на свете. Все барьеры рухнули. Я размотал нить, которую вручила мне Алиса, выбрался из лабиринта, а у выхода ждала меня она. Я люблю ее.

Не буду притворяться, будто знаю, что такое любовь, но то, что произошло, было больше, чем секс. Меня словно подняло над землей, выше всяких страхов и пыток, я стал частью чего-то большего, чем я сам. Меня вытащили из темницы собственного разума, и я стал частью другого существа. Пронзенная лучом света растаяла окутывавшая мой мозг серая пелена. Как странно, что свет может ослеплять...

Мы любили друг друга. Ночь постепенно превратилась в тихий день. Я лежал рядом с Алисой и размышлял о том, как важна физическая любовь, как необходимо было для нас оказаться в объятиях друг друга, получая и отдавая. Вселенная расширяется — каждая частичка удаляется от другой, швыряя нас в темное и полное одиночества пространство, отрывая нас: ребенка от матери, друга — от друга, направляя каждого по собственной тропе к единственной цели — смерти в одиночестве.

Любовь — противовес этому ужасу, любовь — акт единения и сохранения. Как люди во время шторма держатся за руки, чтобы их не оторвало друг от друга и не смыло в море, так и соединение наших тел стало звеном в цепи, удерживающей нас от движения в пустоту.

Прежде чем заснуть, я вспомнил интрижку с Фэй, и улыбнулся про себя. Как там все было просто! Да и не удивительно...

Я приподнялся на локте и поцеловал закрытые глаза Алисы.

Теперь она знает обо мне все, в том числе и то, что вместе мы пробудем недолго. Она согласна уйти в тот момент, когда я попрошу ее. Думать об этом тяжело, но то, что мы обрели, — это больше того, чем большинство человечества владеет за всю свою жизнь.

14 октября

Я просыпаюсь по утрам, долго не могу понять, где я и что тут делаю, потом вижу Алису и вспоминаю. Она чувствует, что со мной не все в порядке, и старается производить как можно меньше шума, занимаясь обыденными делами, — готовит завтрак, заправляет постель. Иногда она уходит и оставляет меня одного.

Вечером мы пошли на концерт, но мне стало скучно, и мы ушли, не дождавшись конца. Не могу сосредоточиться на музыке.

Вообще-то я пошел только потому, что когда-то мне нравился Стравинский, но на этот раз у меня просто не хватило терпения.

Теперь, когда Алиса рядом, я чувствую, что просто обязан бороться с *этим*. Мне хочется остановить время, заморозить себя на одном уровне и никуда не отпускать любимую.

17 октября

Почему я ничего не помню? Алиса говорит, что я целыми днями лежу в постели и ей кажется, что я не понимаю, кто я такой. Потом сознание возвращается, я узнаю ее и вспоминаю, что происходит. Первые ростки тотальной амнезии. Симптомы второго детства — как его называют? — маразм? Он надвигается.

В этом есть жесточайшая, неумолимая логика. Результат искусственного ускорения происходящих в мозгу процессов. Я быстро постиг многое и столь же быстро деградирую. А что, если я не поддамся? Если начну бороться за себя? Мне вспоминаются пациенты лечебницы в Уоррене — бессмысленные улыбки, пустые глаза...

Маленький Чарли Гордон смотрит на меня из окна. Он ждет. Господи, только не это!

18 октября

Начал забывать то, что узнал совсем недавно. Классический образец — недавнее забывается легче всего.

Перечитал свою статью «Эффект Эджернона — Гордона». Знаю, что написал ее именно я, но все равно кажется, что это был кто-то другой. Я в ней почти ничего не понял.

Но почему я стал таким раздражительным? Особенно когда Алиса рядом? Она поддерживает в квартире чистоту и порядок, всегда убирает мои вещи, моет тарелки и скребет полы. Нельзя было так кричать на нее утром. Она плакала, а мне этого совсем не хочется. Она

не имела права убирать разбитые пластинки, ноты и книги, не имела права аккуратно складывать их в ящик. Я разозлился не на шутку. Не хочу, чтобы кто-то прикасался к ним. Желая видеть их всегда перед собой, как напоминание о том, что оставляю позади. Я перевернул ящик, раскидал все обрывки по полу и запретил Алисе прикасаться к ним.

Глупо. Для этого нет никакой причины. Думается, взорвался я потому, что знал, что она думает, что глупо хранить все это барахло, и не сказала мне ни слова. Она притворилась, что все совершенно нормально. Она ублажает меня. Увидев этот ящик, я вспомнил того парня в Уоррене, сделанную им дурацкую лампу и как мы все говорили, что лампа просто замечательная. Ублажали его.

Вот что она делает со мной, а этого я вынести уже не могу.

Когда она ушла в спальню и заплакала, мне стало совсем плохо. Я сказал, что это я один виноват, что не заслуживаю ее. Ну почему я не могу контролировать себя хоть настолько, чтобы продолжать любить Алису? Хоть настолько...

19 октября

Координация движений никуда не годится. Все время спотыкаюсь и роняю вещи. Сначала мне казалось, что это Алиса виновата — переставляет все подряд. То мне под ноги попадет корзина для мусора, то кресло...

Нет, дело во мне самом... Передвигаться приходится все медленнее, печатать на машинке все труднее. Алиса не виновата, но почему она не спорит со мной? Написанная на ее лице жалость раздражает меня еще больше.

Единственное развлечение теперь — телевизор. Я сижу перед ним сутками напролет и смотрю все подряд — старые вестерны, мыльные оперы и даже мультики. Я просто не могу заставить себя выключить его. Поздно вечером начинаются мелодрамы, потом — фильмы ужасов, потом — передачи для тех, кто не спит и кто совсем не спит. Перед тем как канал со вздохом закрывается на ночь, — маленькая проповедь, потом — гимн на фоне развевающегося звездно-полосатого флага... И наконец — сетка, глядящая на меня сквозь маленькое квадратное окошко...

Почему я все время смотрю на жизнь сквозь оконное стекло?

Потом я начинаю злиться на себя, ведь мне осталось так мало времени, чтобы написать что-нибудь, почитать или просто подумать. Зачем я оглупляю себя всей этой белибердой, предназначенной для того ребенка, что сидит во мне. Особенно, если ребенок этот требует, чтобы я вернул ему разум.

Все это я прекрасно понимаю, но когда Алиса говорит, что я зря теряю время, я свирепею и кричу, чтобы она оставила меня в покое.

Очевидно, любовь к телевизору возникла как следствие нежелания думать, вспоминать пекарню, маму, папу, Норму. Я больше не желаю помнить прошлое.

Сегодня ужасный день. Мне захотелось еще раз просмотреть работу, выводами которой я не без успеха пользовался в своих исследованиях, «Über Psychische Ganzheit» Крюгера. С ее помощью я надеялся разобраться в собственной статье. Сначала мне показалось, что что-то не в порядке с моими глазами. Потом я понял, что не могу читать по-немецки. Проверил остальные языки. Все забыл.

21 октября

Ушла Алиса. Посмотрим, смогу ли я вспомнить... Началось, когда она сказала, что не может жить в таком свинарнике.

— Лучше оставь все как есть, — предупредил я.

— Неужели тебе это нравится?

— Просто мне хочется, чтобы все лежало так, как оставил я, мне необходимо видеть все это сразу. Ты представить себе не можешь, что это такое — сознать, что в тебе происходит нечто, чего нельзя ни увидеть, ни проконтролировать, и все утекает сквозь пальцы.

— Ты прав. Я и не говорила, что могу понять происходящее с тобой — ни когда ты был слишком умен для меня, ни теперь. Послушай-ка, что я тебе скажу. До операции ты не был таким. Ты не валялся в собственной грязи, не жалел самого себя, не засорял мозг бесконечным сидением перед телевизором, не грызался и не рычал на людей. В тебе было что-то, что вызывало уважение — да, да, уважение! Такого я у слабоумных прежде никогда не встречала.

— Я ни капли не жалею о том, что случилось.

— Я тоже, но ты многое потерял. У тебя была улыбка...

— Пустая и глупая!

— Нет, настоящая, теплая улыбка! Ведь ты хотел нравиться людям.

— Конечно, хотел, а они разыгрывали меня, издевались...

— Пусть ты не понимал, почему им весело, но чувствовал, что если они смеются, значит, ты можешь понравиться им. Твоим единственным желанием было нравиться людям! Ты вел себя как ребенок и веселился вместе с ними.

— Сейчас у меня нет такого желания.

Алиса изо всех сил старалась не разрыдаться. Полагаю, мне именно этого и хотелось.

— Может, поэтому мне и было так важно поумнеть. Казалось, это заставит людей любить меня, стать моими друзьями... Смешно?

— Высокий КИ — не самое главное в жизни.

Я разозлился. Наверно, оттого, что никак не мог понять, куда клонит Алиса. В последние дни она все чаще говорила загадками, намеками, словно ожидая, что я пойму ее с полуслова. Я слушал, притворялся, что понимаю, но в глубине души боялся, что она раскусит меня.

— Тебе пора уходить.

Она покраснела.

— Еще рано, Чарли. Не прогоняй меня.

— Твое присутствие делает мою жизнь невыносимой. Ты притворяешься, будто я все еще могу делать и понимать вещи, давно забытые мной. Совсем как мама...

— Неправда!

— Это проявляется во всем. В том, как ты подбираешь и подтираешь за мной, как оставляешь на видных местах книги, которые могли бы заинтересовать меня, как рассказываешь новости в надежде вызвать меня на обсуждение. Ты как была учительницей, так и осталась. Я не хочу больше ходить в музеи и на концерты, не хочу делать ничего, что заставило бы меня как-то бороться и думать!

— Чарли...

— Просто уйди. Оставь меня одного. Я — это уже не я. Я разваливаюсь на части, и ты не нужна мне.

Тут Алиса не выдержала и наконец разрыдалась. Днем она собрала вещи и ушла. Квартира стала тихой и пустой.

25 октября

Дела идут все хуже и хуже. Отказался от пишущей машинки — координация никуда. Теперь отчеты придется писать вручную. Я много думал о словах Алисы, и до меня внезапно дошло, что если бы я продолжал читать и запоминать что-то *новое*, даже при том условии, что забывается старое, мне удалось бы удержать часть разума. Эскалатор идет вниз. Если я буду стоять на одной ступеньке, наверняка спущусь до самого дна. Если побегу вверх, то не исключено, что останусь на том же самом месте. Значит — вверх, чего бы это ни стоило.

Я пошел в библиотеку и набрал уйму книг. Большинство из них не понятны, но мне все равно. Пока я буду читать их, я по крайней мере не разучусь читать. Это самое главное. Читай, Чарли, может, и удержишься...

На следующий день после ухода Алисы явился доктор Штраус, значит, она рассказала ему про меня. Он притворился, будто ему нужны только отчеты, и я сказал, что пришлю их. Мне не хочется, чтобы он приходил ко мне. Я попросил его не беспокоиться обо мне и добавил, что когда почувствую, что не в состоянии заботиться о себе, сяду на поезд и отправлюсь в Уоррен.

Хотел поговорить с Фэй, но она боится меня. Решила, наверно, что я сошел с ума. Вчера ночью она кого-то привела — мне он показался очень молодым.

Утром хозяйка, мисс Муни, принесла мне горячего куриного супа. Она сказала, что заглянула ко мне просто узнать, все ли в порядке. Я ответил, что у меня полно еды, но она все равно оставила суп. Он был очень вкусный. Мисс Муни притворилась, будто решила зайти сама, но я еще не настолько поглупел. Это ее Алиса или Штраус попросили. Ну и ладно. Она — приятная пожилая леди с ирландским акцентом и любит поговорить о жильцах. Она заметила, в какую свалку я превратил квартиру, но ничего не сказала.

1 ноября

Целую неделю не мог заставить себя писать. Не понимаю куда уходит время. Сегодня воскресенье я знаю потому что вижу в окно как люди идут в церковь через дорогу. Мне кажется я пролежал в постели целую неделю но помню что миссис Муни несколько раз приносила мне еду и спрашивала не заболел ли я.

Что мне с собой делать? Я не могу болтаться тут совсем один и смотреть в окно. Нужно взять себя в руки. Я твержу себе снова и снова что нужно что то сделать а потом забываю или может быть легче просто ничего не делать когда я говорю себе что нужно сделать.

У меня все еще много библиотечных книг, но я почти ничего в них не понимаю. Я читаю сейчас много детективов и книг про королей и королев из старых времен. Я прочитал книгу про человека который думал что он рыцарь и поехал с другом на старой лошади. Что бы он ни делал всегда оставался побитым. Даже когда подумал что мельницы это драконы. Сначала мне показалось что это глупая книга потому что если бы он не был чокнутым то не принял бы мельницы за драконов и знал бы что не существует волшебников и заколдованных замков но потом вспомнил что все это должно означать еще что-то — про что не пишется в книге а только намекается. Тут есть еще значение. Но я не знаю какое. Я разозлился потому что раньше знал. Я продолжаю читать и каждый день узнаю что то новое и знаю это поможет мне.

Нужно писать отчеты чтобы в лаборатории знали что происходит со мной. Но писать все труднее и труднее. Даже простые слова приходится искать в словаре и я от этого злюсь.

2 ноября

Вчера я забыл на писать про женщину которая живет в доме на против на один этаж ниже. Я увидел ее из окна кухни на прошлой неделе. Я не знаю как ее зовут и даже как выглядит ее верхняя часть но каждый вечер около одинацати она входит в ванную и моеца под душем. Она ни когда не задерживает занавеску и из моево окна когда гашу свет я вижу ее от шеи в низ когда она вытираеца полотенцем.

Мне интересно но когда леди гасит свет мне становица тоскливо и одиноко. Мне хочеца увидеть какое у нее лицо красива она или нет. Я знаю что не хорошо под сматривать за женщинами но ни чево не могу с собой поделатъ. Какая разница если она не знает что я смотрю.

Уже почти одинацать. Пора. Пойду по смотрю.

5 нояб

Мисис Муни беспокоица про меня. Она сказала то как я лежу целыми днями и ни чево не делаю на поминает ей ее сына как раз перед тем как он вы бросился из окна. Она сказала ей не нравяца

лентяи. Если я болею это одно дело а если без дельничаю это совсем другое и я ей такой не нужен Я сказал мне кажеца я за болел.

Я стараюсь а не могу читать рассказы но иногда мне приходица читать ево снова и с нова я ни как не могу понять про што он. И трудно писать. Я знаю што нужно сматреть слова в словаре но я все время усталый.

Мне пришла мысль што надо пользаца маленькими словами а не длинными. Это бережет время. На улице становица холодно но я все равно ложу цветы на могилку Элджернона. Мисис Муни думает это глупо ложыть цветы на могилку мышы но я сказал ей што Элджернон был особеный мыш.

Я хотел сходить к Фэй но она сказала уходи и не вазвращайся. Она вставила в дверь новый замок.

9 нояб

С нова воскресенье. Мне со всем не чево делать потомушто телевизор с ломался а я забыл вы звать мастера. Кажеца я потерял последний чек из колежа. Не помню.

У меня ужастно болит галава и асперин со всем не памагает. Мисис Муни теперь и в правду думает што я болен и она желеет меня. Она чудесная женщина когда кто то болеет. На улице со всем холодно и мне приходица одевать два свитера.

Леди на против стала за дергивать занавеску и мне ни чево не видно. Не везет.

10 нояб

Мисис Муни привела ко мне чудново доктора. Она боялась што я помру. Я сказал ему што не со всем болен а просто забывчив. Он спросил есть у меня друзья или родственники а я сказал нет у меня ни ково нет. Я сказал ему што у меня был друг Элджернон и мы с ним бегали на пере гонки. Он по смотрел на меня как бутто я чокнулся.

Я сказал ему што был гением а он улыбнулся он гаварил со мной как с ребенком и под мигивал мисис Муни. Я расирдился потомушто он издивалси над мной вы гнал ево и запер дверь.

Мне кажеца я знаю по чему мне не везет. Это потомушто я по терял заечью лапку и подкову. Нужно до быть новую.

11 нояб

Севодня док Штраус при ходил и Алиса то же а я не в пустил их. Я сказал им што я не хочю ни ково видить. Я хочю быть один. Потом мисис Муни пре несла еду и она сказала мне што они за платили ренту и оставили ей денег што бы платить за еду и купить мне што нужно. Я сказал ей што больше не хочю пользоаца ихними деньгами. Она сказала деньги есть деньги и кто то должен платить а то я вы селю тебя. Потом она сказала найди себе работу в место штобы болтаца без дела.

Я не знаю ни какой работы кроме што я делал в пикарне. Я не хочю вазвращаца туда потомушто они знают што я был умный и будут смияца над мной. Я не знаю што ещо делать штобы за работать деньги а я хочю платить за все сам. Я сильный и могу работать. Если я не с могу заботица про себя сам то у еду в Уоррен. Не хочю ни от ково благо тварительность.

15 нояб

Хотел по читать свои старые отчеты и это страно но я не могу читать што на писал. Я могу разобрать не которые слова но они ни чево не значют. Мне кажеца это я их на писал но я не помню. Когда я стараюсь читать книги которые купил в аптеке то с разу устаю. Кроме тех где есть картинки с красивыми девушками. Мне нравица смотреть на них но потом у меня чюдные сны. Это не хорошо. Не буду больше их покупать. Я про читал што сделали валшебный парашок от которого человек делаеца сильным и умным и может сделать много всево. Может я про дам кое што и куплю не много ево себе.

16 нояб

Алиса снова при ходила а я сказал уходи я не хочю тебя видить. Она плакала и я плакал то же но я не пустил ее потому што не хотел штобы она смиялась над мной. Я сказал ей она мне больше не нравица и я не хочю быть умным с нова. Это не правда Я все ещо люблю ее и все ещо хочю быть умным но я сказал так штобы она у шла. Мисис Муни сказала мне Алиса при несла денег штобы заботица про меня и на ренту. Я не хочю этово. Нужно найти работу.

Пожалуста... ну пожалуста... пусть я не за буду как читать и писать...

18 нояб

Мистер Доннер очень удивился когда я пришел к нему и по просил старую работу. С начала он был подо зрителен а потом я рассказал ему про што со мной было и он стал печальный положыл мне руку на плечо и сказал Чярли ты просто молодец.

Все смотрели на меня когда я с пустился в низ и начял мыть сортир как раньше. Я сказал себе Чярли если они будут смияца над тобой не абраццяй внимания потомушто они не такие уш умники как тебе казалось с начала. И ещо они были раньше твои друзья и если и смиялись над тобой то это потомушто ты им нравился.

Один из новых который пришел работать сюда после тово как я ушел ево зовут Майер Клаус сделал с мной плохую вещь. Он поднялся ко мне на верх когда я грузил мешки с мукой и сказал эй Чярли я слышал ты головатый парень — прям гений. Скажы штонибудь умное. Мне стало обидно потомушто я видел што он смиеца над мной. Так што я про должыл работать. Но потом он подо шол блиско и крепко с хватил меня за руку и за орал на меня. Когда я гаварю с тобой щинок ты лутше слушай меня. Или я с ломаю тебе руку. Он вывернул мне руку мне стало очень больно и я ис пугался што он с ломает ее как сказал. А он смиялся и вы ворачивал ее а я не знал што делать. Мне было страшно и думал што заплачу но не заплакал и мне стало нужно в сортир потомушто в жывете у меня все за крутилось и я падумал што сичас взарвусь потомушто я не мог у держаца.

Я сказал ему пожалуста пустите меня потомушто мне нужно в сортир а он все смиялся а я не знал што делать. Я заплакал. Пустите меня. Пустите меня. А потом я сделал в штаны и за вонял и плакал. Он пустил меня лицо у нево пере касилось и он сказал бог мой Чярли я не хотел ни чево таково.

Пришел Джо Карп с хватил Клауса за рубаху и сказал от стань от нево а то я с верну тебе шейю ты вшывый ублюдок. Чярли атличный парень и ни кто не будет из деваца над ним без наказано. Мне было стыдно и я по бежал почистица и пере одеца.

Когда я вернулся пришел Фрэнк и Джимпи и Джо рассказал им и они сказали надо гнать Клауса к чортовой матери. Они хотели сказать мистеру Доннеру штобы он выгнал ево. Я сказал им не нужно вы гонять ево потомушто у нево жена и рибенок. Я сказал надо дать Клаусу шанс потомушто теперь он не сделает мне ни чево плохово.

Потом Джимпи при хромал ко мне на деревянной ноге и сказал Чярли если кто будет при ставать к тебе скажы мне Джо или Фрэнку и мы при ведем тово в чувство. Мы все хотим штобы ты помнил што у тебя есть здесь друзья и ни когда не забывай этово. Я сказал спасибо Джимпи. Мне хорошо.

Как здорово когда у тебя есть друзья.

21 нояб

Я севодня сделал глупую штуку я забыл што я не хожу к мис Кинниан в центр для взрослых как раньше. Я пришол сел на старое место и она чюдно по смотрела на меня и сказала Чярли где ты был. А я сказал привет мис Кинниан я готов учица только я по терял книшку.

Она за плакала и у бежала из класа и все стали гледеть на меня и я увидил што почти все они не из моего класа.

Тут я с разу вспомнил коешто про апирацыю и как я был умным и сказал ну и штука каково Чярли Гордона я от мочил. Я ушол пока она ещо не вернулась.

По этому я уежаю на всегда в Уоррен. Не хочю с нова быть глупым. Я не хочю штобы мис Кинниан желела меня. Я знаю што в пикарне то же все желеют меня и я уежаю туда где много таких людей как я и ни ково не валнует што Чярли Гордон раньше был гений а сичас не может читать книгу.

Я возьму пару книг с собой пусть я не могу читать я буду трудица и может даже стану чютьчють умнее чем был до апирацыи без апирацыи. У меня есть новая заечья лапка и щесливое пенни и даже асталось не много волшебного парашка и может они по могут мне.

Мис Кинниан если вы про читаете это не желейте меня. Я рат што у меня был второй шанс как вы сказали я был умным и вы учил уйму всево чево я не знал што есть на свете и я рат што кое што по видал. Хорошо што я вспомнил про маму и папу и Норму и про себя. Ведь было как бутто у меня не было семьи пока я не вспомнил про них и увидил их и сичас я знаю што у меня были родные и я был человек как все.

Я не знаю пачиму я с нова стал глупым или што я сделал не так как надо. Может это по тому што я не очень старался или кто то с глазил меня. Но если я буду трудица как следует может я стану умнее и у знаю што азначают все слова. Я помню как здорово было читать

галубую книгу с порваной аблошкой. А когда я за криваю глаза я думаю про человека каторый по рвал аблошку и он пахош на меня только он вы гледит и гаварит по другому и мне кажеца што это не я потомушто я в роде как вижу ево из окна.

Чесное слово я буду стараца стать умным штобы мне с нова стало хорошо. Как здорово знать и быть умным и я хочю знать все в мире. Я хочю стать умным с разу. Если бы я мог я сидел бы и читал все время.

Спорим што я первый слабо умный в мире каторый сделал кое што важное для науки. Я сделал штото я не помню што. Мне кажеца я сделал это для всех людей таких как я.

Прощайте мис Кинниан и док Штраус и все все.

P.S. Пожалуста скажите профу Немуру штобы он не абижался когда люди смиюца над ним и тогда у него будет много много друзей. Очень легко иметь друзей если раз ришаеш смияца над собой. Там где я буду жыть у меня будет много друзей.

P.S. Пожалуста если с можете положыте на могилку цветы для Элджернона. На заднем дворе.

Послесловие

В истории американской фантастики немало случаев, когда один и тот же рассказ или роман получал две самые высокие награды, присуждаемые за лучшие произведения года в этом жанре — премию «Хьюго» (приз читательской популярности, которым автор награждается на ежегодных конвентах любителей фантастики) и премию «Небьюла» (профессиональный приз, присуждаемый по итогам голосования членов Организации писателей-фантастов Америки). Однако лишь дважды высшие награды получал и рассказ, и созданный на его основе позже роман, хотя подобные проекты — сделать из успешного рассказа роман — в издательской практике США явление вполне обычное. Первое такое достижение принадлежит автору романа, с которым читатель только что познакомился.

Рассказ «Цветы для Элджернона» был опубликован в 1959 году в журнале «Фэнтези энд сайенс фикшн» и в 1960-м получил «Хьюго». Премию «Небьюла» стали присуждать только с 1965 года, но, появившись она раньше, рассказ, возможно, завоевал бы и ее: немного найдется фантастических произведений, удостоившихся столь высокой и почти единодушной оценки как читателей, так и профессионалов жанра. Автор не только продемонстрировал новые возможности техники повествования и развития сюжета, но и сумел сделать это абсолютно естественно: перед вами прежде всего удивительная история, и литературное экспериментирование несколько не мешает ее ходу. Одним словом, рассказ мастерский — золотой фонд современной фантастики. (Советский читатель познакомился с ним в 1967 году — «Библиотека современной фантастики», т. 10.)

А в 1966 году вышел в свет роман с тем же названием, и Даниэл Киз второй раз взошел на фантастический Олимп — снова высшая награда, теперь уже «Небьюла». Техника повествования несколько иная, читатель гораздо ближе знакомится с героем, здесь больше эмоций, больше размышлений, но это по-прежнему тонкая, невероятной силы драма, трагедия разума и одно из самых важных произведений фантастической литературы.

В 1968 году режиссер Ральф Нелсон снял по роману Даниэла Киза довольно успешный фильм «Чарли», и Клифф Робертсон, сыгравший в нем Чарли Гордона, получил «Оскара» за лучшую мужскую роль. Бродвей также не остался в стороне, хотя мюзикл «Чарли и Элджернон» (1980) долго на сцене не продержался.

Даниэл Киз родился 9 августа 1927 года в Нью-Йорке. Образование получил в Бруклинском колледже. После войны три года служил на флоте, а его карьера в фантастике началась в 1950 году, когда он стал младшим редактором в журнале «Марвел сайенс сториз». Позже Даниэл Киз сменил множество занятий, но так или иначе всегда работал с литературой. Хотя первый его фантастический рассказ «Прецедент» появился еще в 1952 году, он опубликовал совсем немного — два романа и не более десятка рассказов. Может быть, это как раз тот случай, когда автору, создавшему нечто уникальное, превзойти самого себя уже почти невозможно. Однако след в истории литературы, и фантастики в частности, Даниэл Киз оставил ярчайший — «Цветы для Элджернона», и теперь у советского читателя есть возможность познакомиться с его замечательным романом.

Переводчик романа Сергей Шаров, к сожалению, не дожил до появления этой книги. Он умер летом 1988 года в возрасте всего 35 лет. «Цветы для Элджернона» — его первая публикация, но, очевидно, не последняя: переводчиком он был, без сомнения, одаренным, эрудированным, тонко чувствующим и искренне увлеченным работой. Фантастику Сергей переводил просто из любви к этому жанру, бескорыстно, что называется, в стол — не так уж много ее до недавнего времени публиковали, — хотя, разумеется, мечтал увидеть свои переводы напечатанными, поделиться с читателем найденным чудом. И вот перед вами его работа, книга, которая едва ли оставит кого-то равнодушным, а значит, надолго останется в памяти — о чем еще может мечтать переводчик?

Александр Корженевский

Дэниел Киз

Цветы для Элджернона

Ответственный редактор *Наталья Шульпина*

Редактор *Юлия Жандарова*

Дизайн переплета *Сергей Хозин*

Макет и верстка *Лариса Чернокозинская*

Корректоры *Валентина Балог, Татьяна Сковородникова*

Подписано в печать 7.11.2012. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Миньон.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,5. Тираж 3000 экз. Заказ

ООО «Мани, Иванов и Фербер»

www.mann-ivanov-ferber.ru

ivanov@mann-ivanov-ferber.ru

ООО «Издательство «ЭКСМО»

www.eksmo.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

ДЭНИЕЛ КИЗ

Цветы для Элджернона

Когда-то это считалось фантастикой. Сейчас это воспринимается как одно из самых человечных произведений новейшего времени, как роман пронзительной психологической силы, как филигранное развитие темы любви и ответственности.

Изменения с Чарли Гордоном происходят на наших глазах, здесь и сейчас. А в итоге — все просто. Гении и идиоты — две стороны одной медали. У них разные IQ, отличаются условия жизни, но они похожи в одном — часто и те, и другие бесконечно одиноки. А цена за мечту — стать умным — становится слишком высокой.

У Чарли есть двойник — мышончок Элджернон, только Чарли понимает поведение мышонка и то, что ему самому отведена та же роль подопытной мыши, не больше. Ему плохо, и финал предсказуем. Сжимается сердце, и текут слезы...

«Я положил на его могилку букетик ромашек и долго плакал».

ISBN 978-5-04-156762-0

